

С О В Е Т С К А Я Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1978

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. Ф. БЛАГОВА

К ТЕОРИИ ТЮРКСКОГО СКЛОНЕНИЯ*

1. Перед современной советской тюркологией стоят такие важные задачи, как составление диалектологических атласов отдельных тюркских языков и «Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза». В связи с этим возникает необходимость создания сравнительных регионально-диалектных грамматик тюркских языков. При решении этих задач чрезвычайную важность приобретает предварительная обработка собранных диалектных материалов по единой методике, обеспечивающей сопоставимость этих материалов, несмотря на их внутрикатегориальное формантное многообразие, которое далеко не всегда может быть объяснено фонетически.

Среди словоизменительных категорий тюркского имени категория падежа в различных языках и диалектах обнаруживает довольно сильную вариантность формативов даже в рамках одного падежа. При ближайшем рассмотрении оказывается, что подобное многообразие вариантов падежных формативов в ряде случаев нельзя истолковать лишь в качестве результата действия фонетических факторов, как это нередко еще делается.

Тюркское склонение¹ не однажды привлекало к себе внимание специалистов, которые изучали его в плане формально-парадигматическом, семантическом и функционально-синтаксическом, а также эволюционном; падежи в ряде тюркских языков и диалектов описываются с той или иной степенью полноты в грамматиках и диалектографических монографиях.

Тем не менее вопрос о выработке единообразного подхода к описанию тюркского склонения не ставился, хотя необходимость такого подхода очевидна, например, уже при подготовке многочисленных диалектных данных к включению в диалектологические атласы республиканского и всесоюзного масштаба. По нашему мнению, единообразие анализа тюркского склонения может быть обеспечено лишь системным подходом, исключающим разрозненное рассмотрение каждого из тюркских паде-

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на I Международном симпозиуме востоковедов социалистических стран; см.: Г. Ф. Благова. К теории тюркского падежного склонения. — «Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему „Теоретические проблемы восточного языкознания“», ч. I, М., 1977, стр. 33—35; ср.: *ее же*. О типах и структурных разновидностях падежного склонения в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1.

¹ Мы придерживаемся представленного в языковедческой литературе воззрения, в соответствии с которым под склонением понимается формально-парадигматический аспект изучаемой категории (см., например: Ю. Н. Мазур. Склонение в корейском языке. М., 1962, стр. 4).

жей в отдельности, как это еще имеет место в некоторых тюркологических трудах. Системный подход к изучению морфологии тюркских языков осуществляется в трудах целой плеяды ученых — Г. П. Мельникова, С. Н. Иванова, Э. А. Груниной, Д. М. Насилова, В. Г. Гузева, Х. Г. Нигматова, И. В. Кормушина и некоторых других.

Важно, что именно при системном подходе закономерным становится «примат внутрисистемных факторов», признавая который, «причины изменений, скажем, в морфологии, следует искать прежде всего в собственно морфологии...»². Применительно к нашему случаю, наборы падежных форм, посредством которых различаются между собой тюркские языки, принадлежащие к разным классификационным группам, должны получать морфологическое объяснение.

Нам представляется, что, применяя именно системный морфологический метод, можно выяснить те основы, на которых зиждется тюркское склонение³.

2. Давно установлено, что наличие разных окончаний для одного падежа в языке, принадлежащем к той или иной группе языков разных систем, обусловлено своеобразным перекрещиванием категории падежа, с одной стороны, а с другой — категорий рода или числа, одушевленности — неодушевленности или же грамматических классов. В тюркских же языках, как известно, грамматические категории рода, одушевленности — неодушевленности отсутствуют, а имена единственного и множественного чисел получают одинаковые падежные формативы.

Между тем более сорока лет назад В. А. Богородицкий, начиная свой сравнительный очерк татарского склонения, увидел «главную особенность существительных в тюркских языках... в том, что существительные употребляются в двояком виде — простом или бесчленном, напр. им. ед. *баш* 'голова', *бала* 'дитя', и членно-притяжательном, когда те же слова принимают притяжательную приставку...»⁴. Иными словами, ученый заметил важную и своеобразную оппозицию тюркских имен существительных: «чистые» имена — имена с аффиксами принадлежности («посессивные» имена), которая другим — иносистемным — языкам не известна.

Именно эта оппозиция, налагаясь на тюркское склонение, весьма сильно воздействует на него. Показательно, что, описывая тюркское склонение, тюркологи с давних времен выделяют в нем, с одной стороны, «простое» или «безличное» склонение «чистых» имен, а с другой — «притяжательное», «лично-притяжательное», «посессивное» склонение имен, снабженных аффиксом принадлежности. Мы называем первое именной парадигмой склонения, а второе — посессивно-именной парадигмой⁵. Само по себе выделение этих двух склонений (или парадигм) и такая система наименований объективно означают признание на практике того, что в основе тюркского склонения лежит перекрещивание двух грамматических категорий — падежа и принадлежности. Как известно, соотношение этих двух перекрещивающихся (но не «далеко отстоящих друг от друга»!) категорий уже привлекало к себе внимание

² В. К. Журавлев. Введение в диахроническую морфологию. — «Linguistique Balkanique», t. XIX, fasc. 2—3, 1976, стр. 52.

³ Как известно, «дальнейшая разработка методологических основ исследования грамматики на системно-структурном уровне» включена в программу работ советских тюркологов; см.: А. Н. Кононов. Современное тюркское языкознание в СССР. Итоги и проблемы. — «Вопросы языкознания», 1977, № 3, стр. 25.

⁴ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, стр. 143.

⁵ Третья парадигма тюркского склонения — местоименная — здесь нами самостоятельно не рассматривается.

исследователей, однако трактовалось оно в другом плане — семантическом и синтаксическом⁶.

Перекрещивание категорий принадлежности и падежа имеет собственный морфологический показатель — это так называемый «вставочный» *-n-*, который возникает при склонении имен с аффиксом принадлежности 3-го лица в локальных (дательном, местном, исходном) падежах. В плане синхронии мы предлагаем морфологическую трактовку элемента *-n-* и называем последний интерфиксом, связывая его семантически с выражением перекрещивания категории падежа и принадлежности 3-го лица⁷ (вопросы этимологизации интерфикса *-n-* должны быть предметом самостоятельного изучения). Тем самым внимание фиксируется на неизменности позиции *-n-* между предшествующим ему аффиксом принадлежности 3-го лица и последующим падежным формативом. Применением термина «интерфикс» узаконивается чисто грамматическое назначение «вставочного» *-n-* в плане синхронии.

Как правило, в тюркских языках сфера действия интерфикса *-n-* ограничивается двояко — и в отношении категории принадлежности (сго имеют только имена с аффиксами принадлежности 3-го лица), и в отношении категории падежа (только в локальных падежах). Между тем в якутском языке можно наблюдать уникальное явление, на которое нам указала Е. И. Убрятова: рефлекс интерфикса *-n-* прослеживаются во всей посессивно-именной парадигме — не только 3-го лица, но также 1-го и 2-го лиц единственного и множественного чисел, то есть здесь нет ограничений по линии категории принадлежности (охвачены все лица единственного и множественного чисел). Нет ограничений и в отношении категории падежа: рефлекс *-n-* выявляются не только в локальных падежах (ср. местный падеж некоторых причастий: *бара иликпинэ* 'когда я еще не ушел', *бара илик-кинэ* 'когда ты еще не ушел', *бара илиг-инэ* 'когда он еще не ушел'). Есть такие рефлекс и в некоторых других падежах: в редко встречающемся частном падеже с морфемосочетанием аффикса принадлежности соответствующего лица и числа и падежного форматива: *-бына*, *-гына*, *-ына*, *-бытына*, *-гытына*, *-ларына*; а также в сравнительном падеже с соответствующими морфемосочетаниями: *-бынааҕар*, *-гынааҕар*, *-ынааҕар*, *-бытынааҕар*, *-гытынааҕар*, *-ларынааҕар*; в падежеобразном совместном «падеже» с морфемосочетаниями: *-быныын*, *-гыныын*, *-ыныын*, *-бытыныын*, *-гытыныын*, *-ларыныын*⁸. Консонантические аналути формативов всех этих падежей (*-та*, *-тааҕар*, *-лыын*), по мнению Е. И. Убрятовой, были ассимилированы под воздействием интерфикса *-n-*, а возникшие в результате геминированные *-n-n-* были впоследствии упрощены.

Таким образом, можно считать, что в якутском языке наблюдается рефлекс идеального выразителя перекрещивания категорий падежа и принадлежности.

3. Исходя из признания того, что тюркское склонение построено на перекрещивании категорий принадлежности и падежа, мы считаем

⁶ См.: С. Н. Иванов. К истолкованию категории принадлежности. — «Советская тюркология», 1973, № 1; Х. Г. Нигматов. Соотношение категорий падежа и принадлежности в языке тюркских памятников XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1977, № 4.

⁷ Таким образом, термин «интерфикс» используется нами в совершенно иных целях и в ином значении, нежели в русском языкознании при изучении словообразования.

⁸ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка, II. Сложное предложение. Кн. I. Новосибирск, 1976, стр. 119, 123—124, 133 и сл.; «Языки народов СССР», т. II, 1966, стр. 409; ср.: Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык, ч. I. Якутск, 1947, стр. 112—113 и 73—74.

именную, посессивно-именную и местоименную парадигмы структурными разновидностями тюркского склонения.

Придерживаясь этого воззрения и опираясь на системный морфологический подход, необходимо в каждом конкретном случае различать, какие варианты падежных формативов вызваны к жизни фонетическими, позиционными условиями, а какие — условиями морфологическими. Закрепленность того или иного варианта падежного форматива за определенной парадигмой позволяет считать его морфологическим, а не фонетическим вариантом.

Первым шагом, без которого нельзя осуществить выработку единообразного морфологического подхода к изучению тюркского склонения, явилось вычленение наборов тех падежей, которые, будучи представленными во всех тюркских языках, различаются в них своими формативами. При обращении к классификациям тюркских языков, построенным с учетом не только фонетических, но и морфологических признаков, оказывается, что в качестве этих последних традиционно используются с большей или меньшей полнотой наборы падежей, каждый из которых способен иметь по две серии формативов — с консонантическим и вокалическим анлаутом⁹. Это так называемые грамматические — родительный, винительный, дательный — падежи. К числу таких классификационных признаков тюркского склонения следует отнести также наличие (или отсутствие) интерфикса *-n-* в локальных падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица.

Для каждого тюркского языка и диалекта учитывается характер распределения вокалических и консонантических вариантов формативов родительного, винительного, дательного падежей, прежде всего, в именной и посессивно-именной парадигмах. На этой основе определяются такие новые для тюркского языкознания параметры, как парадигмная дистрибуция (распределение), парадигмная емкость вариантов названных формативов, их внутрипарадигмные соотношения, а также соотношения парадигм между собой по названным признакам. В совокупности названные параметры изучения составляют критерии системной оценки фактов тюркского склонения.

Избранные в качестве классификационных признаков падежи: родительный — *-ıñ ~ -nıñ*, винительный — *-ı ~ -nı*, дательный — *-a ~ -ğa* — обнаруживают известную формантную соотносимость друг с другом. Это значит, что использование, скажем, вокалического форматива одного из этих падежей подразумевает употребление вокалических же формативов двух других падежей при равных фонетических и грамматических условиях. При условии соблюдения этой соотносимости именно названные падежи могут составить структурно выдержанную совокупность форм.

Что касается интерфикса *-n-*, то в большинстве тюркских языков он обладает стандартными парадигмной дистрибуцией и парадигмной емкостью, существенные отличия в которых отмечены в якутском языке и ряде смешанных тюркских диалектов.

Установление названных параметров для каждого тюркского языка и диалекта позволяет охарактеризовать в нем соотношение всех трех парадигм по названным классификационным признакам и тем самым обеспечить единообразный подход к изучению тюркского склонения, а это, в свою очередь, помогает внести уточнения в классификацию тюркского склонения.

⁹ См., например: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 64—65; Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 118, 145, 171.

4. Попытаемся применить критерии системной оценки фактов тюркского склонения к соответствующим материалам различных групп тюркских языков.

4. 1. В таком представителе огузской группы, как туркменский язык, формативы родительного и винительного падежей обеих серий, то есть *-iŋ* и *-niŋ*, *-i* и *-ni* используются во всех трех падежных парадигмах в соответствии с фонетическими условиями ауслаута склоняемого слова. Поэтому именно здесь названные падежные формативы обеих серий более всего подходят под статус фонетических вариантов.

Несколько сложнее обстоит дело с распределением формативов дательного падежа: здесь первоначальное соотношение *-a*—*-ya* затемнено последующими фонетическими процессами.

В туркменском языке, таким образом, наблюдается почти равная парадигмная емкость формативов обеих серий, по крайней мере, для родительного и винительного падежей, а их парадигмное распределение характеризуется равномерностью при явном преобладании вокалического форматива дательного падежа *-a*. Для внутрипарадигмных соотношений в туркменском показательно то, что и именная, и посессивно-именная парадигмы характеризуются структурной выдержанностью. В частности, в посессивно-именной парадигме вокалические формативы родительного, винительного и дательного падежей составляют структурно выдержанную совокупность, к которой закономерно подключается интерфикс *-n-*, облигаторный для посессивно-именной парадигмы 3-го лица. Посессивно-именная парадигма (только 3-го лица!) противопоставляется именной лишь по интерфиксу *-n-*. Межпарадигмные соотношения вокалических и консонантических формативов родительного и винительного падежей здесь вполне симметричны: и те, и другие формативы представлены в именной и посессивно-именной парадигмах.

4. 2. В казахском языке, принадлежащем к кыпчакской группе тюркских языков, парадигмные емкости названных падежных формативов обеих серий далеко не одинаковы и не равны одна другой. Консонантические формативы родительного *-niŋ/-diŋ*, винительного *-ni/-di*, дательного, *-ge/-ya* имеют максимальную парадигмную емкость, употребляясь как в именной, так и в посессивно-именной парадигмах (с ограничениями в посессивно-именной парадигме для дательного *-ya* и отчасти — для винительного *-di*). Из вокалической серии падежных формативов только дательный *-a* представлен в посессивно-именной парадигме 1-го—3-го лиц единственного числа и 3-го лица множественного числа. Вместе с интерфиксом *-n-* дательный падеж на *-a* призван здесь обособлять посессивно-именную парадигму от именной. Посессивно-именная парадигма противопоставляется именной по двум признакам — интерфикса *-n-* (для 3-го лица) и дательного падежа *-a* (для 1-го—3-го лиц единственного числа и 3-го лица множественного числа). В силу этого своего назначения вокалический форматив *-a* в казахском языке должен рассматриваться не как фонетический вариант, а как морфологический показатель. Парадигмная емкость дательного *-a* здесь весьма ограничена, а его парадигмное распределение характеризуется асимметричностью.

Таким образом, касаясь внутрипарадигмных соотношений казахского склонения, можно говорить о полной структурной выдержанности только именной парадигмы, но не посессивно-именной парадигмы. В посессивно-именной парадигме симметрично соотносимыми можно признать только дательный *-a* и облигаторный интерфикс *-n-* (для 3-го лица). Для межпарадигмных соотношений в казахском склонении харак-

терна известная асимметричность именной и посессивно-именной парадигм.

4. 3. В уйгурском и узбекском языках в именной и посессивно-именной парадигмах представлены только консонантические формативы. Поэтому парадигмная емкость вокалических падежных формативов равна здесь нулю (соответственно отсутствует интерфикс *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица). Напротив, парадигмная емкость консонантических формативов здесь является максимальной.

Для внутрипарадигмных соотношений узбекского и уйгурского склонений характерна структурная выдержанность как именной, так и посессивно-именной парадигм. Межпарадигмные соотношения вполне симметричны, поскольку консонантические формативы охватывают как именную, так и посессивно-именную парадигмы; тем самым противопоставление этих двух парадигм полностью снимается.

5. На основе морфологической трактовки формантной многообразности тюркского склонения и применения критериев системной оценки его фактов можно выделить четыре классификационных типа тюркского склонения: огузский (см.: 4. 1), кыпчакский (4. 2), уйгурско-узбекский (карлукский) (4. 3), а также южносибирский.

5. 1. Южносибирский тип по основным параметрам занимает промежуточное положение между кыпчакским и уйгурско-узбекским типами склонения. Специфические черты южносибирского типа можно наблюдать в тувинском, чулымско-тюркском, сарыг-югурском языках (менее четко — в шорском). Здесь консонантические падежные формативы распространяются как на именную, так и на посессивно-именную парадигмы. Облигаторный интерфикс *-n-* при склонении имен с аффиксом принадлежности 3-го лица сопрягается здесь с консонантическим формативом дательного падежа *-ya* (то есть *-n-ga* взамен обычного *-n-a*). Посессивно-именная парадигма (только 3-го лица) противопоставляется именной лишь по интерфиксу *-n-*, как и в огузском типе склонения (см.: 4. 1).

5. 2. Исходя из морфологической трактовки двух серий падежных формативов и пользуясь критерием системной оценки, можно устанавливать различные смешанные подтипы тюркского диалектного склонения.

6. 1. Таким образом, системный подход к изучению тюркского склонения, предполагающий выделение его классификационных признаков и установление критериев системной оценки его фактов, позволяет дать наиболее точное и единообразное описание склонения по конкретным тюркским языкам и диалектам.

Именно системное, точное и единообразное описание не только склонения, но и других грамматических категорий является насущно необходимым на современном этапе практической деятельности советских тюркологов-языковедов и прежде всего диалектологов.

6. 2. Вместе с тем такой подход помогает перейти к следующей ступени обобщения, а именно к классификации тюркского склонения. Установление классификационных типов и подтипов тюркского склонения может явиться одной из тех частных грамматических классификаций, осуществление которых строго по грамматическим категориям и последующее наложение одной на другую позволит найти реальный путь к общей классификации тюркских языков¹⁰. Актуальность подобных частных грамматических классификаций очевидна уже потому, что общая

¹⁰ Ср.: В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 135.

классификация тюркских языков признается одной из самых насущных проблем тюркского языкознания¹¹.

6. 3. Системный подход и разработанную на его основе методику можно применить к изучению склонения не только в современных живых тюркских языках и диалектах, но также и в памятниках древней и средневековой тюркской письменности. С помощью системных исторических экскурсов и с привлечением данных живых тюркских языков и диалектов станет возможным собирание воедино доселе разрозненных фактов, относящихся к самому механизму развития тюркского склонения.

Обобщение этих фактов с позиций как исторической грамматики, так и сравнительно-исторической морфологии тюркских языков позволяет по-новому взглянуть на историческую эволюцию тюркского склонения. На первый план выдвигается исследование внутрипарадигмных и межпарадигмных соотношений в разные периоды развития тюркского склонения, установление изменения этих соотношений и межпарадигмных взаимодействий разного рода, определение исторических тенденций, лежащих в основе эволюционных процессов, происходивших в тюркском склонении¹².

¹¹ См. об этом: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 26.

¹² Этим проблемам был посвящен доклад автора «Соотношения падежных парадигм в развитии тюркского склонения» на конференции по сравнительно-исторической морфологии тюркских языков (Москва, 11—12 сентября 1978 года).

К. М. АБДУЛЛАЕВ

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ КАК ОБЪЕКТ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В лингвистике изучение сложного объекта не сводится лишь к анализу арифметической суммы составляющих его компонентов, ибо подобный объект всегда обладает интегральными свойствами, неаддитивностью¹.

Действительно, по сравнению с самим сложным объектом части его представляют собой не абсолютную, а лишь относительную структурно-семантическую целостность. Подобная относительная самостоятельность объекта (несложного) предполагает его включенность в состав другого более сложного, основные параметры которого соответствовали бы назначению несложного объекта.

Таким образом, сложное синтаксическое целое, будучи объектом сложным, обладает абсолютной семантико-структурной целостностью, отдельное же предложение в его составе — относительной семантико-структурной целостностью.

Понятие, выражаемое группой сцепленных между собой определенным образом отдельных предложений, издавна привлекало внимание исследователей. Еще М. В. Ломоносов, говоря о риторике, останавливался на нем. Русские языковеды прошлого столетия также выделяли «период» (Востоков), утверждали, что «речь — сочетание предложений» (Буслаев), говорили о «совокупности предложений» (Потебня)². Исследовали это явление и советские лингвисты. Так, А. М. Пешковский четко определил особую группу предложений, охарактеризовав ее как единицу более крупную, чем сложное целое. Сложное целое, по мнению А. М. Пешковского, представляет собой одно предложение, часто сложносочиненное³, или «особую группу предложений», «сочетание сложных целых от одной красной строки до другой»⁴.

¹ В. В. Виноградов. Введение. Грамматика русского языка. М., 1960, т. 2, ч. I (синтаксис), стр. 98—99; В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 163; В. Солнцев. К вопросу о семантике, или языковом значении (вместо предисловия). — В сб.: «Проблемы семантики». М., 1974, стр. 10; А. Н. Баскаков. Структурные типы словосочетаний и предложений в современном турецком языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1972, стр. 24; С. А. Соколов. Исследование по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке. Автореф. докт. дисс. М., 1974, стр. 3.

² Более подробно об истории изучения этой категории см.: Г. Я. Солганик. Синтаксическая стилистика. М., 1973, стр. 12 и сл.

³ Ср.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 455.

⁴ Там же, стр. 459.

Среди исследований, посвященных сложному синтаксическому целому, особо следует отметить работы Н. С. Поспелова, характеризующего данную категорию как «действительную синтаксическую единицу связной речи»⁵.

И. Ф. Вардуль также считает, что «высшей единицей синтаксического яруса является период»⁶.

Однако некоторые авторы (в частности, В. Г. Адмони) все же не выделяют наряду с цельным и элементарным предложением совокупность предложений («большое синтаксическое целое» у В. Г. Адмони) как самостоятельную синтаксическую единицу по той причине, что «понятие большого синтаксического целого все же само по себе является несколько расплывчатым и неопределенным»⁷. Эти авторы используют другое понятие — «понятие абзаца»⁸.

Расплывчатость границ сложного синтаксического целого (применение разными авторами различных названий не меняет, на наш взгляд, сущности рассматриваемого явления) неоднократно отмечалась исследователями. Естественно, для точного сформулирования понятия, выражающего соединение определенным образом нескольких предложений, необходимо взять его в возможно более четкие, насколько это позволяет языковой материал, семантико-структурные границы.

Обычно основной соединительной связью самостоятельных предложений считалась семантическая (смысловая) связь. Однородное структурное оформление же предложений в составе сложного синтаксического целого или не рассматривалось вовсе, или же констатировалось попутно. Напротив, смысловое единство предложений всегда усиленно подчеркивалось. Подобный односторонний подход в определенной мере был обусловлен фактическим материалом, находившимся в распоряжении исследователей. Другими словами, предложения (как, в частности, и в русском языке) соединяются между собой прежде всего и главным образом семантически.

В тюркологии синтаксический анализ обычно не выходит за пределы одного предложения. И все же в отдельных работах в общих чертах намечаются методы и пути исследования интересующей нас проблемы⁹. Касаются ее и в связи с языковым материалом ранних тюркских памятников¹⁰.

Заслуживает быть отмеченным, что в монографии «Современный татарский литературный язык» разработана специальная тема (М. З. Закиевым) «Сложное синтаксическое целое» (имеется в виду связь между самостоятельными предложениями)¹¹.

Однако следует отметить, что во всех этих работах речь идет в основном о семантическом сцеплении предложений. М. З. Закиев даже

⁵ См.: Н. С. Поспелов. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. — «Доклады и сообщения Института русского языка», вып. 2. М.—Л., 1948, стр. 68.

⁶ И. Ф. Вардуль. Вопросы лингвистической таксономии (синтаксис и супрасинтаксис). Автореф. докт. дисс. М., 1973, стр. 27.

⁷ В. Г. Адмони. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973, стр. 356.

⁸ Ср.: В. Г. Адмони. Указ. раб.; А. Г. Фридман. К вопросу о сверхфразовых единицах. — В сб.: «Теоретические проблемы современных индоевропейских языков». Л., 1975, стр. 216 и сл.; Т. И. Сильман. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967, стр. 106 и сл.

⁹ См.: Н. З. Гаджиева. К вопросу о методах изучения истории тюркских языков. — «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 127; З. Х. Тагизаде. Сложное предложение в современном азербайджанском литературном языке. Докт. дисс., т. II. Баку, 1963, стр. 634—636 и др.

¹⁰ См.: Н. З. Гаджиева. Указ. раб.

¹¹ «Современный татарский литературный язык». М., 1971, стр. 237—249.

отождествляет сложное синтаксическое целое с «частью абзаца, целым абзацем, целой главой, иногда даже целым произведением, целой статьей, докладом, речью оратора и т. д.»¹².

Нам думается, что сложное синтаксическое целое в тюркских языках может проявлять себя благодаря определенному твердо установленному порядку слов в четких семантико-структурных границах. При этом следует особо отметить, что в указанном случае структуру сложного синтаксического целого пронизывает синтаксический параллелизм¹³, как бы составляя его синтаксический «скелет». Грамматическое (морфологическое) оформление элементов предложения и особенно сказуемого, обычно стоящего в конце (имеется в виду нормальный порядок слов), по синсемантической инерции может распространяться и на некоторые постпозитивные предложения. Таким образом, общие грамматические (морфологические) показатели (аффиксы времени, лица, сказуемости, падежные окончания и др.) определенных соотносимых элементов в разных предложениях сопровождают данную группу предложений от одного смыслового отрезка до другого. Именно подобную совокупность предложений, объединенных общими как грамматическими, так и семантическими признаками, мы и выделяем как сложное синтаксическое целое.

Может возникнуть вопрос: грамматическое ли единообразие приводит к семантическому единообразию или же, наоборот, семантическое единообразие приводит к грамматическому? Думается, наиболее правильным будет считать, что эти признаки взаимно обуславливают друг друга и находятся в диалектическом единстве. Следовательно, сложное синтаксическое целое — это два или более предложения, объединенных диалектическим единством общих грамматических и семантических признаков.

Для всестороннего исследования сложного синтаксического целого как синтаксической единицы необходимо сперва определить его положение среди других синтаксических единиц и выявить взаимоотношения с ними.

«В синтаксических теориях, — пишет И. Ф. Вардуль, — различающих единицы типа предложения и периода (сложное синтаксическое целое. — К. А.), к предложениям обычно относят только то, что принято называть простыми предложениями»¹⁴. В подобных теоретических системах сложносочиненные предложения следует изучать как сложное синтаксическое целое, ибо здесь имеет место «союз предложений» (А. М. Пешковский)¹⁵.

Предложение как простое, так и сложное (сложноподчиненное) в связной речи встречается только в сложном синтаксическом целом. Различные семантико-грамматические отношения между этими предложениями в составе сложного синтаксического целого определяют тип, характер, вид последнего, то есть его облик в целом. Предложения, пред-

¹² «Современный татарский литературный язык», стр. 237.

¹³ Некоторые исследователи отмечают также цепную связь между компонентами сложного синтаксического целого (ср.: Г. Я. Солганик. Синтаксическая стилистика. М., 1973). В данной статье рассматривается только параллельная связь, ибо, на наш взгляд, цепная связь не вполне надежный критерий для определения границ сложного синтаксического целого.

¹⁴ И. Ф. Вардуль. Вопросы лингвистической таксономии (синтаксис и супрасинтаксис). Автореф. докт. дисс. М., 1973, стр. 27.

¹⁵ О спорах вокруг предложений сложноподчиненного как грамматического и сложносочиненного как текстового см.: И. Н. Кручинина. Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения. — «Вопросы языкознания», 1973, № 2, стр. 113—115 и сл.

ставляющие собой компоненты (синтагмы — по В. В. Виноградову¹⁶) сложного синтаксического целого, в составе последнего как бы приходят в движение — сопоставляются, противопоставляются, перечисляются и т. д. Им не свойственно состояние абсолютного синтаксического покоя (максимальное устранение воздействий ситуации и контекста — по В. Г. Адмони¹⁷).

Таким образом, сложное синтаксическое целое является более крупной единицей синтаксического яруса, чем предложение. Исследование сложного синтаксического целого предполагает непосредственный синтаксический анализ в пределах самых дальних его границ. Соединение сложного синтаксического целого в более сложные группы (два и больше сложных синтаксических целых) производится путем стилистического регулирования.

Тюркское сложное синтаксическое целое предполагает семантико-структурное двуединство компонентов (предложений), по количеству которых оно может быть подразделено на два основных вида: простое, двукомпонентное и непростое, многокомпонентное. Ср.: 1. *Бејраји одасына јетирдилар. Чуббасин үзәринә өртдүләр* 'Бегрека привели в его дом. Укрыли его одеялом' (Книга, 153). 2. *Он ики мин кафир гылымдан кечди. Беш јүз Оғуз јукитләри шәһид олду* 'Двенадцать тысяч гяуров были преданы мечу. Пятьсот джигитов огузских погибли' (Книга, 41). 3. *Сән путләринә јалварырсан. Мән аләмләри јохдан вар едән аллаһыма сығындым* 'Ты молишься своим идолам. Я надеюсь на своего единственного бога' (Книга, 130).

В приведенных примерах между компонентами простых сложных синтаксических целых существуют смысловые связи: перечисляемости (1), сопоставления (2) и противопоставления (3).

Характерной чертой семантического облика сложного синтаксического целого является постепенная конкретизация того общего, расплывчатого сообщения, которое выражалось его начальными компонентами, что наиболее ярко проявляется при многокомпонентности. Ср.: 4. *Гара-гара дағлардан хәбәр ашды. Ганлы-ганлы сулардан хәбәр кечди. Галын Оғуз елләринә хәбәр варды. Ушун Гочанын ағ бан еви өнүндә шијвән гонду. Газа бәнзәр гызы кәлини ағ чыхарыб гара кејди* 'Весть пришла через черные горы. Весть пришла через кровавые воды. Весть достигла края огузского. У белого дома Ушун Коджи все погрузилось в траур. Подобные лебедям, девушки сняли белое, надели черное' (Книга, 132).

Два начальных компонента служат общим введением, своеобразным фоном для последующих компонентов. Основная информация (*хәбәр ашды — хәбәр кечди*) этих начальных компонентов имеет грамматически оформленную исходную позицию, нашедшую выражение в исходном падеже вспомогательных элементов (*дағлардан — сулардан*). Эта информация проникает в третий переходный компонент, где благодаря направительному аффиксу приобретает целенаправленную динамику (*галын Оғуз елләринә*). Переходный третий компонент семантически содержит одновременно и отношение перечисляемости к препозитивным компонентам, и потенциально новое причинное отношение к постпозитивным компонентам. Описание в постпозитивном четвертом компоненте происходящего процесса (траур возле дома Ушун Коджи),

¹⁶ См.: В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. — В сб.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 252.

¹⁷ См.: В. Г. Адмони. Типология предложения и логико-грамматические типы предложения. — «Вопросы языкознания», 1973, № 2, стр. 51.

являющегося закономерным следствием основной информации всех препозитивных компонентов, особенно третьего переходного компонента, косвенно раскрывает и скрытый причинный характер этой основной информации. Последний компонент сложного синтаксического целого служит непосредственным конкретизатором предшествующего ему компонента, в котором абстрактное значение элемента *шијван* 'траур' предполагает распространенное пояснение. Таким образом, в двух последних компонентах сосредоточена наиболее оконкретизированная информация всего сложного синтаксического целого. Следует отметить, что эта конкретная информация без начального абстрактного введения оказалась бы односторонней, так как весь состав данного целого можно подразделить на две большие группы, находящиеся между собой в отношении «причина — следствие». Однако это не является сведением многокомпонентного сложного синтаксического целого к двукомпонентному, как это может показаться на первый взгляд, ибо между компонентами в составах этих групп также существуют прочные семантико-структурные отношения, которые невозможно игнорировать. В начальной группе (первый и второй компоненты с относительно конкретизирующей семантикой третьего компонента) между компонентами существуют отношения перечисляемости, в конечной группе (последние два компонента) — отношения последовательности.

Таким образом, выделяется семантико-структурная основа сложного синтаксического целого. Начальная часть его характеризуется общим введением или фоном и одновременно является основной структурной и содержательной моделью, на которую равняются последующие компоненты. В случае многокомпонентности можно выделить также переходную часть, обуславливающую смысловой, а иногда структурный (скорее всего квазиструктурный) переход компонентов от вводной к последующей части. Конечная часть представляет собой основную конкретизированную информацию, подводящую итог всему предшествующему (разумеется, в пределах сложного синтаксического целого). При двукомпонентности последнего, естественно, отсутствует формально выраженный переходный компонент. Однако сама идея переходности содержится в глубине непосредственных отношений компонентов друг с другом.

Существенным в исследовании сложного синтаксического целого является выявление общего принципа выравнивания компонентов по семантико-структурным параметрам. Грамматические структуры следующих друг за другом компонентов либо выравниваются в сознании и передаются в уже готовом изосинтаксическом виде, либо же выравниваются постепенно, по ходу построения всего целого. Отклонение от основного структурного инварианта связано с порядком следования элементов в составе компонента, что обуславливается в основном воздействием большого контекста или ситуации (конситуации). Помимо этого, отклонения характеризуются также неодинаковым количеством элементов в разных компонентах, неидентичной грамматической оформленностью второстепенных носителей информации. При наличии двух компонентов, естественно, невозможно проследить за всеми отклонениями, однако здесь можно выявить актуализацию определенного элемента в одном из компонентов, что имеет следствием расхождение в порядке слов в разных компонентах. Ср.: 5. *Мәним көрәр көзләрим көрмәз олду. Тутар мәним әлләрим тутмаз олду* 'Зрячие очи мои ослепли. Могучие руки ослепли' (Книга, 85).

Неидентичный порядок слов объясняется прежде всего воздействием конкретной ситуации. Отклонение во втором компоненте (ср. *тутар*

мәним әлләрим вместо ожидаемого *мәним тутар әлләрим*) не несет ценной информации, однако способствует добавочному осмыслению семантики первого компонента. Такое отклонение лишний раз сосредоточивает внимание на имплицитно выраженном субъекте первого компонента, который в ассоциативном плане противопоставляется следующим образом: «У меня есть зрячие очи (у тебя, у него, у всех есть зрячие очи). Но даже мои зрячие очи ослепли (куда уж вашим)»¹⁸.

Подобное ассоциативное сравнение приводит к противопоставлению. Однако если не всякое сравнение в итоге дает противопоставление, то всякое противопоставительное значение, как нам представляется, восходит к сравнению. В данном случае (пример 5) противопоставительное отношение субъекта к другим потенциальным субъектам можно вывести из их изначального сравнения.

Отклонения особенно легко прослеживаются в многокомпонентных сложных синтаксических целых. Первый компонент здесь, как уже отмечалось, является основным структурным и семантическим образцом для всего целого. Именно поэтому начало характеризуется грамматическом отношении полноценными предложениями (компонентами). В случае многокомпонентности количество элементов в компонентах может не совпадать, то есть компоненты могут не соответствовать друг другу в количественном отношении. Одной из причин этого является наличие в начальном компоненте элемента, не употребляющегося в последующих компонентах, но присутствующего в языковом сознании. Подобный общий член не разрушает организма целого, хотя и ослабляет силу структурно-формального фактора — одного из двух основных составляющих. Но это, естественно, компенсируется другим составляющим — семантическим фактором. Ср.: 6. *Лухарыдан ашагы кафир оғлань гаты урду. Галханьын оватды. Туғулғасыны оғрады. Гапағларын сығырды. Оғлань аламады* 'Сверху вниз гяур нанес сильный удар парню. Сломал его щит. Расколол его копье. Ранил ему веки. Не смог одолеть парня' (Книга, 129).

Основная функция данного сложного синтаксического целого — информация о стойкости воина. Первый компонент, передавая эту информацию, рисует общую картину: старание субъекта (гяур) нанести ущерб объекту (парень). По направительному аспекту вводной части настраиваются второй, третий и четвертый компоненты. Они служат своего рода уточнителями и конкретизаторами, объясняя частные ситуационные позиции, в которых оказывается объект в результате действий субъекта. Последний, пятый компонент выражает конкретный результат противопоставления субъекта объекту.

Как видно, общая семантика первого компонента, согласно основным закономерностям строения сложного синтаксического целого, конкретизируется на протяжении всего организма последнего. Элемент *кафир* (субъект) в абстрактно-скрытом виде содержится в тех компонентах, в которых он отсутствует формально, другими словами, является общим элементом этих компонентов. Идея субъекта и служит отчасти дополнительным семантическим цементирующим средством (основанием), объединяющим компоненты, количественно не соответствующие друг другу (ср. первый компонент с остальными). Одновременно следует отметить и то обстоятельство, что подобное несоответствие не влияет на основную структуру субъектно-предикатных отношений между эле-

¹⁸ В первой скобке — ассоциативное сравнение, во второй — ассоциативное противопоставление.

ментами (как скрытыми, так и воспроизводимыми) компонентов и тем самым подтверждает структурно-семантическую целостность сложного синтаксического целого. Таким образом, дополнительная функция семантического фактора в данном случае является компенсатором в том смысле, что она действует как исключаящее средство по отношению к тем элементам, которые в первом компоненте стоят за пределами структурных отношений «субъект — предикат», «объект — предикат». Благодаря этому пространственные показатели типа *јухарыдан ашағы* не могут играть особой роли, и внимание на них не концентрируется. Следовательно, они как отклонение (то есть лишний формальный элемент) косвенным образом подтверждают закономерную, целостную структуру образования.

Сравним сложное синтаксическое целое с отклонением из тюркского памятника «Огузнаме»: 7. ... *ai [oŋ] уллар көб мэн аштум, урушгулар көб мэн көрдүм, Јіда билә көб ок аттум, ai ғі р б[i] плә көб јүрүдүм, душманларнї ј[i]глагурдум, достларумнї мэн кјлдјүрдүм* 'О дети, много пережил я, много видел сражений, много стрел выпустил я и копий, на (своем) коне немало прошел, врагов своих заставлял плакать, друзьям я давал повод смеяться' (Шербак, Огузнаме, 63).

Общая информация сложного синтаксического целого — сообщение о деятельности субъекта — выражается в компонентах основным структурным отношением «субъект — предикат». Постепенная конкретизация общей мысли, выражаемой первым и вторым компонентами, видимо, требует и дополнительных поясняющих, определительных элементов, представленных в последующих компонентах (ср.: *јіда, билә; айғір биrlä*).

Особого внимания заслуживают также сложные синтаксические целые с изоструктурным построением, где от начала до конца выдерживается синтаксический параллелизм как в двукомпонентных, так и в многокомпонентных структурах.

А. Двукомпонентное сложное синтаксическое целое изоструктурного типа.

В структурах подобного типа в большинстве случаев между компонентами существует отношение перечисляемости. Иными словами, чередование компонентов не служит определенным информативным целям и поэтому не является твердо установленным. В подобных построениях значительную роль играет синонимичное содержание компонентов. Ср.: 8. *Јата-јата јанымыз ағрыды. Дура-дура белимиз гуруду* 'Устали мы от сна. Спина болит от безделья' (Книга, 28); *Јакши бэгу біrlä достлук кїлдї. Анунг біrlä алйрак болдї* 'С хорошими его беками, с ним он сдружился' (Шербак, Огузнаме, 35); *Тайанма тиригликкә тјш тәк качәр. Кјвшәймә қышы қутқа куш тәк јчәр* 'Не полагайся на жизнь, она проходит, как сон, не верь счастьем, оно улетает, как птица' (Абдурахманов, 173).

Указанные взаимосвязи между компонентами не исключают возможности передачи отношения сопоставления. В этом случае компоненты располагают некоторыми антонимичными по содержанию соотносительными элементами. Ср.: 9. *Он ики мин кафир ғылымдан кечди. Беш јүз Оғуз јикитлари иғид олду* 'Двенадцать тысяч гяуров были преданы мечу. Пятьсот джигитов огузских погибли' (Книга, 41).

На сопоставительное отношение между компонентами, в свою очередь, может накладываться отношение противопоставления. Ср.: 10. *Сән путларинә јалварырсан. Мән аләмләри јохдан вар едән аллаһыма сығындым* 'Ты молишься своим идолам. Я надеюсь на своего единственного бога' (Книга, 130).

В двукомпонентном сложном синтаксическом целом наблюдается также последовательность. Иными словами, чередование компонентов в подобном построении последовательно воплощает определенный порядок. Следовательно, исключается перестановка компонентов. Ср.: 11. *Огуз каган баштї. Урум каган качтї* 'Огуз-каган победил. Урум-каган бежал' (Щербак, Огузнаме, 40). 12. *Ағна мәним көксүмү басыб гонду. Дайлы мәним чанымы алыр олду* 'Сел мне на белую грудь. Стал лишать меня сладкой жизни' (Книга, 83).

В примерах 11, 12 невозможен обратный порядок следования компонентов. Вторые компоненты подобных построений не могут выполнять своих функций без соответствующей информации причинного характера, передаваемой препозитивными компонентами. Естественно, что на отношение последовательности между компонентами накладывается причинно-следственная связь. Ср.: 13. *Ала көздән аҗырдын јикит мәни. Дадлы чандан аҗырсын гадир сәни* 'Ты отнял у меня голубой глаз. Да отнимет бог у тебя сладкую жизнь' (Книга, 120).

Компоненты сложного синтаксического целого могут вступать и в единовременные отношения. В данном случае их содержание выражает единовременное состояние. Здесь невозможны перечисляемость и последовательность. Отношение единовременности как бы исключает линейный характер восприятия семантики отдельных компонентов. Подобные структуры воспринимаются, как правило, слитно. Ср.: 14. *Кумбур-кумбур нағаралар дәјүлдү. Бурмасы алтун борулар чалынды* 'Загремели барабаны. Заиграли трубы' (Книга, 40). 15. *Ағ сағгаллы мән бабаны ағлатмағыл. Гарычыг ананы бозлатмағыл* 'Не заставляй плакать белобородого своего отца. Не заставляй стонать старую свою мать' (Книга, 133).

Б. Многокомпонентное сложное синтаксическое целое изоструктурного типа.

Здесь компоненты могут вступать как в однородные, так и в смешанные (неоднородные) отношения.

Тип однородных отношений между параллельными компонентами определяется относительной устойчивостью ситуаций в явлениях окружающей действительности. Смешанные, неоднородные же отношения образуются вследствие динамичной изменчивости ситуаций при оценке их с определенных, идентичных грамматических (структурных) позиций.

Отношения перечисления и последовательности могут проявлять себя и самостоятельно, и в смешанном виде. Перечислительные отношения между всеми компонентами придают сложному синтаксическому целому своеобразную, лишенную сравнительного импульса, монотонную интонацию. Ср.: 16. *Ачыг-ачыг мејдана бәнзәр сәнин алынчығын. Ики шәбчыраға бәнзәр сәнин көзчијәзин. Әбришимә (ипәјә) бәнзәр сәнин јәличијин. Ики гоша гардаша бәнзәр сәнин гулачығын* 'На открытую площадь похож твой лоб. На два светильника похожи твои глаза. На шелк похожа твоя грива. На близнецов-братьев похожи твои уши' (Книга, 56).

Последовательные отношения между всеми компонентами обязывают соблюдать строгий порядок их следования. Ср.: 17. *Баба, мән јеримдән дурмадан ол дурмуш ола. Мән гарагоч атыма минмәдән ол минмиш ола. Мән ганлы кафир елинә вармадан ол вармыш, мәнә баш кәтирмиш ола* 'Отец, чтобы она вставала раньше меня. Чтобы она садилась на коня раньше меня. Чтобы она ездila в чужие страны раньше меня и привозила мне добычу' (Книга, 92). 18. *Бу күн мән кејдим. Јарын наибим кејсин. Гырх күнә тәкин сыраварды кејәјин. Ондан сонра бир*

дәрвишә верәлим 'Сегодня я одел. Завтра слуга мой оденет. До сорока дней поочередно [будем] одевать. После отдадим какому-нибудь дервишу' (Книга, 52).

Последовательность явлений (действия в примере 17 и времени в примере 18) создает определенную, своеобразную иерархическую систему взаимоотношений между компонентами.

Особое внимание привлекает сложное синтаксическое целое, в котором отношения последовательности и перечисляемости, а также последовательности и одновременности представлены в смешанном виде. В таких случаях характер отношений между компонентами меняется, хотя это и не влияет на семантическую целостность, так как конечный компонент (или компоненты), конкретизируя сообщаемое, одновременно входит в семантическую связь со всеми препозитивными компонентами. Ср.: 19. *Гаршы јатан гара дагдан бир огул учурдунса, декил мана. Гамән ахан јүрәк судан бир огул ахытдынса, декил мана. Арслан илә гаплана бир огул једирдинсә, декил мана. Гара донлу, азғын динли кафирләрә бир огул алдырдынса, декил мана* 'Если ты столкнул сына с горы, скажи мне. Если ты утопил сына в быстрой воде, скажи мне. Если ты позволил львам и тиграм сожрать сына, скажи мне. Если ты отдал поганому врагу сына, скажи мне' (Книга, 22—23).

В примере 19 первые три компонента соединены простым отношением перечисляемости и служат общим метафорическим введением, конкретизируемым последним, четвертым компонентом. Конкретизация в определенном звене сама по себе создает предпосылки для появления последовательного отношения, так как здесь закон очередности «абстрактное — конкретное» или «общее — частное» — один из основополагающих (кроме конструкций, в которых между всеми компонентами существуют отношения перечисляемости и одновременности), и в данном случае переход от абстрактного к конкретному происходит последовательно.

Последовательным отношениям между конечным и препозитивными компонентами могут предшествовать и отношения одновременности в препозитивных компонентах. Они (отношения одновременности) не встречаются на всем протяжении многокомпонентного сложного синтаксического целого из-за своего ограничительного характера, который проявляется в слитном восприятии синонимичных по значению компонентов. Подобное слитное восприятие семантики компонентов не вызвало неудобств в двукомпонентных сложных синтаксических целых, однако в многокомпонентных — их тотальное употребление, видимо, связано с определенными (прежде всего физическими) трудностями. Во избежание этого компоненты с одновременным отношением разделяются компонентом, входящим с ними в последовательное отношение. Ср.: 20. *Ағ сағгаллы бабамы ағлатмышсан. Гарычығ ағ бирчәкли анамы бозлатмышсан. Гарындашым Гыҗаны өлдүрмүшсән. Ағча үзлү јенкәми дул еләмишсән. Ала козлү бәбәкләрин өксүз гојмушсан* 'Белобородого отца моего заставил плакать. Старую белокудрую мать мою заставил стонать. Брата моего Кыяна убил. Белолицую невестку мою сделал вдовой. Голубоглазых детей ее оставил сиротами' (Книга, 120).

Два начальных и два конечных компонента соединены между собой отношениями одновременности. Срединный, третий компонент представляет собой переходную ступень. Отметим также и то, что весь организм сложного синтаксического целого подчинен в этом примере логической схеме: «следствие — причина — следствие». Следствия выражаются компонентами одновременного значения, и они как бы с

двух сторон окружают компонент, содержащий причину и помещенный по определенным, возможно, стилистическим соображениям на их стыке.

В заключение следует подчеркнуть, что отношения, в которые вступают между собой компоненты сложного синтаксического целого, не выбираются, а вытекают из многообразных явлений действительности и поддерживаются соответствующими структурными формами. Отношения между компонентами, на наш взгляд, и являются дополнительным фактором, не позволяющим воспринимать сложный объект как простую сумму входящих в его состав частей. Интегральное свойство сложного объекта характеризуется, таким образом, наличием определенных отношений между содержанием компонентов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абдурахманов* — Г. А. Абдурахманов. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967.
Книга — «Китаби-Дедэ Горгуд». Баку, 1962.
Щербак, Огузнаме — А. М. Щербак. Огузнаме — Мухаббатнаме. М., 1959.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Р. А. ЮНАЛЕЕВА

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЮРКСКИХ НАЗВАНИЙ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время стали чаще появляться работы, посвященные определенным тематическим группам тюркизмов¹. Однако изучение русских названий головных уборов тюркского происхождения до сих пор ограничивалось лишь рассмотрением отдельных слов в этимологическом плане² или, напротив, в кругу данного класса лексем вообще, независимо от языка-источника³.

Задача настоящей статьи — выявить характер грамматических и семантических структур, особенности парадигматических соотношений слов исследуемой группы, установить их словообразовательную и фразеологическую активность и проследить функционирование в лексико-семантической системе русского языка.

Данные письменных памятников, различного типа словарей, а также материалы словарных картотек⁴ позволяют выделить в русском язы-

¹ Г. Н. Асланов. Лексические заимствования из азербайджанского языка, связанные с названием одежды, в русских говорах на территории Азербайджанской ССР. — В сб.: «Слово в русских народных говорах». Л., 1968; *его же*. Тюркская лексика, связанная с наименованиями лиц, в говорах русских поселенцев в Азербайджане. — В сб.: «Тюркизмы в восточнославянских языках». М., 1974; Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. — Там же; Д. С. Сетаров. Тюркизмы в русских названиях птиц. — «Советская тюркология», 1970, № 2; *его же*. Тюркизмы в русских названиях рыб. — В сб.: «Вопросы теории и методики русского языка и литературы». Самарканд, 1970; *его же*. Тюркизмы в русских названиях грызунов. — Там же; *его же*. Тюркизмы в русской коневодческой терминологии. — В сб.: «Тюркизмы в восточнославянских языках». М., 1974.

² О словах «шапка» и «чабак» см.: И. Г. Добродомов. Из булгарского вклада в славянских языках. — «Этимология. 1970». М., 1972; о слове «шлык» см.: И. Г. Добродомов. Шлык, жилет. — В журн.: «Русский язык в школе». М., 1968, № 3; о слове «шишак» см.: Лайош Киш. Происхождение слов «бекеша», «кучма», «шалаш» и «шишак». — В сб.: «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 4, М., 1963.

³ С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970; Е. Н. Борисова. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974; П. Я. Черныш. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956; Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX века. — «Восточнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии, новая серия», т. XXXI. М., 1956 и др.

Нам известна лишь одна специальная публикация (см.: Г. Я. Томилина. Из истории тюркских названий головных уборов в русском языке. — «Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии». Тезисы конференции, вып. 2, М., 1975), которая, однако, уже в силу своего характера и объема не дает исчерпывающего анализа.

⁴ Картотека «Древнерусского словаря» Института русского языка АН СССР (КДРС); картотека «Словаря русских народных говоров» Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР; картотека «Псковского областного словаря» (ЛГУ); картотека «Архангельского областного словаря» (МГУ).

ке более сорока тюркизмов — названий головных уборов, которые «на основе общей семантической темы и признака функционального назначения»⁵ составляют единую лексико-семантическую и парадигматическую группу с общим релевантным свойством — названия головных уборов.

В свою очередь эти слова по частному дифференцирующему признаку объединяются в следующие семантические подгруппы:

1) названия видов шапки [*шапка, колпак, капа, каплак, клобук, малахай (тумак), ермолка, боярка, бухарка, тафья, тюбетейка, феска, шлык, аракчинка, татарка, чабак*];

2) названия видов платка, покрывала, повязки (*атласка, каптырь, кыик, фата, кодман, сорбан, таркич, чалма, чадра, паранджа*);

3) названия видов капюшона [*башлык, каптур(а)*];

4) названия женского головного убора (*альник, барык, сорока, тохья, чуллок* и др.);

5) названия воинских головных уборов (*шишак, мисюрка*);

6) названия деталей головного убора (*султан*).

Наиболее широко представлены названия шапок. В эту подгруппу входят лексические единицы, обозначающие: а) разновидности покроя шапки: шапки-ушанки (*чебак, бухарка*), папахи (*тельпек*), тюбетейки (*аракчинка, каляпуш*) и б) различные назначения этого головного убора: зимняя (*тумак, каптура*), будничная (*малахай, феска*), парадно-выходная (*фата, боярка*) и т. д.

Хронология вхождения в русский язык тюркизмов исследуемой группы слов отражает основные периоды русско-тюркских языковых связей. Самые древние из этих заимствований — *клобук* (XII век) и *шапка* (XIV век).

Наибольшее число тюркских заимствований в русском языке исторически связано с XV—XVI веками (XV век: *колпак, шлык, каптур, капа, фата*; XVI век: *науруз, чалма, тафья*).

Меньшая их часть проникла в русский язык в последующие периоды: *аракчин, мисюрка, малахай, шишак* (XVII век); *тюбетейка, башлык* (XIX век).

Среди указанной группы слов различаются тюркизмы разной степени освоения обозначаемого ими понятия. Подавляющая часть их вошла в русский язык как наименование новой реалии, быстро усвоенной, ставшей в ряд «своих» (*клобук, колпак, фата, башлык, шапка* и др.). Впоследствии судьба этих тюркизмов сложилась по-разному, однако в определенный период их употребление было общепринятым. Они-то и составляют разряд собственно заимствованных слов в отличие от тюркизмов, не вошедших в систему названий освоенных реалий. Сюда относятся: *чалма, чадра, науруз, тюрбан* и др. Неосвоенность ряда реалий обусловила окказиональность, ситуативность употребления обозначающих их слов, воспринимающихся в русском языке как экзотизмы.

Большинство заимствованных слов исторически представляло собой экзотизмы, ибо окончательному вхождению их в лексическую систему языка предшествовал период, когда обозначаемые ими реалии еще осознавались как чужие. Особенно это относится к конкретным предметам, в том числе и к названиям одежды. Подтверждение данного положения затрудняется отсутствием языкового материала, аргументированного письменными источниками. Однако то, что сказанное отно-

⁵ Н. М. Ванюшин. Лексико-семантическая группа наименований сосудов в русском языке. (По памятникам письменности XVI—XVII вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1972, стр. 8.

сится и к ранним тюркским заимствованиям, подтверждается функционированием таких позднейших тюркизмов, как *тюбетейка*.

Первоначально новый предмет воспринимается носителями заимствующего языка как чужой, и потому, естественно, его название звучит экзотично. Впоследствии, когда эта чужая реалья входит в быт на новой почве, название ее постепенно вводится в речевой обиход, так или иначе приспособляясь к нормам заимствующего языка. Со временем некогда экзотический термин перемещается из разряда слов окказионального употребления в разряд заимствованных слов. Подобные заимствования, обрастая грамматическими и семантическими дериватами, в дальнейшем перестают осознаваться как чужие слова и прочно входят в синонимический ряд лексем и часто становятся единственной номинацией данной реалии (например, *колпак, шапка, фата*).

Исследуемые тюркизмы находятся в различной связи со своими этимонами. Одна их разновидность полностью совпадает с ними (например, *колпак, фата, малахай, каптырь, феска, науруз, шлык* и т. д.), другая выступает в качестве семантических новообразований, обозначающих головные уборы уже на русской почве. Причем последняя разновидность нередко осложняется специфически русскими аффиксами (например, *султан, каплак; татарка, атласка, араччинка*).

Отдельные тюркизмы рассматриваемой группы в процессе употребления претерпели значительную семантическую эволюцию. На русской почве у них развилось множество новых значений, зачастую оторвавшихся уже от первоначального терминологического употребления данной лексемы. Так, *башлык* выступает в трех значениях: «головной убор», «начальник», «недоуздок»; в шести значениях известна *фата*: «головной убор — платок», «флёр», «галстук», «плат на больную руку», «шерстяная юбка», «покрывало»; семь значений имеет слово *клобук*: «монашеский головной убор», «шапка в виде колпака», «покровный сноп», «болотное растение», «шапочка из кожи, употребляемая для ловли птиц (клобучок)», «последнее прибежище» (в составе фразеологизма *черный клобук*), «название кочевых тюркских племен» (*черные клобуки*). Своеобразным рекордсменом по широте семантического наполнения выступает тюркизм *колпак*, который насчитывает свыше тридцати значений: «конусообразный или овальный головной убор», «навес», «платок, завязанный узлом назад», «чепчик для ребенка», «большая деревянная чашка», «чайная чашка», «большой глиняный сосуд для молока», «цедилка», «железный или медный куб на скипидарном заводе», «крыша ветряной мельницы», «верхний сноп суслона», «жестяная часть керосиновой машинки», «передняя стенка русской печи», «железная покрывка трубы на крыше», «дымоход русской печи», «сачок для ловли рыбы», «трутень», «серебряная или золотая чара, чарка», «сосуд наподобие колокола из стекла, предназначенный для покрытия драгоценных предметов, цветов и пр.», «флюгер», «простак», «крышка самовара» (в форме *колпачка*), «несъедобный гриб» (в форме *колпачка*) и др.

Тюркизмы анализируемой группы отражают различные семантические связи со своим этимоном. Одни из них перенесли в русский язык лишь значение прототипа и сохраняют исконную семантическую структуру (*папах*), другие вошли в двух генетически омонимичных вариантах и в заимствующем языке породили дополнительно новое значение (*башлык*), третьи же, проникнув в одном значении, обросли пучком дериватов и стали источником нескольких семантических гнезд. В пределах одной лексической структуры образовались дополнительные частные семные объединения [ср. *колпак*: 1) «конусообразный головной

убор», «тип зимней шапки», «женский головной убор», «головной убор старика», «свадебный убор невесты», «платок», «детский чепчик»; 2) «мера вместимости», «большая чашка», «чайная чашка», «сосуд для молока», «чарка», «медный куб», «сачок для ловли рыбы»; 3) «крыша ветряной мельницы», «тип крыши», «покрышка трубы на крыше», «крышка самовара», «верхняя часть печи», «верхний сноп суслона»].

В тюркских языках лексема *qalraq* известна в четырех значениях («шапка», «шляпа», «крышка», «побать, дань») ⁶.

Поэтому семантическое гнездо «крышка, покрытие» могло возникнуть в результате перенесения на русскую почву значения тюркского этимона.

В то же время ареальное несоответствие указанного значения в тюркских языках и говорах русского языка дает основание сомневаться в справедливости этого предположения. Большинство отмеченных сем этого гнезда фиксируется в псковских, архангельских и ярославских говорах и лишь два из них — в Омской области и на Урале, а между тем В. В. Радлов *qalraq* «крышка» дает с пометой «Kas., Kir» ⁷. В русских говорах на территории Татарии ⁸ и Киргизии ⁹ это значение не встречается. Сказанное позволяет думать, что лексема *колпак*, войдя в русский язык в значении «головной убор», была быстро освоена его лексико-семантической системой и в результате довольно рано подверглась процессу детерминологизации, следствием чего явилось смещение ее смыслового акцента и расширение значения. Основной дифференцирующий признак семантической структуры лексемы — «то, что, покрывая, завершает верх», «покрытие» («крышка») — был перенесен на другие предметы, имеющие ассоциативное сходство, что соответствует общей для ряда языков лексико-семантической закономерности. Так, в украинском языке: *ковпак* «колпак» — «крышка для стоячего улья» (буков. гов.); в немецком языке: *die Kappe* «шапка, колпак» — «чехол, крышка»; в английском: *a hood* «капюшон, колпак» — «крышка, чехол».

Сочетательные возможности анализируемых тюркизмов весьма различны. Широта сочетательного диапазона, с одной стороны, и, напротив, ограниченность его — с другой — являются ярким показателем степени лексической закрепленности слова в языке.

Сочетательный спектр не есть нечто застывшее; как чуткий барометр, он регистрирует исчезновение одних и появление других контекстных проводников, отражая изменением сочетаемости семантико-синтаксические пределы слова.

Наибольшим числом сочетательных формул характеризуются *шапка, шаль, колпак, малахай, папах*; наименьшим — слова-экзотизмы, у которых сочетательное определение зачастую находится в идиоматических или полудиоматических связях с определяемым.

Основным элементом сочетательной организации выступает определение-прилагательное, характеризующее головной убор по цвету или материалу, пошиву или назначению, месту изготовления или принадлежности и прочим признакам.

Каждому периоду присущи свои определители, ставшие компонентом устойчивых сочетаний: *каптур* соболен, наголенной; *наурыз*

⁶ Первые три значения см.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, ч. I, СПб., 1899, стр. 269; четвертое значение см.: Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 21.

⁷ В. В. Радлов. Указ. раб.

⁸ Записи русских говоров ТАССР.

⁹ См.: З. С. Шеломенцева. Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971, стр. 67.

скорлат червчат; *сорока* золотная, *сорока* холщовая; *колпак* низаный жемчугом с каменьями, *колпак* ордынский, *колпак* столбун, *колпаки* шерстяные, тканые и валяные, бобровые и бумажные, ... шерстяные, красные ...; *шапка* горлатная, шефранная, ... черевья, ... архимадричья; *шапка* булатная, ... польская, вишнева дяконовская; *шапка* крашенинная, камчатая, ... киндяшная ...¹⁰

По мере выхода из употребления соответствующего типа реалии подобные словосочетания-формулы исчезали, и это свидетельствует о том, что та или иная сочетаемость связана с семантической совместимостью сочетаемых частей в каждый конкретный исторический период функционирования языка.

Набор сочетаемостных атрибутов для некоторых тюркизмов весьма широк, однако их семантическая совместимость практически ограничивается и определяется речевыми нормами, которые в конечном итоге диктуются предметным содержанием тюркизма, его функционально-стилистическим уровнем. Отдельные слова рассматриваемой группы, войдя в русский язык первоначально как межстилевая номинация новой реалии, в дальнейшем приобретали эмоционально-сниженный оттенок. На первом этапе отрицательно характеризующее значение приносят сочетаемые определения (с общим значением «плохой»), а затем тюркизм уже без дополнительных проводителей, самой своей семантической структурой, которая как бы вбирает общий экспрессивный настрой всей сочетательной конструкции, выступает уже самостоятельно в качестве отрицательно-оценочной характеристики. Неодобрительность оценки становится постоянным компонентом семантической структуры слова (ср. изменение значения слова *малахай* в истории русского языка: от нейтрального в памятниках XVII века названия шапки особой формы в сочетаниях «малахай соболей», «башкирской малахай красных лисиц» до современного восприятия этого слова со значением некрасивого, неладно сшитого головного убора).

Степень продуктивности слов, как известно, определяется их участием в процессе словообразования. Рассматриваемые тюркизмы далеко не адекватны с точки зрения их способности выступать в качестве производящей основы. Часть из них полностью лишена словопроизводительных возможностей (*науруз, альник, папах, чебак, чадра* и др.). Напротив, некоторые тюркизмы проявляют относительно раннюю и довольно высокую словообразовательную активность, например: *клобучец, клобучешный, клобучище, клобучник, клобучить, клобучечить, клобучок; шишачок, шишаковый, шишачный; фатенка, фатка, фатица; шлычка, шлычок; каптурок, каптурной; чалмоносец, чалмовая, чалмишка, чалмища; малахайный, малахайник, малахаишка* и т. д. Наибольшей словопроизводной активностью характеризуется лексема *колпак*: *колпачок, колпачёнок, колпачник (колпашиник), колпашиница, колпачный, колпачоватый, колпачить, колпачнуть, переколпачить, наколпачить, наколпаченье, наколпачка, наколпачная, околпачить, проколпачиться, уколпачить, обесколпачиться*.

Все эти производные свидетельствуют о большой словообразовательной потенции указанных слов и об их освоенности лексико-грамматической системой языка.

В многообразии производных форм просматриваются наиболее распространённые словообразовательные типы новообразований с формантами, приносящими субъективно-оценочное значение (*каптурок, клобучец, колпачёнок, фатица, чалмишка, клобучище*), признак, мотивированный основой (*каптурной, малахайный, колпачный, шишачный, чалмо-*

¹⁰ Материалы КДРС.

вая), и значение деятеля (*клобучник, каптурник, колпачник, колпашница*).

О высокой жизнеспособности в русской языковой среде некоторых тюркизмов анализируемой группы свидетельствует образование на их базе фразеологизмов, особенно пословиц и поговорок, например: «все на один *шлык*»; «поправить *шлык* (потаскать за космы)»; «взявши *шлык* да в подворотню *шмыг*»; «дожила голова до черного *клобука*»; «нашел чернец *клобук* — не скачет, а потерял — не плачет»; «*фата* коноватна, а голь перекатна»; «четыре сестрицы под одной *фатицей*»; «жить под стеклянным *колпаком*» (то есть у всех на виду); «быть под *колпаком*» (то есть под тайным надзором); «белый *колпак*» (так называли турок за их белые головные уборы); «красный *колпак*» (символ свободомыслия); «все люди в шапках, один черт в *колпаке*»; «Ермак ходит, заломя *колпак*» и т. д.

Среди анализируемых тюркизмов выделяются общезыковые (общенародные), междиалектные (присущие ряду диалектов, не только территориально граничащих друг с другом) и локальнодиалектные. В качестве примера можно привести соответственно: *шапка, колпак; башлык*¹¹, *сорока, малахай; каптырь, атласка*.

Ареал исследуемых тюркизмов весьма обширен: вся территория функционирования русской речи.

Однако не все лексемы имеют одинаковую распространенность. Даже те тюркизмы, употребляемость которых практически не ограничена какой-либо территорией, различаются приуроченностью внутрисемных значений одной и той же лексемы. Так, тюркизм *колпак* наиболее употребителен в значении того или иного вида головного убора; такие же его значения, как «широкая часть сети», «ядовитый гриб», «сачок для ловли рыб», «железный куб» и другие, имеют узколокальный, даже точечный ареал. Наибольшая концентрация значений лексемы *колпак* характерна для псковских и архангельских¹² говоров.

По степени концентрации тюркских названий головных уборов в русских говорах вырисовываются различные зоны, условно называемые: «сильная» (интенсивного распространения), «средняя», «слабая» и «нулевая». Наибольшее число изоглосс проходит через зоны, соприкасающиеся с тюркскими языковыми территориями.

¹¹ В «Словаре русских народных говоров» (вып. 2. М.—Л., 1966, стр. 164) данный тюркизм представлен лишь в значениях: 1) начальник чего-либо (обычно рыболовецких промысловых артелей); старший во время ловли рыбы неводом и 2) князек (?), хотя в значении головного убора *башлык* известен в брянских, архангельских, псковских говорах, а также в русских говорах Азербайджана, Татарии, Башкирии, Казахстанского Прииртышья и др.

¹² См. картотеки «Псковского областного словаря» (ЛГУ) и «Архангельского областного словаря» (МГУ).

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. Х. АХМАТОВ

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ФОРМАЛЬНОЙ СТРУКТУРОЙ И СЕМАНТИКОЙ ОДНОСОСТАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема односоставности — двусоставности простого предложения является одной из наиболее сложных в синтаксисе.

Разделение простых предложений на два структурных типа — односоставные и двусоставные — прочно вошло в научную и учебно-методическую литературу. Несмотря на это, многие вопросы, связанные с грамматическим понятием односоставности — двусоставности не только тюркского, но и русского глагольного предложения, до сих пор остаются спорными. Например, нет еще единого мнения об отличии односоставных предложений от двусоставных, об объеме односоставных предложений и синтаксической природе некоторых из них (определенно-личных, обобщенно-личных и безличных и т. д.).

Как известно, термин «односоставные предложения» принадлежит академику А. А. Шахматову, считавшему, что суть односоставных предложений, с грамматической точки зрения, состоит в том, что в них «сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене предложения»¹.

Это положение было принято многими лингвистами. Большинство тюркологов отмечает, что личная форма глагола (а иногда и имени)² в тюркских языках способна функционировать в роли предложения независимо от ситуации речи и контекста. Согласно теории односоставности предложения А. А. Шахматова, подобные предложения стали относить к односоставным. При этом одни лингвисты исходили из того, что здесь имеется один лексически выраженный главный член предложения, указывающий на действие и лицо этого действия, другие же, учитывая, что в этом главном члене предложения выражены два значения — субъекта и предиката, относили такие предложения к двусоставным. Аналогичное мнение, высказывавшееся еще до А. А. Шахматова, продолжает находить поддержку у ряда ученых и сегодня³. Например, Е. Ф. Будде рассматривал глагольное окончание как «собственно подлежащее», а подлежащее в обычном понимании — как «словесное выражение подлежащего», являющееся, по его мнению, менее существенным для предло-

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941, стр. 30.

² И. Расулов. Односоставные предложения в современном узбекском языке. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1971.

³ Н. А. Баскаков. К вопросу о структуре сказуемого в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1972, № 2, стр. 68.

жения элементом, чем глагольное окончание⁴. Такое представление о двусоставности считает наиболее приемлемым и Ю. М. Костинский⁵. Традиционные личные (определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные) предложения русского языка относит к двусоставным и Г. А. Золотова. По ее мнению, невыраженность субъекта не дает оснований относить эти предложения к двусоставным, так как она указывает либо на один из способов представления говорящим субъекта, либо на контекстную неполноту⁶.

Таким образом, существующие точки зрения на природу односоставности — двусоставности предложения отражают в основном две пртивоположные концепции. Сторонники первой под двусоставностью предложения понимают связь подлежащего и сказуемого, каждое из которых выражено лексически. Представители второй концепции рассматривают двусоставность как наличие в структурном ядре предложения средств выражения субъекта и предиката. По их мнению, такие средства могут быть лексическими и морфологическими.

Принятие этой, второй, теории приводит исследователей к выводу о том, что к односоставным предложениям необходимо относить лишь собственно-безличные предложения, главный член которых выражен безличными глаголами. К такому мнению приходят, например, Г. А. Золотова⁷ и Ю. М. Костинский⁸, рассматривая данный вопрос на материале русского языка.

Что же касается тюркских языков, то в них, по мнению большинства тюркологов, безличных глаголов нет. Следовательно, в этих языках нет и безличных предложений или точнее односоставных предложений⁹.

На наш взгляд, с таким решением данного вопроса трудно согласиться по нескольким причинам.

Во-первых, следует отметить, что логические понятия субъекта, объекта и т. д. могут быть выражены в языке различными способами, в том числе морфологическими и лексическими средствами. Однако члены предложения, передающие те или иные логические понятия, являются синтаксическими категориями и поэтому не могут быть выражены морфологически. Как и другие члены предложения, подлежащее представляет собой элемент структуры выражения, а субъект, подобно другим логическим понятиям, — элемент структуры содержания. Ставить знак равенства между ними — это значит отождествлять неотожествляемые категории. В данном случае подобную ошибку допускают лингвисты, отождествляющие традиционные глагольные личные односоставные предложения с двусоставными предложениями. Между тем эти предложения тождественны лишь в плане содержания, но отличаются друг от друга в плане выражения. Те, кто не учитывает этот языковой факт, ставят знак равенства между членом предложения, выраженным отдельным словом, и логическим понятием, в данном случае — субъектом, переданным морфологически.

Например, предложения *Мен письмо жазама* 'Я пишу письмо' и *Письмо жазама* 'Пишу письмо' по содержанию одно от другого не

⁴ Е. Ф. Будде. К учению о синтаксисе простого предложения (отдельный оттиск). СПб., 1894, стр. 216.

⁵ Ю. М. Костинский. Генитивные субъектные конструкции в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 10.

⁶ Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 165.

⁷ Там же.

⁸ Ю. М. Костинский. Указ. раб., стр. 10—12.

⁹ Ср.: Н. А. Баскаков. Структура простого предложения в тюркских языках. — «Труды Института языка и литературы АН Киргизской ССР», вып. VI. Фрунзе, 1956, стр. 95 и др.

отличаются. Каждое из них состоит из трех содержательных элементов: субъекта, объекта и предиката. Однако по форме выражения они отличны друг от друга. В первом из них три компонента: подлежащее, дополнение и сказуемое, а во втором — только два: дополнение и сказуемое. Исходя из того, что значения этих предложений тождественны, некоторые синтаксисты ошибочно рассматривают определенно-личные предложения как стилистические варианты двусоставных конструкций¹⁰. Ученые же, учитывающие структурные различия местоименно-подлежащих и бесподлежащих личных предложений рассматриваемого типа, выделяют определенно-личные предложения в качестве односоставных. Несоответствие структуры содержания предложения структуре его выражения обнаруживается и при рассмотрении вопросов синтаксиса сложного предложения. Так, некоторые простые предложения по своему содержанию ничем не отличаются от сложных, несмотря на это, такие простые предложения лингвисты совершенно справедливо рассматривают в синтаксисе простого предложения.

На основании сказанного нельзя считать правильным вывод о том, что в тюркских языках односоставных предложений нет. Все типы простого предложения, ядерный член которых выражен личной формой глагола, необходимо относить к односоставным конструкциям. Здесь имеются в виду традиционные глагольные определенно-личные, обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения, отличающиеся от двусоставных по признаку способа языкового выражения логического субъекта. В первых конструкциях, как уже отмечалось, субъект выражается морфологически, а во вторых — лексически и морфологически.

Синтаксисты, отрицающие наличие в тюркских языках односоставных предложений, не последовательны: при отнесении указанных типов односоставных предложений к двусоставным они исходят из того, что морфологически выраженный смысловой компонент является членом синтаксической конструкции.

Если данное суждение верно, то необходимо допустить, что, например, словоформа *атам* в составе предложения *Атам шахардан келди* '(Мой) отец приехал из города' также является синтаксической конструкцией (словосочетанием), один из компонентов которой выражен морфологически, то есть с помощью притяжательного аффикса. Однако при рассмотрении подобных словоформ сторонники двусоставности предложения не делают такого допущения и тем самым противоречат самим себе.

На деле форма *атам* и словосочетание *мени атам* отличаются друг от друга (точно так же, как и *барама* 'иду' от *мен барама* 'я иду') только в плане выражения.

В карачаево-балкарском языке значение членов предложения могут передавать не только лично-предикативные и притяжательные аффиксы, но и аффиксы некоторых падежей в тех случаях, когда они присоединяются к слову, выступающему в роли предикативного члена предложения. Ср.: *Азиз, Ахмат сангады* 'Азиз, Ахмат к тебе' и *Азиз, Ахмат санга келгенди* 'Азиз, Ахмат пришел к тебе'. Семантическая структура этих предложений состоит из одинакового количества содержательных элементов. Иначе говоря, семантически эти конструкции не отличаются друг от друга, хотя в плане выражения и не идентичны. В первом из них имеются обращение, подлежащее и сказуемое, а во втором, кроме этих трех компонентов, еще и дополнение.

¹⁰ И. Д. Джакубов. Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского языка. Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1966; З. И. Будагова. Простое предложение в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963.

Это отличие объясняется тем, что в первом предложении сказуемое имеет аффикс дательно-направительного падежа, вследствие чего данный член предложения выражает два значения — предиката и объекта. В предложении *Машина тауданды* 'Машина (едет) с гор' сказуемое выражено формой исходного падежа имени, поэтому оно несет в себе одновременно два значения — предиката и обстоятельства.

Значения отдельных членов предложения могут быть переданы морфологически и в некоторых иносистемных языках¹¹. Однако компоненты такого предложения с многоэлементной структурой содержания обычно рассматриваются как один член предложения. Это относится и к ядерному члену традиционных глагольных односоставных предложений. Если такие предложения рассматривать как двусоставные на том основании, что в них наличествуют два элемента — субъект и предикат, то главный член предложения, включающий в себя три морфологически выраженных элемента, придется называть трехсоставным, а главный член предложения, содержащий четыре таких элемента, — четырехсоставным и т. д. Однако это не делается. Таким образом, предложение с одним главным членом, несмотря на то, что структура содержания его является многоэлементной¹², следует рассматривать как односоставное, а предложение, в котором каждый из главных членов выражен отдельным словом, — как двусоставное.

Такое толкование грамматического понятия односоставности—двусоставности, на наш взгляд, позволяет провести деление предложений на структурные типы именно на основе их структурных (синтаксических) признаков, а не на их логической основе.

Исходя из сказанного, в карачаево-балкарском языке можно выделить все традиционные типы односоставных предложений.

Вышеприведенные факты показывают, что в плане выражения двухэлементными могут быть как члены двусоставного (*Бу тауданды*||*Бу таудан келгенди* 'Этот с гор||Этот пришел с гор'), так и односоставного (*келеме*) предложения. Однако при обозначении двухэлементного члена двусоставного предложения лингвисты пользуются традиционным термином «сказуемое». Иными словами, специальных терминов для обозначения двухэлементных членов такого предложения нет. Еще не предложен синтаксический термин и для обозначения главного члена односоставного предложения.

Все это объясняется тем, что вопрос о синтаксической природе данного члена предложения еще не решен: одни авторы отождествляют его с главными членами двусоставного предложения¹³, другие же считают, что главный член односоставного предложения по характеру выражаемых им синтаксических отношений отличается от подлежащего и сказуемого. Исходя из этого, последние справедливо утверждают, что структурный центр односоставного предложения «отнюдь не является эквивалентом ни подлежащего, ни сказуемого двусоставного предложения»¹⁴. При этом отмечается, что подлежащее и сказуемое двусоставного предложения являются соотносительными членами, находящимися в предикативных отношениях. Сказуемое квалифицируется зависимым,

¹¹ Н. М. Коляденков. Структура простого предложения в*мордовских языках. Саранск, 1959; см. раздел «Предложения, в которых субъект, предикат и объект находят свое выражение в одном слове».

¹² См.: «Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис». Под общей редакцией Н. А. Баскакова. Нальчик, стр. 489—492.

¹³ «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 343; У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972, стр. 105.

¹⁴ «Структурный синтаксис английского языка». Л., 1972, стр. 158.

а подлежащее — независимым членом. Главный же член односоставного предложения является несоотносительным и в составе конструкции ни от какого члена не зависит, как правило, выражая независимый признак. «Наличие одного синтаксически независимого компонента... предопределяет и специфику синтаксического строения данного типа предложения, выражающуюся в отсутствии *s* как левого распространения»¹⁵.

Все это заставляет думать, что главный член глагольного двусоставного предложения нельзя отождествлять со сказуемым двусоставного предложения. Для обозначения этого члена предложения нельзя применять термин «сказуемое». Исходя из этого, Ю. М. Костинский для обозначения главного члена традиционных личных предложений русского языка, в которых совмещенно выражены два значения, предлагает пользоваться терминами: 1) субъектно-предикатный член, 2) предикатно-обстоятельственный член, 3) предикатно-объектный член¹⁶.

Если принять такое предложение, то главный член тюркских глагольных односоставных предложений можно назвать «предикатно-субъектным» членом предложения; член предложения, выраженный именной словоформой с притяжательным аффиксом (например, *атам*), — «субъектно-атрибутивным», а члены предложения, в роли которых выступают словоформы *таугъама*, *сангама*, — соответственно «субъектно-предикатно-обстоятельственным» и «субъектно-предикатно-объектным» членами предложения. Это приведет к расширению категории членов предложения за счет его полиэлементных членов.

В строе тюркского предложения глагол, как известно, занимает особое место и встречается весьма часто. Например, по подсчетам В. Н. Хангильдина, в татарском языке глагольные предложения составляют примерно 85 процентов. В отличие от некоторых тюркских языков, в которых глагольные сказуемые в определенных условиях могут употребляться без лично-предикативных аффиксов, в карачаево-балкарском языке они во всех случаях оформлены данными аффиксами. Исключение составляет только сказуемое, выраженное глаголом 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. В результате этого предложения с полиэлементным глагольным сказуемым занимают в языке видное место. Одной из особенностей полиэлементных глагольных членов является то, что они встречаются как в двусоставном, так и в односоставном предложениях. Как отмечалось выше, двусоставные и односоставные предложения с такими членами по содержанию синонимичны. Субъект таких односоставных и двусоставных предложений в карачаево-балкарском языке всегда обозначает первое или второе лицо (одушевленное) единственного или множественного числа и соотносится с формой основного падежа личных, лично-возвратных местоимений и словоформами типа *экибиз* 'мы двое', *экигиз* 'вы двое', *барыбыз* 'мы все', *барыгъыз* 'вы все'. Такой субъект, в отличие от субъекта, выраженного формой какого-либо слова в косвенном падеже, принято называть прямым субъектом.

Таким образом, для традиционных личных глагольных односоставных предложений карачаево-балкарского языка характерен прямой субъект, передаваемый морфологически формой полиэлементного предикатного члена и обозначающий первое или второе лицо.

Особенно спорным является вопрос о том, имеются ли в тюркских языках безличные предложения. По данному вопросу существуют две

¹⁵ «Структурный синтаксис английского языка», стр. 114.

¹⁶ Ю. М. Костинский. Указ. раб., стр. 11.

противоположные точки зрения. Согласно одной из них «категория лица является такой категорией, без которой в данных языках не бывает сказуемого, а стало быть, и предложения»¹⁷.

Сторонники другой точки зрения, не вступая в полемику с представителями указанной теории, выделяют в изучаемых ими тюркских языках безличные предложения в особый тип односоставных конструкций и описывают их. Безличные предложения при этом определяются как «предложения с таким сказуемым, при котором нет и не может быть субъекта в форме грамматического подлежащего»¹⁸. Некоторые исследователи указывают, что такие предложения характеризуются еще и тем, что в них невозможно ввести грамматическое подлежащее.

Ряд ученых, признающих существование в тюркских языках безличных предложений, утверждает, что в них (в этих языках) имеются и безличные глаголы¹⁹.

Факты карачаево-балкарского языка показывают, что независимо от наличия в тюркских языках таких глаголов безличные предложения в них существуют. Академик В. В. Виноградов отмечал, что синтаксическая категория лица не сводима к категории лица глагола. Он подчеркивал, что способы выражения синтаксической категории лица могут быть не только морфологическими, но и конструктивно-синтаксическими и интонационно-синтаксическими²⁰.

В языке, как известно, одни формы часто могут выступать в функции других форм. Синтаксисты отмечают, что в русском языке личные формы глагола употребляются в безличном значении. Большинство тюркологов также справедливо считает, что такое явление имеет место и в тюркских языках²¹.

Факты карачаево-балкарского языка показывают, что имеются предложения, в которых действие, состояние и признак воспринимаются языковым сознанием как бессубъектные, не связанные с носителем признака или производителем действия.

К таким предложениям относятся различные по своей структуре конструкции. Реальный субъект в них может быть известен или неизвестен, то есть мы можем знать, что на самом деле порождает действие или процесс, обозначенный главным членом предложения. Однако этот субъект может быть и не представлен отдельным словом в форме подлежащего, что и «обезличивает» предложение.

Причина отсутствия субъекта бывает различной и зависит не только от морфологической природы наличествующего главного члена, но и от общей структуры и значения конструкции.

В тюркских языках практически все глаголы и имена, выступающие в роли сказуемого, сочетаются с подлежащим, с которым обычно согласуются в лице и числе. Безличными становятся, как правило, только те предложения, в которых редуцируется субъект, обозначающий не ли-

¹⁷ Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, стр. 96; *его же*. Структура простого предложения в тюркских языках. — «Труды Института языка и литературы АН Киргизской ССР», вып. VI. Фрунзе, 1956, стр. 95.

¹⁸ Г. И. Донидзе. Безличные предложения в хакасском языке. Абакан, 1957, стр. 39.

¹⁹ М. С. Бектуров. К вопросу о собственно-безличных предложениях в русском и тюркских языках. — В кн.: «Филологический сборник», вып. 5. Алма-Ата, 1966, стр. 255—262.

²⁰ См.: «Грамматика русского языка», т. 2, ч. 1. М., 1960, стр. 82.

²¹ Г. И. Донидзе. Указ. раб., стр. 37—38; З. И. Будагова. Указ. автореф., стр. 36 и др.

цо, а предмет²². Поэтому предикатный член такого предложения не имеет лично-предикативного аффикса и вследствие этого не может быть полиэлементным.

Безличные предложения нередко путают с неполными. Однако между ними имеется существенное различие. В безличном предложении грамматический субъект отсутствует, хотя иногда может быть и установлен. Однако этот субъект не называется в предложении. А субъект неполного предложения всегда конкретен, он активный производитель действия; если даже он не назван, его легко восстановить по контексту. На его существование указывает и форма второго главного члена предложения. Сказуемое неполного предложения в зависимости от формы подлежащего, имеющегося в самом предложении или в контексте, стоит в единственном или множественном числе. А главный член безличного предложения всегда оканчивается на аффикс *-ды/-ди*.

Некоторые предложения в зависимости от своего коммуникативного задания могут осмысливаться то как личные, двусоставные, то как безличные, односоставные конструкции.

В большинство безличных предложений можно ввести субъект, выраженный словом в основном падеже. С введением такого члена односоставное предложение становится двусоставным.

Односоставные и двусоставные предложения могут быть синонимичными: *Азиз элгенди* 'Азиз вздрогнул' // *Азизни жаны кетди* 'Азиз (сильно) испугался'; *Сен окъургъа керексе* 'Тебе нужно учиться' // *Санга окъургъа керекди* 'Тебе необходимо учиться'. Ср. также: *Мен школгъа барама* 'Я иду в школу' // *Школгъа барама* '(Я) иду в школу'.

²² Следует отметить, что в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, имеются такие глагольные предложения, личный субъект в которых выражается косвенными (дательным, родительным) падежами или аффиксами принадлежности: *Манга иги ишлерге керекди* 'Мне необходимо работать хорошо', *Мени иги ишлеригим келеди* 'Мне хочется работать хорошо'. Большинство тюркологов, следуя традиции, такие конструкции относят к безличным; иного мнения придерживается М. З. Закиев (см.: М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 39—40). На наш взгляд, данный вопрос требует специального исследования.

В. Л. ГУКАСЯН

О ФОНЕМНОМ НОВООБРАЗОВАНИИ

Значение исследования языковых контактов давно уже вышло за рамки языковедения, став проблемой социальной. Научно-техническая революция в огромной степени способствовала сближению народов и наций, интенсификации языковых контактов. Нельзя не признать справедливыми слова В. Ю. Розенцвейга о том, что «...из вопроса сугубо теоретического, интересовавшего лингвистов в связи со сравнительно-историческими исследованиями и решавшегося почти исключительно на индоевропейском материале, языковые контакты переросли в вопрос общественной и государственной практики, а для многих стран Азии и Африки и в вопрос злободневный»¹.

К сказанному добавим, что вопрос языковых контактов, можно сказать, столь же злободневен и для буржуазной Европы, в странах которой определенные языки находятся в привилегированном положении по отношению к языкам национальных меньшинств. И в этих странах в борьбе за равноправие языков находит фактически свое выражение борьба за национальное равноправие.

Совершенно иное положение мы видим в нашей стране, где все языки пользуются подлинно равными правами.

В Советском Союзе на основе социалистического развития национальных республик из года в год интенсифицируются и языковые контакты, которые проявляются не только на лексическом, но и на грамматическом и фонетическом уровнях. В связи с этим обстоятельством в научной литературе стало высказываться мнение, что при длительном и регулярном контактировании двух языков заимствуются фонемы. Так, под воздействием русского языка, считают сторонники этого мнения, в фонематических системах тюркских языков СССР появились заимствованные из русского языка фонемы². При этом ими не учитывается, как нам кажется, нижеследующее.

¹ См.: В. Ю. Розенцвейг. Основные вопросы теории языковых контактов. — «Новое в лингвистике», вып. VI. М., 1972, стр. 5.

² Н. А. Баскаков. Развитие языков и письменности СССР. — «Вопросы языкознания». М., 1952, № 3; К. М. Мусаев. Изменения в фонетике. — В кн.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», т. II. М., 1960, стр. 20; Э. М. Ахунзянов. Русские лексические заимствования, вошедшие в основной словарный фонд и словарный состав татарского языка. Автореф. докт. дисс. М., 1955; С. К. Кенесбаев. Прогрессивное влияние русского языка на казахский. — В кн.: «Прогрессивное влияние русского языка на казахский». Алма-Ата, 1965, стр. 14—23; А. Е. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963, стр. 138—142; Р. Н. Терезулова. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1967, стр. 85; Л. Н. Харитонов. О влиянии русского языка на якутский язык. — В кн.: «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа». Якутск, 1950, стр. 238 и т. д. Иного мнения в этом вопросе придерживается А. И. Васильев. (См.: А. И. Васильев. Имеются ли в тюркских языках фонемы, заимствованные из русского языка? — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 96—100).

1. Многие гласные и согласные, приводимые этими учеными в качестве заимствованных, исторически были присущи тюркским языкам, а в ряде современных тюркских языков они и по сей день существуют. Вот почему прежде всего следует ответить на вопрос: заимствованы ли вообще эти звуки тем или иным языком? Возможно, что под воздействием контактирующего влияющего языка произошли лишь артикуляционные изменения, что наблюдается достаточно часто. Об одном таком явлении пишет, например, Б. А. Серебренников: «В некоторых нижевычегодских русских говорах под влиянием коми-зырянского языка на месте велярного русского *l* появилось *l* средневропейское. Под влиянием русского языка в мишарском диалекте татарского языка исчезло велярное *к* (*q*), которое стало произноситься, как русское *к*»³.

2. Некоторыми авторами неоправданно отождествляются два разных понятия: «заимствование» и «возникновение». Новый звук, новая фонема и прежде возникали в языках, возникают и ныне, однако не только под влиянием другого языка (подробнее см. ниже). Нерешенным остается и сам вопрос вообще о возможности заимствования звука или фонемы. Некоторые исследователи на этот вопрос отвечают утвердительно, другие — отрицательно. Так, например, Л. П. Крысин предполагает, что «заимствование фонемы — наиболее редкий и частный случай, зависящий от степени контакта двух языков»⁴. Следовательно, по Л. П. Крысину, при достаточно тесном контакте двух языков фонема одного из них может быть заимствована другим.

М. И. Исаев и Е. М. Верещагин, казалось бы, категорически возражая против заимствования фонем, при этом оговариваются, что фонему можно считать заимствованной только в том случае, если она войдет в исконные лексемы⁵. Однако эта оговорка не реалистична, ибо вновь возникший (не заимствованный!) звук в языке может являться полноправной фонемой, даже если он не найдет применения в исконной лексике данного языка. Необходимо учитывать исторические предпосылки появления (или возникновения) данной фонемы, то есть всегда надо иметь в виду, что влияние контактирующего языка — это всего лишь внешний фактор, а возникновение новой фонемы в языке обуславливается обязательным сочетанием внутренних и внешних факторов (об этом см. ниже). Приведем два примера: фонема *f* (ф) и в русский, и в армянский языки фактически внесена извне. При составлении русского алфавита кириллицы эталоном служил греческий алфавит, в котором уже со II века нашей эры имелся знак *f*. Звук *f* не был свойствен славянским языкам, поэтому в первое время в письменных памятниках русского языка *f* употреблялся лишь в словах, заимствованных из греческого, откуда он в дальнейшем, по-видимому, проник в древнерусский литературный язык. В народном разговорном языке он заменялся в заимствованных словах звуком *p* или *x*. Это объясняется прежде всего тем, что к IX—XI векам в русском языке еще не сложилось четкое соотношение твердых и мягких согласных. Фонема *v* в этот период являлась еще сонантом, который впоследствии приобрел характеристики звонкого согласного, что обусловило существование его глухой параллели — звука *f*. К этому времени у русских-монолингвов сложились и артикуляторные навыки для правильного произнесения *f*, кото-

³ Б. А. Серебренников. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968, стр. 11—12.

⁴ Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, стр. 19.

⁵ См.: М. И. Исаев. Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка. — В кн.: «Язык и общество». М., 1968, стр. 95; Е. М. Верещагин. О проблеме заимствования фонем. — Там же, стр. 163—166.

рые затем фонологизировались. Поэтому *f*, весьма редко употребляющийся в исконно русских словах, вошел в фонемную систему русского языка⁶.

Иначе обстояло дело с фонемой *f* в армянском языке. При создании армянского алфавита в начале V века эталоном послужил тот же греческий алфавит, однако в самом грабаре звук *f* отсутствовал⁷. Он появился в армянском алфавите в результате накопления множества заимствованных слов с этой фонемой, обычно замещавшейся в произношении армянскими звуками *p* или *h*. Фонема *f* отсутствует и в современном армянском языке; она и в настоящее время практически не произносится ни одним армянином-монолингвом.

Поэтому, говоря о возникновении в языке нового звука-фонемы, необходимо прежде всего установить общеупотребителен ли он, или это лишь формально включенный в алфавит знак.

3. Наконец, следует отличать заимствование от языковой интерференции. Явление «интерференции» У. Вайнрайхом и его последователями определяется как «перегруппировка моделей, проистекающая от введения чужих элементов в структурные области языка»⁸ и противопоставляется заимствованию, которое осмысливается только как «добавление к инвентарю».

Помимо этого, весьма необходимо учитывать фонетические особенности каждого конкретного языка. Один язык, вследствие контактирования с другим, в большей мере нуждается в отсутствующем в нем новом звуке, другой — в меньшей мере. Рассмотрим это на примере русского языка, контактирующего со многими языками, но не подвергающегося влиянию какого-либо из них. Русские, проживающие в РСФСР, преимущественно монолингвы, поэтому в их языке не возникает новых фонем. Тем не менее явно ощущается тенденция к восстановлению древнерусского *ž* под влиянием многочисленных заимствований с этой аффрикатой (особенно из тюркских языков).

Фонетический состав языка-заимствователя нередко оказывается богаче того языка, из которого заимствуется данная фонема, что вызывает порой недоумение. Обычно это связано с недоразумением, объясняющимся тем, что «заимствование» здесь понимается в прямом смысле и без учета того, что в заимствующем языке данная фонема отсутствует. Останемся на этом подробнее. Общеизвестно, что звуковой состав кавказских языков весьма многообразен. По мнению кавказоведов, состав фонем восточнокавказского языка-основы представлял собой «систему более богатую (во всяком случае по составу согласных), чем то, что сохранилось от нее в современных языках-наследниках. Здесь существовали, например, более полные ряды длительных согласных (типа *сс, шш, кк, хх, члчл* и т. п.) и латеральных (*л̥, л̥л̥, к̥л̥, к̥̥*). Вокализм, судя по всему, имел среднее развитие и насчитывал, по-видимому, не менее десяти фонем»⁹.

На этом фоне, например, звуковой состав современного удинского языка, относящегося к горско-кавказским языкам, выглядит весьма бедным. В нем 14 гласных и 38 согласных; давно исчезли сложные лате-

⁶ См.: В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. — «Труды Института русского языка». М.—Л., 1950, стр. 176—178; Н. Г. Самсонов. Древнерусский язык. М., 1973, стр. 101.

⁷ Э. Г. Туманян. Древнеармянский язык. М., 1971, стр. 18.

⁸ См.: U. Weinreich. Languages in contact. Paris, 1963, стр. 1.

⁹ Г. А. Климов. Кавказские языки. М., 1965, стр. 59.

ральные, увулярные, лабиализованные, даже абруптивные; нет в нем теперь четверичной системы для смычных и аффрикат и других специфических звуков горских кавказских языков. Вместе с тем спонантизировались многие аффрикаты и смычные, появились новые гласные и согласные. Все эти процессы в удинском языке происходили в основном в последние десять веков¹⁰. Исследования по истории албанской письменности показывают, что еще в V—IX веках нашей эры удинский язык располагал более чем 46 согласными и 10 гласными¹¹. Существующие албанские письменные памятники позволяют достаточно точно определить звуковое состояние удинского языка в канун контактирования его с азербайджанским языком. Поэтому можно приблизительно установить, какие гласные и согласные удинского языка деградировали, а затем и полностью исчезли, и какие звуки возникли вследствие многовекового контактирования с азербайджанским и другими языками.

При изучении процесса возникновения новых фонем недостаточно знать только историю фонетики и фонологии одного из контактирующих языков. Необходимо знание и истории языка влияющего.

Известно, что азербайджанский язык формировался на базе многочисленных диалектов языков савиро-хазарского племенного союза, раннекыпчакского и особенно огузских языков. Эти диалекты располагали такими фонемами, которые впоследствии исчезли из языка. Так, например, фонетический состав языков савиро-хазарского союза располагал такими звуками, как *с*, *з*, *ж*, и другими, которые в последующие века в азербайджанском литературном языке деградировали или же полностью исчезли, сохранившись в виде реликтов в ряде диалектов и говоров. Поэтому, говоря о фонетическом влиянии азербайджанского языка на удинский, необходимо рассмотреть историю этого процесса.

Анализ конкретных лингвистических данных показывает, что под влиянием контактирующего — влияющего азербайджанского языка в фонетической системе удинского языка произошли заметные структурные изменения, хотя в целом фонологическая система и осталась неизменной.

Фонетическое влияние в первую очередь проявляется в фонологической системе языка. Фонологические изменения, возникающие под влиянием контактов с неродственными языками, сводятся к заполнению так называемых «пустых клеток» в связи с большим числом слов, содержащих чуждые заимствующему языку звуки. В этом отношении каждый язык, каждая семья языков имеет свои особенности по степени и характеру проницаемости. Например, по мнению А. С. Чикобава, «фонемный состав иберийско-кавказских языков оказывается после лексики, не образующей замкнутой системы — наиболее чувствительным к изменениям элементов системы языка в зонах встреч с родственными языками других групп и — тем более — языками иного строя и происхождения»¹².

Сказанное всецело относится и к удинскому языку. Фонологическая система удинского языка богаче азербайджанской: гласные в

¹⁰ Об этом см.: В. Л. Гукасян. К трехязычию удин. — В кн.: «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972, стр. 286—295; *его же*. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 19—28.

¹¹ Ворошил Гукасян. Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана. — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1969, № 2, стр. 54—69.

¹² Арн. Чикобава. Узловые вопросы исторической фонетики иберийско-кавказских языков. — «Тезисы докладов второй региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков». Тбилиси, 1967, стр. 4—5.

удинском языке делятся на чистые (*a, e, i, o, u*) и фарингализованные (*ā, ē, ī, ō, ū*), причем фонематичность их не вызывает сомнения. Консонантизм тоже имеет строгую и последовательную систему: внутри рядов согласные фонемы противопоставляются по звонкости, глухости и преруптивности исторически абруптивными; смычные и аффрикаты образуют триадные ряды (*b-p-p; d-t-t; k-k'-k̥; [qk̥]-q-q; g-; ʒ-c-c; ʒ-č-c; ʒ-č; č-c-k*); спиранты — парные (*v-f; z-s; ʒ-š; γ-x; j-; h-*); сонанты составляют последовательный ряд (*l, m, n, r*).

Кроме того, контактирующий влияющий азербайджанский язык не располагает такой сложной фонологической системой: в азербайджанском языке, с учетом данных его диалектов и говоров, имеется 9 гласных и 26 согласных фонем. Гласные коррелируют в основном следующим образом: *a-ā; i-y; o-ō; u-ū; e-[ɛ]*¹³; согласные же: *b-p; d-t; q-k; k'-x; v-f; z-s; ʒ-š; č-ʒ; ʒ'-c'; j-*.

Гласные *a, e, i, y, o, u* и согласные *b, p, d, t, k, k', q, v, f, z, s, x, ʒ, š, ʒ, č, ʒ, c, j, h, m, n, l, r* в азербайджанском и удинском языках адекватны.

Вместе с тем гласные *ā, ō, ū* и согласные *g, ng/ŋ* азербайджанского языка в фонологической системе удинского языка исторически отсутствовали. Видимо, поэтому именно они представляли инновации в удинском языке. Следовательно, нулевое противопоставление оказывается одним из необходимых условий для возникновения нового звука (resp. фонемы) в языке.

А. Мартине, говоря о возможности появления под влиянием заимствований новой фонемы в языке, обращает особое внимание на артикуляторные особенности, которые могут содействовать освоению нового звука¹⁴. Это значит, что, как бы ни были многочисленны заимствования из азербайджанского языка со звуками *ā, ō, ū*, они не были бы усвоены удинским языком, если бы у его носителей не возникли артикуляторные навыки.

Возникновение фонем *ā, ō* и *ū* в удинском языке обусловлено не только большим количеством заимствований с этими гласными (число их не так уж и велико). Само заимствование является следствием длительного и интенсивного контактирования, в результате которого возникло полное двуязычие и в речевом аппарате удин выработался навык произношения этих фонем.

Нельзя не учитывать и того, что в самом удинском языке имелись внутренние предпосылки, способствовавшие «заимствованию» этих гласных: наличие парных гласных создавало условия и для появления третьего ряда — *a-ā-ā, o-ō-ō, u-ū-ū*. Подобные факты А. Мартине считает закономерным явлением в языках¹⁵.

Судя по некоторым историческим данным, можно предположить, что навыки произношения этих специфических азербайджанских звуков у удин выработались давно, во всяком случае до XVII века. Об этом, например, свидетельствует письмо удин Кабалинского округа Петру I от 28 октября 1724 года, из которого явствует, что даже османские турки-солдаты, находившиеся в то время в городе Гяндже, не могли отличить местных удин от азербайджанцев не только потому, что они наряду с родным удинским языком свободно владели и азербайджанским, но и потому, что азербайджанская речь удин ничем не отличалась от

¹³ Об этом звуке см.: А. К. Алекперов. Фонетическая система современного азербайджанского языка. Баку, 1971, стр. 46—47.

¹⁴ А. Мартине. Принципы экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 135—139.

¹⁵ Там же, стр. 136—137.

речи самих азербайджанцев. Таким образом, по словам Е. Куриловича, чисто артикуляторные признаки для гласных *ā, ō, ū* и согласных *g ng/ŋ* у удин уже в то время фонологизировались¹⁶.

Благодаря совокупности внутренних и внешних факторов в удинском языке возникли гласные *ā, ō, ū*, фонологически и фонетически почти ничем не отличающиеся от тех же букв азербайджанского языка.

Эти гласные, кроме удинского, существуют в крызском, будухском, хиналугском языках, в диалектах и говорах лезгинского, цахурского, армянского, грузинского и других языков, представленных на территории Азербайджана. Хотя не во всех этих языках и диалектах *ā, ō, ū* возникли под влиянием одних и тех же факторов, одно несомненно, что контактирующий влияющий на эти языки и диалекты азербайджанский язык располагал указанными гласными, и потому они проникли во все упомянутые языки.

Отметим, что существуют разные предположения относительно появления этих гласных в горских кавказских языках. По мнению Е. А. Бокарева и некоторых других кавказоведов, гласные *ā, ū* являются исконными фонемами так называемого общелезгинского праязыка¹⁷. По предположению других исследователей, они возникли в результате лабиализации простых гласных. Так, например, А. А. Магометов пишет, что артикуляция звука *ū* в табасаранском языке «это артикуляция гласного *i* плюс огубление... гласный *ū* представлен как в заимствованных из азербайджанского (например, *gūzgi* 'зеркало', *ūlke* 'страна', *kūllet* 'семья'...), так и в собственно табасаранских словах. В ряде случаев можно проследить процесс получения гласного *ū*; *i*+ лабиализованный согласный может дать *ū*+ нелабиализованный согласный...»¹⁸.

Распространение исконного лабиального *ū* на заимствования не всегда возможно. Наоборот, из приведенных самим автором примеров явствует, что заимствованный из азербайджанского языка *ū* в табасаранском языке иногда заменяет гласный *u*. Возникновению *ū* в табасаранском языке способствовал внешний фактор, воздействовавший на внутренний, то есть на *i*+ лабиализованный согласный. Подобное явление отмечено А. Г. Гюльмагомедовым в куткашенских говорах лезгинского языка: «Возникновению *o, ō*, по-видимому, способствовали два фактора: внутренний — передача лабиализованности корневого согласного, смежного с ним гласным, ассимиляция гласных *a, e* губным согласным *в, м*, внешний — тесный контакт с азербайджанским языком, где гласные *o, ō* широко представлены»¹⁹.

Отсюда явствует, что возникновение гласных *ā, ō, ū* — следствие совокупности внешнего и внутреннего факторов. Поэтому трудно согласиться с мнением Е. Ф. Джейранишвили о том, что «в удинском языке *ō* получен в результате лабиализации простого гласного *e*; *ū* также получен в результате лабиализации простого гласного *i*...»²⁰. Не будь в контактирующем азербайджанском языке данных фонем, не происхо-

¹⁶ Е. Курилович. О методах внутренней реконструкции. — «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 405.

¹⁷ Е. А. Бокарев. Опыт реконструкции вокализма в общеджуганском праязыке. — «Тезисы докладов первой сессии сравнительно-исторического изучения иберийско-кавказских языков». Махачкала, 1965, стр. 45.

¹⁸ А. А. Магометов. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, стр. 28—29.

¹⁹ А. Г. Гюльмагомедов. Куткашенские говоры лезгинского языка. Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1966, стр. 4.

²⁰ Е. Ф. Джейранишвили. Удинский язык (резюме на русском языке). Тбилиси, 1971, стр. 278.

дили бы и эти лабиализации или билабиализации — не было бы почвы для возникновения и освоения этих гласных в удинском языке, и они остались бы чуждыми ему. С этой точки зрения весьма неубедительны высказывания А. А. Шифнера и А. М. Дирра о том, что эти так называемые умлаутированные гласные в фонологическую систему удинского языка проникли из азербайджанского языка²¹.

Изложенное выше позволяет заключить, что в появлении гласных *ā, ȳ* в представленных в Азербайджане нетюркских языках — в диалектах армянского языка, в ингилойском диалекте грузинского языка²², в диалектах лезгинского, цахурского и рутульского языков — наряду с внутренним фактором значительную роль сыграл и внешний фактор — влияние азербайджанского языка. В этой связи обращает на себя внимание то, что *ā, ȳ* не представлены в диалектах цахурского, рутульского и лезгинского языков Дагестана, а также в грузинских и армянских диалектах Грузии и Армении, не контактирующих с азербайджанским языком. Поэтому «Закон Ачаряна» для *ā, ȳ* применительно к армянским диалектам выглядит односторонним, ибо и этот закон базируется лишь на внутреннем факторе — на палатализации широких гласных в узкие под влиянием корневого анлаутного звонкого смычного согласного на последующий гласный. Однако, вслед за Н. А. Вартаняном, К. И. Давтяном²³ и другими армянскими языковедами, Р. А. Баграмян утверждает, что «переходы *a > ā, o > ȳ, u > ȳ* являются особенностями армянских диалектов, чисто армянским явлением, не зависимым от внешнего влияния»²⁴. Развивая свою точку зрения, он пишет, что, хотя эти фонемы армянских диалектов «качественно не отличаются от азербайджанских гласных *a, ɔ, ʊ*» и хотя «существует мнение, что указанные гласные в армянских диалектах образовались под воздействием азербайджанского языка, они все же появились в армянском языке независимо от внешнего влияния»²⁵.

Последние строки цитируемого отрывка ясно отражают точку зрения Р. А. Баграмяна на возникновение новых фонем, в том числе *ā, ȳ, ȳ* в армянском языке. Его мнение о том, что иноязычная фонема заимствуется в составе заимствованных слов, не выдерживает критики, ибо возникшая или, как автор называет, «заимствованная» фонема употребляется не только в составе заимствованных слов. Исследования самого же Р. А. Баграмяна показывают, что *ā, ȳ, ȳ* в армянских диалектах, представленных на территории Азербайджана, фонологизировались и коррелируют с широкими гласными *a, o, u* во всех позициях. Он пишет: «...Во всех позициях в слове в обычном употреблении наличествуют переднеязычные гласные *a, ɔ, ʊ*... Вот несколько примеров, взятых из шамхор-дастафюрского междиалекта: *thaŋ* 'куриный насест' — *thāŋ* 'голубоватый', *ružap* 'волчок' — *ružāp* 'мацони, которым женщины смягчают

²¹ А. А. Schiefner. Versuch über die Sprache der Uden. — «Mémoires de l'Académie impériale des Sciences de St.-Petersbourg», VIIe Serie, Tome VI, № 8, СПб., 1863, стр. 9; А. М. Дирр. Грамматика удинского языка. Тифлис, 1903, стр. 1.

²² Г. М. Иманшвили. Умлаут в ингилойском наречии грузинского языка. — «Иберийско-кавказское языкознание», т. V. Тбилиси, 1953.

²³ Н. А. Вартанян. Сюникский диалект армянского языка. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1962, стр. 6; К. И. Давтян. Диалектная карта Карабаха (на армянском языке). Ереван, 1966, стр. 504.

²⁴ Р. А. Баграмян. Армянские диалекты в Азербайджанской ССР. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1969, стр. 42.

²⁵ Р. А. Баграмян. Армянские диалекты в азербайджанской среде. — «Тезисы докладов и сообщений совещаний по общим вопросам диалектологии и истории языка. (Ереван, 2—5 октября 1973 года)». М., 1973, стр. 68—69.

волосы при мытье головы', *ystaqel* 'сдохнуть' — *ystäqel* 'очистить пшеницу решетом', *tašt* 'корыто' — *täšt* 'поле, равнина', *soḡ* 'струя жидкости' — *ṣōḡ* 'ушелье'²⁶.

Отметим, что *ä* как в диалектах армянского языка, так и в удинском языке является гласным переднего ряда нижнего подъема. По месту и способу образования этот звук не отличается от *ə* азербайджанского языка. Более широко он представлен в ниджском диалекте удинского языка, где употребляется как в исконных, так и в заимствованных словах, причем во всех позициях (ср.: *äci* 'игра; танец', *äfcī* 'ложь', *häš* 'опилки', *qäšä* 'палец'...).

Что же касается *ö*, то это губной гласный переднего ряда среднего подъема, ничем не отличающийся от *ə* азербайджанского языка. В диалектах удинского языка *ö* проявляет себя по-разному: в ниджском диалекте встречается лишь в составе слов, заимствованных из азербайджанского языка (см.: *öḡdäḡ* 'утка', *ölkä* 'страна', *öḡüš* 'выгон скота', *öküz* 'вол', 'бык', *göl* 'озеро'), в варташенском — *e* из иранских заимствований тоже переходит в *ö* (см.: *gele* > *gölö* 'много', *ekiz* > *öküz* 'двойник' и т. д.).

Губной гласный переднего ряда верхнего подъема *ü* широко представлен в диалектах удинского языка. Он ничем не отличается от *y* азербайджанского языка; употребляется как в составе заимствованных, так и в исконных словах (см.: *ütü* 'утюг', *tülkī* 'лиса', *kükü* 'яичница', *ük* 'сердце', *šü* 'ночь').

Особый интерес представляют вновь возникшие в удинском языке согласные.

В системе согласных удинского языка звуки *g*, *ng/ŋ*, *ž* исторически отсутствовали, ибо, как отмечалось выше, в удинском языке смычные и аффрикаты состоят из трех рядов, а назальные — из одного зубного сонанта *rr* с твердым приступом.

Фонемы *q* в азербайджанском и удинском языках почти не отличаются: это звонкий или полувзвонкий заднеязычный согласный. *K* (азерб. *k*) и *q* резко отличаются по месту и способу образования: удинский *k* заднеязычный глухой придыхательный смычный согласный, а *k* азербайджанского языка — глухой среднеязычный смычный согласный; удинский *q* (исторический абруптив) является преруптивом, а азербайджанский *q* возник под влиянием многочисленных заимствованных из русского языка слов с *q*. Поэтому фонематичность его в азербайджанском языке часто вызывает сомнение²⁷. Смычный же полувзвонкий *g* в удинском языке, на наш взгляд, возник в последние века. Это следует, во-первых, из того, что *g* в удинском языке не является коррелятом какого-либо смычного (или любого другого) согласного и потому лишен смыслоразличительной функции; во-вторых, он употребляется в основном в составе заимствованных слов. Можно наблюдать немало случаев, когда звук, чуждый фонологической системе какого-либо языка и возникший под влиянием многочисленных заимствованных слов с этим звуком (ср. с *f* в армянском языке), употребляется только в составе этих заимствований. В удинском языке в старых иранских и армянских заимствованиях наблюдается даже замещение *q* согласным *g* (см.:

²⁶ Р. А. Баграмян. Армянские диалекты в азербайджанской среде, стр. 38.

²⁷ По мнению А. А. Ахундова, *k* — *k* являются комбинаторными вариантами одной глухой фонемы с дифференциальным признаком небности, согласно фонетическому закону *c + d* (см.: А. А. Ахундов. Система фонем современного азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1964, стр. 75).

qirk > girk 'книга', qic > gic 'линия', qomeš > gomeš 'буйвол', qaur > gour 'гяур' и т. д.). Это означает, что *g* полностью закрепился в фонологической системе удинского языка. Существование с древних времен заднеязычных смычных (*g, k, q*) и трех рядов фарингальных согласных (*[gk], q, q*), а также заднеязычного звонкого спиранта *ɣ*, безусловно, создало в удинском языке хорошие акустические условия для возникновения *g*.

Наличие же в фонологической системе удинского языка зубного сонанта *n*, звонкого спиранта *ɣ* и звонкого смычного *g* обусловило благоприятные акустические условия для возникновения назального слитного согласного *ng/nɣ* и *ŋ* (так называемого *sağır nın*). Происхождение этих согласных, существующих во всех тюркских языках кыпчакской группы, тюркологами объясняется по-разному. Одни считают, что *ŋ* и *ng/ng/nɣ* — разные фонемы, восходящие к тюркскому праязыку (то есть *ng* образовался в результате слияния самостоятельных *ŋ + q*)²⁸, другие же полагают, что *ŋ* восходит к праязыковому *ng/nq/nɣ*²⁹.

Сторонник первого мнения А. М. Щербак пишет: «Заднеязычный носовой согласный прослеживается в конце односложных и в конце и середине многосложных слов, в абсолютном начальном положении он полностью исключен. В середине многосложных слов, в интервокальном положении, вторичность *ŋ* часто не требует никаких доказательств, ср. др.-тюрк. *баңа* ~ *мэңә* 'мне' (<*мэңә*), *сэңә* 'тебе' (<*сэңә*), *аңа* 'ему' (<*аңа*). Сложнее обстоит дело с конечной позицией. Здесь необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Для конечной позиции в тюркских языках примечательно отсутствие сочетания *n + ɣ* (<*k*) или *n + g* (<*k*), вполне допустимого и совершенно естественного с точки зрения общетюркских правил сочетаемости и последовательности звуков, ср.: *нт, мт*. Отсутствие такого сочетания может служить одним из аргументов в пользу гипотезы о вторичном происхождении *ŋ*, (из сочетания *nɣ < nɣ* или *ng < nk*), ср. др.-тюрк. *күң* 'рабыня, служанка' (<**күнк*), *јэң* 'рукав' (<**ђәнк*), *биң* 'тысяча' (<**nīnk*), *муң* 'печаль' (<**пунк*), *тэң* 'равный' (<**тәнк*), *јүң* 'перо птицы, шерсть' (<**ђүнк*)... Кстати, в интервокальном положении, образуемом присоединением к слову с конечным *ŋ* аффикса, начинающегося гласным, *ŋ* может реализоваться в сочетании *nɣ* или *ng*»³⁰.

В. И. Асланов, высказывая противоположную точку зрения, отмечает, что «хотя и встречаются случаи, когда сочетание *n + g* дает *ŋ*, однако последнее не может быть распространено на все случаи употребления *ŋ* в составе исконно тюркских слов, ибо это фонетическое явление относится к сравнительно позднему этапу в развитии тюркских языков. На наш взгляд, сочетание *n + g* может дать *ŋ* лишь в составе производных слов, где *ng* относится к аффиксальной морфеме. *ŋ* может быть введен к сочетанию *n + g*, если он употребляется в середине слов»³¹.

Не высказываясь со всей определенностью относительно существующих взглядов на генезис *ŋ, ng/ng/nɣ* в тюркских языках, мы можем отметить, что в удинском языке встречаются слова и с *ŋ*, и с *ng/ng/nɣ*, причем в тех же позициях, что и в тюркских языках.

²⁸ М. Ширәлијев. Азербайжан диалектолокијасынын әсаслары. Баку, 1962, стр. 76.

²⁹ Подробнее об этом см.: В. И. Асланов. Из этюдов по исторической фонетике азербайджанского языка (о фонеме *ŋ*). — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1966, № 2, стр. 92—102.

³⁰ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 82.

³¹ В. И. Асланов. Указ. раб., стр. 94.

Хотя η и $ng/ng/n\eta$ являются довольно широкоупотребительными фонемами в удинском языке, к сожалению, специалистами они отмечены не были. На них обратили внимание лишь члены постоянной удинской комиссии при Секторе языка и материальной культуры Закавказского филиала Академии наук СССР на специальном научном совещании, посвященном обсуждению алфавита удинского языка, состоявшемся 11—13 июня 1933 года в Тбилиси. Об этом Д. П. Карбелашвили пишет: «На совещании обнаружилось расхождение в мнениях: часть присутствующих доказывала, что фонемы η в удинском языке нет и что ее смягчение вызывается соседством соответственного звука, например: $g-ng$ при предшествующем $\ddot{a}$... Существование фонемы η в удинском языке может быть обосновано следующим: фонема η дана не только в комплексе ng , т. е. в так называемом фаукальном звуке, когда ему предшествует $\ddot{a}$, но и тогда, когда и предшествуют и следуют за ним обыкновенное a и другие звуки, напр.: 1) $\ddot{a}ngišt\ddot{a}$ 'наперсток', $\ddot{o}\ddot{f}\ddot{a}ng$ 'ружье', $z\ddot{a}ng$ 'колокол', $\ddot{t}\ddot{a}ng\ddot{a}$ 'деньги', $\ddot{s}i\ddot{r}\ddot{a}ng$ 'кувшин' (для воды), $\ddot{t}\ddot{a}ng\ddot{a}l$ 'вилка', но и 2) $ge\eta g$ 'широкий', $ma\eta go$ 'челюсть', $di\eta g$ 'приспособление для молотбы риса', $\ddot{t}\ddot{u}\eta gi$ 'кувшин' (мера жидкости), а также без следующих звуков; 3) $be\eta \eta s$ 'священник', $be\eta g$ 'праздник', 'воскресенье', $b\ddot{a}nd\ddot{a}m$ 'солома для вязания снопов' ... $\ddot{t}\ddot{u}\eta$ 'горнило'...»³².

Как видно из немногих примеров, приведенных Д. П. Карбелашвили, η и $ng/ng/n\eta$ в удинском языке представлены более широко, чем в диалектах и говорах азербайджанского языка. В удинском имеются такие тюркские заимствованные слова с этим звуком, которые в азербайджанском языке употребляются без него (исключение составляют говоры закатало-кахской зоны), например: $ge\eta g$ (азерб. gen) 'широкий, просторный', $k'\ddot{a}rs\ddot{a}ng$ (азерб. диал. $k'\ddot{a}rs\ddot{a}n$) 'корыто', $quva\eta u$ (азерб. $qovaq$) 'тополь', $song\eta uz$ (азерб. $sonsuz$) 'бездетный' (от др.-тюрк. $song$ 'детеныш') и другие. Знаменателен тот факт, что название древнетюркского бога в «Истории Алван» приведено через ng ($tangri$). В главе 40 второй книги автор ее пишет, что хазары в VII веке «приносили в жертву коней какому-то чудовищу, великану, называя его богом $Tangri-xap$...»³³. Данное слово в древнетюркских памятниках пишется то через η (η — см.: $\ddot{U}z\ddot{a} k\ddot{o}k ta\eta ri$ — в начале большой надписи Кюль-Тегина), то через ng (см.: $tengri$ 'бог', $tengiz$ 'море', $ma\eta ga$ 'мне', $sa\eta ga$ 'тебе' в слове Махмуда Кашгари)³⁴.

Точная передача слова $tangri$ в «Истории Алван» свидетельствует о том, что еще в раннем средневековье в фонологической системе удинского языка возникли благоприятные акустические условия для появления η и ng . Это подтверждается еще и тем, что данные фонемы были широко представлены и в диалектах тюркских языков Кавказской Албании³⁵.

Фонетическое влияние азербайджанского языка на удинский этим не ограничивается. В той или иной форме оно отразилось и на других удинских эквивалентах азербайджанских фонем. Например, в современном удинском языке, особенно в его ниджском диалекте, параллельно сосуществуют исконная звонкая альвеолярная аффриката $\ddot{z}$ и азербайджанская переднеязычная палатальная звонкая аффриката $\ddot{z}$ (ц).

³² См.: Д. П. Карбелашвили. К фонетике удинского языка. — «Язык и мышление», III—IV. М.—Л., 1935, стр. 270—272.

³³ См.: «История Алван» (на древнеармянском языке). М., 1860, кн. II, гл. 40.

³⁴ Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. Тюркизмы в албанских источниках. — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 33—34.

³⁵ Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. Указ. автореф., стр. 24—25.

Это объясняется тем, что исконный удинский ž во многих словах уже давно спирантизировался. Следует отметить также, что «в языках Дагестана широко распространен процесс спирантизации: происходит спирантизация как звонких и придыхательных, так и абруптивных аффрикат. Вследствие этого процесса з и ž в языках Дагестана являются весьма редкими фонемами»³⁶. Исконная звонкая межзубная аффриката з в удинском языке сохранилась только в пяти старых, заимствованных из армянского и иранских языков, словах, а именно: в *zabgi* 'воронка', *zax* 'левый', *ʔanzil* 'черемша', *biɣinʔ* 'рис', *gägämtʔix* 'могила', 'кладбище'. Та же участь постигла и исконную звонкую аффрикату ž , которая в современном удинском языке встречается всего в нескольких следующих словах: *že(ɣ)* *žeg* 'губа', *ʔuʔza* 'бузина', *qazil* 'след', *qazil* 'боров', 'кабан' (впрочем, этимологически и эти слова являются заимствованными). Эта аффриката оказалась вытесненной своим азербайджанским эквивалентом — звонкой аффрикатой ž (*и*). Среднеязычная заальвеолярная аффриката ž в словах, заимствованных из армянского языка, в ниджском диалекте замещается азербайджанским ž (ср. варташенский и ниджский диалекты удинского языка): *žok* ~ *žöj* 'отдельно, раздельно', *žolak* ~ *žolaq* 'паук', *žinik* ~ *žiniq* 'чердачный балкон' и т. д.

Весьма интересным является фонологическая особенность древнетюркского ž , сохранившегося в составе некоторых заимствованных слов. Дело в том, что по своей артикуляции он более заальвеолярный, нежели ž современного азербайджанского языка, и занимает среднюю позицию между исконно удинским ž и азербайджанским ž . Этому, по-видимому, частично способствуют следующие гласные и согласные. См., например, др.-тюрк. *žadaɣ* 'пеший', *žugyt* 'джигит', 'храбрец', *žag* 'яр, овраг', сохранившиеся в удинском, при азербайджанских *žalɣa* 'молодое дерево', *žäɣgä* 'ряд', *žin* 'бес', *qylunʔ* 'меч, сабля' и др.

Таким образом, приведенные примеры показывают, что фонемное новообразование в языке — довольно сложный фонетический процесс, требующий длительного регулярного контакта двух языков, приводящего обычно к влиянию одного языка на другой. Фонемное новообразование, как видно из материалов горско-кавказских языков, особенно удинского и диалектов армянского и грузинского языков, представленных на территории Азербайджанской ССР, в основном происходит в условиях двязычия.

³⁶ Подробнее об этом см.: И. Д. Кобалава. Процессы аффрикатизации и деаффрикатизации в иберийско-кавказских языках. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1959.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Е. И. ОКОНЕШНИКОВ

Э. К. ПЕКАРСКИЙ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ЛЕКСИКОГРАФ

(К СТОДВАДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

25 октября 1978 года исполняется 120 лет со дня рождения Почетного члена Академии наук СССР Эдуарда Карловича Пекарского.

Революционер-народник 1870-х годов, Э. К. Пекарский, находясь в ссылке в Якутии, вложил много труда и упорства в исследование этнографии, фольклора и языка якутского народа.

Перу Э. К. Пекарского принадлежит ряд интересных этнографических работ, частью написанных им в соавторстве с другими исследователями. К числу этих работ относятся: Э. К. Пекарский и Г. Ф. Осмоловский «Якутский род до и после прихода русских» (1896), Э. К. Пекарский «Оседлое или кочевое племя якуты» (1908), В. Ф. Трошанский и Э. К. Пекарский «Любовь и брак у якутов» (1909), Э. К. Пекарский и В. Н. Васильев «Плащ и бубен якут-

ского шамана» (1910), Э. К. Пекарский и В. П. Цветков «Очерки быта приаянских тунгусов» (1913), Э. К. Пекарский и Н. П. Попов «Средняя якутская свадьба» (1925), Э. К. Пекарский и Н. П. Попов «Среди якутов» (1928). Этнографические статьи и публикации Э. К. Пекарского представляют собой несомненную ценность как своеобразный и добротный первоисточник. Тем не менее, как указывали в свое время специалисты, некоторые его этнографические работы «отражают в той или иной степени народническую идеологию»¹.

Как знаток материальной и духовной культуры якутов Э. К. Пекарский был привлечен к Якутской Сибиряковской экспедиции 1894—1896 годов Восточно-Сибирским отделением Русского географического общества и вместе с антропологом И. И. Майновым разработал «Программу

¹ А. Н. Самойлович. Памяти Пекарского. — «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», VII серия, 1934, № 10. М.—Л., стр. 746.

для исследования домашнего и семейного быта якутов», широко использовавшуюся ее участниками.

В 1903 году, будучи членом Нелькано-Аянской экспедиции, Э. К. Пекарский изучал жизнь и быт приаянских тунгусов (эвенков) и собрал этнографические коллекции для Русского музея (около 400 экспонатов).

Несколько своих статей Э. К. Пекарский посвятил правовому положению якутов, подвергнув в них резкой критике состояние судопроизводства и земельного права в Якутии: «Об организации суда у якутов» (1907), «Земельный вопрос у якутов» (1908), «Недостатки законопроекта в земельном самоуправлении в Сибири» (1908), «Из области имущественных прав якутов» (1910), «Материалы по якутскому обычному праву» (1925).

Своими энергичными действиями, направленными против богатеев в защиту бедных слоев местного населения, Э. К. Пекарский сравнительно быстро завоевал популярность и авторитет. К Э. К. Пекарскому очень часто обращались бедняки с просьбой помочь в оформлении различных прошений в административные и судебные органы. Особенно много жалоб касалось нарушения жизненно важного для каждого якута земельного права. Глубоко изучив существующие земельные отношения, Э. К. Пекарский последовательно отстаивал более справедливое уравнительное распределение земли между всеми членами общества. В 1899 году по его инициативе в наслеге был проведен передел среди бедняков неписочной земли, которой раньше незаконно пользовались богатеи.

Э. К. Пекарскому принадлежат большие и общепризнанные заслуги в деле сбора и издания произведений якутского устного народного творчества, прежде всего его монументального жанра — олонхо. Для «Словаря якутского языка» им были использованы полные, фрагментарные и сокращенные записи 31 олонхо².

Э. К. Пекарский сделал многое и как составитель и редактор академического издания серии «Образцы народной литературы якутов»: том I, вып. 1 (1907), вып. 2 (1908), вып. 3 (1909), вып. 4 (1910), вып. 5 (1911); том II, вып. 1 (1913), вып. 2 (1918); том III, вып. 1 (1916). Следует отметить, что подготовка к печати и редактирование малограмотных записей олонхо при отсутствии общепринятой тогда для якутских текстов транскрипции представляли огромные трудности, ибо каждый записывал по своему разумению. Благодаря выработанной на протяжении многих лет соответствующей методике текстологической работы Э. К. Пекарскому удалось добиться точности и научной достоверности в передаче оригинала текстов. Однако, всецело поглощенный прежде всего работой над «Словарем якутского языка», он не смог завершить задуманное им издание, аналогичное «Образцам народной литературы тюркских племен» В. В. Радлова.

Много сил отдавал Э. К. Пекарский редактированию научных работ своих товарищей по ссылке. Ему принадлежит редакция переведенных на русский язык «Образцов народной литературы якутов» С. В. Ястремского (1929), им подготовлены посмертные издания трудов В. Ф. Трошанского: «Эволюция „черной веры“ (шаманства) у якутов» (1903), «Якуты в их домашней обстановке» (1909), «Наброски о якутах Якутского округа» (1911), «Опыт систематической программы для сбора сведений о дохристианских верованиях якутов» (1911). Под его редакцией

² См.: Архив Ленинградского отделения Академии наук СССР (Архив ЛО АН СССР), ф. 202, оп. 1; оп. 2.

вышел «Опыт указателя историко-этнографической литературы о якутской народности» П. П. Хороших (1924).

Э. К. Пекарским были опубликованы многочисленные заметки, небольшие статьи, отзывы и рецензии, в которых он поднимал серьезные, порою проблемные вопросы. Так, например, в статье «Значение якутского языка в школах» («Сибирские вести», 1906, № 1) Э. К. Пекарский ставит вопрос о введении в якутских школах обучения на родном языке и преподавании русского языка в качестве учебного предмета. В своих статьях и заметках Э. К. Пекарский выступает как активный общественный деятель, ревниво следящий за всеми значительными событиями народной жизни в Якутской области и за ее пределами.

Вся плодотворная работа по собиранию, исследованию и редактированию этнографических, фольклорных и других материалов была подчинена главной цели его жизни — созданию «Словаря якутского языка» в 13 выпусках: вып. 1 (Якутск, 1899; СПб., 1907), вып. 2 (1909), вып. 3 (1912), вып. 4 (1916), вып. 5 (1917), вып. 6 (1923), вып. 7 (1925), вып. 8 (1926), вып. 9 (1927), вып. 10 (1927), вып. 11 (1928), вып. 12 (1929), вып. 13 (1930).

Э. К. Пекарский вошел в историю отечественной и мировой тюркологии прежде всего как создатель фундаментального «Словаря якутского языка».

Большую роль в успешном освоении якутского языка Э. К. Пекарским сыграла его встреча с местными якутоведами — Д. Д. Поповым, В. М. Ионовым, М. Н. Андросовой-Ионовой, которые передали в полное его распоряжение языковые, фольклорные и этнографические материалы, собиравшиеся ими на протяжении десятков лет, а сами стали впоследствии его самыми активными помощниками.

Как знаток и любитель якутского языка Д. Д. Попов горячо поддерживал идею Э. К. Пекарского о создании словаря и при первой же встрече с ним предложил свои услуги. «Увидев, что из моей затеи может выйти нечто серьезное, — пишет Э. К. Пекарский, — сам (т. е. Д. Д. Попов. — Е. О.) стал заносить редкие слова, большая часть которых была бы без него, пожалуй, не зарегистрирована»³. Д. Д. Попов в течение тринадцати лет оказывал Э. К. Пекарскому, по его словам, «совершенно бескорыстную помощь», не ставя никаких условий. О его конкретной помощи свидетельствуют пометы Д. П. (Дмитриан Попов), расставленные автором в «Словаре» (при толковании значений заглавных слов помета Д. П. проставлена 2479 раз). Кроме того, в иллюстративной части словарных статей приведено 707 ссылок на Д. Попова. Большинство ссылок на Д. Попова связано с указанием автора на редкость, уникальность того или иного слова или словоформы.

Преданная и бескорыстная помощь Д. Д. Попова оказала и огромную моральную поддержку автору в наиболее трудный начальный период работы Э. К. Пекарского над «Словарем».

Другим ближайшим помощником автора был революционер-народник В. М. Ионов. По его инициативе в основу транскрипции «Словаря» был положен алфавит О. Н. Бётлингга. Он же впервые открыл в якутском языке наличие так называемых «мультированных» звуков, предложил знаки для их обозначения на письме и следил за безошибочностью транскрибирования слов. В процессе работы часто возникали различные трудности. Исходя из своих рукописных материалов, Э. К. Пекарский хотел ввести в словарь звук *ш*, однако В. М. Ионов вполне справедливо

³ Архив ЛО АН СССР, ф. 202, оп. 1, ед. хр. 127, л. 7.

считал, что спорадически встречающийся в якутском языке звук, напоминающий русское *ш*, отнюдь с ним не совпадает и появляется обычно в результате дефектного произношения или эвенкийского влияния, а потому не может рассматриваться как общеупотребительный нормативный звук якутского языка⁴. Сохранилась переписка, свидетельствующая о том, что Э. К. Пекарский постоянно консультировался с В. М. Ионовым относительно правописания тех или иных слов. В. М. Ионов весьма скрупулезно разбирал каждый случай и с помощью своей супруги М. Н. Андросовой-Ионовой, как правило, предлагал их точное правописание⁵. Основная же его помощь заключалась в многолетней кропотливой работе по выяснению и уточнению значений слов и выражений. Не имея постоянного заработка, В. М. Ионов временами оказывался в исключительно тяжелых материальных условиях. Так, 2 января 1914 года он писал Э. К. Пекарскому: «Посылаю корректуру. Не поручусь, что все в порядке: от голода в глазах рябит и все сливается в серую сетку»⁶. Так преданно и самоотверженно работал над созданием «Словаря» один из видных дореволюционных исследователей якутской этнографии В. М. Ионов.

Бескорыстная и разносторонняя помощь Д. Д. Попова, В. М. Ионова по достоинству была оценена Э. К. Пекарским: на титульном листе каждого выпуска им было указано, что «Словарь» составлен «при ближайшем участии прот. Д. Д. Попова и В. М. Ионова».

В ознакомлении с якутским языком в теоретическом плане Э. К. Пекарскому помог автор «Грамматики якутского языка» С. В. Ястремский, предоставивший ему перевод работы академика О. Н. Бётлингга «О языке якутов».

В работе над «Словарем» Э. К. Пекарскому посильно помогали и многие носители якутского языка, знатоки и любители родного слова. В течение продолжительного времени в качестве штатных работников сотрудничали с Э. К. Пекарским: талантливая сказительница-олонхосут М. Н. Андросова-Ионова, студент юридического факультета Петербургского университета А. Н. Никифоров, первый якутский лингвист С. А. Новгородов, студент Литературного института живых восточных языков Г. В. Баишев. Представители местной интеллигенции и участники Якутской Сибиряковской экспедиции отдавали в распоряжение Э. К. Пекарского свои языковые и фольклорные записи, некоторые переводы и составленные ими словарики. Из рукописей лексикографического характера определенный интерес представляет «Якутско-русский словарь» П. Ф. Порядина, содержащий свыше 7 000 слов.

Созданный вдали от научных центров, «Словарь» Э. К. Пекарского благодаря обширности собранного в нем материала и скрупулезному лексикографическому исполнению обратил на себя внимание всех крупнейших специалистов по тюркским и монгольским языкам. В работе над «Словарем» в разное время оказывали возможную помощь автору такие выдающиеся востоковеды, как В. В. Радлов, К. Г. Залеман, В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, А. Н. Самойлович, С. Ф. Ольденбург, В. Л. Котвич, Н. Ф. Катанов, С. Е. Малов, К. К. Юдахин.

Переговоры об издании первого выпуска «Словаря» велись десять лет, и лишь в 1899 году он вышел в свет в Якутске. Этому в значительной мере способствовало благоприятное для автора стечение обстоятельств и прежде всего организация Якутской Сибиряковской экспедиции. Пе-

⁴ См.: Архив ЛО АН СССР, ф. 202, оп. 2, ед. хр. 31, л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же, ед. хр. 184, л. 62.

чатание последующих выпусков «Словаря» было на долгое время прекращено из-за отсутствия средств.

На помощь пришли Российская Академия Наук и Русский Комитет по изучению Средней и Восточной Азии, руководимый академиком В. В. Радловым. В связи с необходимостью издания словаря В. В. Радлову удалось добиться досрочного вызволения Э. К. Пекарского из Якутской ссылки.

Под руководством известного ориенталиста академика К. Г. Залемана в 1907 году первый выпуск «Словаря» был переиздан в соответствии с академическими требованиями, с измененным форматом и шрифтом. По предложению В. В. Радлова «Словарь» стал дополняться сопоставительно-сравнительным материалом. Русский Комитет при содействии В. В. Радлова назначил Э. К. Пекарскому ежегодное пособие в размере 500 рублей, чтобы он имел возможность работать над подготовкой словаря к печати. В декабре 1907 года на заседании конкурсной комиссии по премиям Императорской Академии Наук К. Г. Залеман выступил с весьма одобрительным отзывом о «Словаре». По его ходатайству первый академический выпуск «Словаря» был удостоен Почетной золотой медали Академии Наук.

«Словарь» Э. К. Пекарского содержит около 38 тысяч заглавных единиц⁷ и снабжен богатым иллюстративным материалом.

Заглавные слова сопровождаются подробной грамматической характеристикой, определяющей их принадлежность к той или иной части речи и способы образования. В производных словах указываются, как правило, основа и словообразующий аффикс. Автором выявлены как продуктивные, так и непродуктивные, омертвевшие словообразовательные аффиксы.

Э. К. Пекарский собирал слова живой разговорной речи и из письменных источников, не прибегая к словообразованию по существующим моделям. Имена существительные зафиксированы им в «Словаре» в форме основного падежа без специальной пометы (кроме имен действия и действующего лица).

Глаголы представлены их первичной основой (повелительная форма второго лица единственного числа) с соответствующей пометой. Звукоподражательные слова и производные от них глаголы снабжены автором в одних случаях специальными пометами, в других — типовыми толкованиями. Образные глаголы представлены не только основами, но и всеми видовыми и залоговыми образованиями.

Собственно прилагательные и наречия приведены без поясняющей пометы. Пометами снабжены производные наречия и прилагательные на *-laax*.

Местоимения фиксируются без каких-либо уточнений, за исключением вопросительных, к которым даны пометы. Широко охвачены междометия. Из сравнительно обширной группы служебных слов с грамматической характеристикой занесены некоторые частицы и послелоги. Союзы и модальные слова зафиксированы без дополнительных помет.

В «Словаре» отражена часть якутской лексики, имеющая структурные особенности, в том числе варианты слова, связанные как с общefonетическими, так и диалектными нормами языка.

⁷ В «Послесловии» к «Словарю якутского языка» Э. К. Пекарского (см.: вып. 13, Л., 1930) сказано, что словарь содержит до 25 тысяч слов. Эта цифра, по-видимому, указывает количество самостоятельных лексических единиц без учета многочисленных вариантов слов, отдельных компонентов различных словосочетаний и ономастики.

Впервые широко представлены в «Словаре» омонимы якутского языка. Автор выделяет следующие типы омонимов, снабжая их цифровыми указателями: лексические, морфологические, лексико-грамматические и омонимы, образовавшиеся в результате разрыва семантических связей многозначных слов. Среди сложных слов, приведенных в качестве заглавных, встречаются парные, терминологические словосочетания и аналитические формы глагольного видообразования.

Наряду с общеупотребительной лексикой в «Словарь» включены и малоупотребительные просторечные слова и словоформы, характерные для обиходной речи или какого-либо жанра устного народного творчества. Кроме того, зафиксировано значительное количество архаизмов, диалектизмов, антропонимов и топонимов. В этой части словника ясно проявилось стремление автора охватить в «Словаре» все слова без исключения: как однажды им услышанные, так и зарегистрированные в печатных и рукописных источниках. Многие заглавные слова приведены с пометами автора «самостоятельного значения не имеет», «самостоятельно не употребляется» и «значение слова не выяснено».

В «Словаре» к трем тысячам якутских лексических единиц приводится сравнительно-сопоставительный материал из тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языков урало-алтайской группы. По словам автора, этот сравнительный материал подобран при непосредственном участии и наблюдении крупнейших специалистов-востоковедов «для уяснения точного значения того или иного якутского слова».

Как известно, во многих случаях семантический объем слова одного языка не совпадает с таковым в другом языке. Это особенно ярко проявляется при сопоставлении таких типологически далеких друг от друга языков, как русский и якутский. Тем не менее Э. К. Пекарский сумел найти методы и приемы, позволившие ему так или иначе преодолеть трудности в раскрытии значений якутских слов.

Эквивалентным методом установлено сравнительно небольшое количество терминологической лексики, выражающей общие для обоих языков понятия. Для слов с недостаточно дифференцированной семантикой использовались синонимические определения.

В тех случаях, когда объем понятия, выраженного якутским и русским словами, различен, автор прибегает к приему краткого толкования, наводящего на правильный перевод реестрового слова.

Для якутских слов, обозначающих чуждые русскому языку понятия, Э. К. Пекарский использовал методы описательного толкования и энциклопедического объяснения. При энциклопедическом объяснении, кроме общего толкования значения слов, приводится подробное описание предмета или явления. Некоторые этнографические названия даны в транслитерации с последующим толкованием.

Грамматический (отсылочный) способ используется при толковании абсолютных синонимов и фонетических вариантов слов.

Ряд приемов применяется для характеристики компонентов различного рода словосочетаний и слов с контекстуально-обусловленным значением.

По своему характеру «Словарь» может быть определен как толково-переводный. Методы краткого, описательного и энциклопедического толкований оказались наиболее подходящими для полного раскрытия семантического объема многочисленных безэквивалентных и частично эквивалентных слов, обусловленных своеобразными естественно-геогра-

фическими условиями обитания и самобытным укладом жизни якутского народа.

Э. К. Пекарский не пользовался пометой «переносно», выделяя переносное значение слов лишь в тех случаях, когда их метафорическое употребление отчетливо обособилось, что легко улавливается в разговорной речи. В «Словаре» впервые проводится разграничение прямого свободно-номинативного, производного, переносного, фразеологически связанного, специализированного и диалектального значений слов. Отсутствие письменной традиции в якутском языке, а также неоднородность собранного языкового материала не могли не сказаться на разработке автором последовательной и стройной системы дифференциации и расположения значений слов.

Многие рецензенты отмечали «энциклопедический характер» «Словаря» Э. К. Пекарского, имея в виду не столько энциклопедическое толкование слов, сколько иллюстративный материал энциклопедического содержания. Обширные энциклопедические сведения, приведенные в иллюстративной части «Словаря», охватывают различные стороны хозяйственной, экономической, духовной и культурной жизни якутов конца XIX и начала XX столетия. Другой отличительной чертой иллюстративного материала является богатая его фразеологическая насыщенность, отразившая своеобразный колорит, сочность и выразительность разговорного языка и устного народного творчества якутов. Фразеологизмы даются в ряду свободных словосочетаний под теми заголовочными словами, с которыми соотносится их доминирующий компонент, без дополнительных выделений. В их определении автор в той или иной форме приводит русский эквивалент. Пословицы и поговорки переданы на русский язык посредством буквального перевода с пояснениями их употребления. Примененные автором методы определений идиом и других устойчивых словосочетаний следует считать его важной лексикографической удачей.

В целом в «Словаре» нашло точное и полное отражение в синхронном разрезе бесписьменное состояние якутского языка своего времени. Научное и историческое значение «Словаря» Э. К. Пекарского с течением времени будет, несомненно, все более возрастать.

По общему признанию крупнейших ученых, «Словарь» Э. К. Пекарского служит абсолютно надежным источником для любых филологических, этнографических и исторических изысканий. Он дает вполне достоверный материал лингвисту, историку, этнографу и фольклористу, притом в таком сконцентрированном и систематизированном виде, в каком он не представлен ни в одном другом источнике.

Приемы и методы, используемые Э. К. Пекарским при составлении «Словаря», полностью себя оправдали в последующей лексикографической практике и оказали положительное влияние на развитие двуязычной якутской и тюркской лексикографии.

Научные заслуги Э. К. Пекарского общепризнаны. Он был избран членом-корреспондентом (1927) и Почетным членом Академии наук СССР (1931), являлся членом свыше десяти научно-исследовательских и краеведческих обществ, в том числе: Русского географического общества (с 1909 года), Восточно-Сибирского РГО (с 1927 года), Якутского отдела РГО (с 1914 года), Московского общества любителей естествознания, археологии и этнографии (с 1911 года), Научно-исследовательского института сравнительной истории и языков Запада и Востока (с 1928 года), Польского востоковедного общества (с 1928 года) и др.

Э. К. Пекарский на протяжении всего периода издания «Словаря» не прекращал работу по сбору нового материала. Ценой огромных уси-

лий он собрал дополнительный лексикографический материал, состоящий из 15 тысяч словарных карточек⁸. Часть этого словника включает новые слова, собранные автором преимущественно из источников послереволюционного периода. Большую часть словника составляют словарные единицы, которые автор считал необходимым уточнить на основании дополнительно собранного им материала. Поэтому этот довольно внушительный по объему лексикографический материал следует рассматривать в качестве неотъемлемой части «Словаря».

Э. К. Пекарский умер 29 июня 1934 года в Ленинграде.

В ознаменование столетия со дня рождения ученого его «Словарь» был переиздан в полном объеме фотомеханическим способом.

Пятьдесят лет своей жизни посвятил Э. К. Пекарский созданию «Словаря якутского языка», который, по справедливой оценке профессора М. К. Азадовского, является «подлинно грандиозным сооружением, величественным памятником, своеобразной энциклопедией быта и культуры якутского народа, ... одним из капитальнейших произведений мировой лингвистики»⁹.

⁸ См.: Архив Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР, разр. 2, оп. 4, № 32 (1—15).

⁹ М. Азадовский. Э. К. Пекарский. — «Советская этнография», 1934, № 5, стр. 107.

В. Д. АРАКИН

Н. К. ДМИТРИЕВ И ТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

(К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Исследования в области лексикологии тюркских языков в те уже относительно далекие годы, когда жил и трудился Николай Константинович Дмитриев, занимали в тюркологии весьма и весьма скромное место. Главное внимание как отечественных, так и зарубежных тюркологов было тогда обращено на изучение и описание довольно сложного грамматического строя тюркских языков, во многом отличающегося от строя индоевропейских. С того времени многое в тюркологии изменилось, вышло в свет большое число ценных и перспективных исследований в различных ее областях и разделах, значительное развитие получила и тюркская лексикология, хотя она все еще не достигла уровня разработанности грамматики и отчасти фонетики, что совершенно определенно отмечают наши ведущие тюркологи¹.

Н. К. Дмитриев обогатил науку целым рядом исследований в области описания грамматического строя тюркских языков Поволжья, Приуралья, Крыма и Кавказа, а также турецкого языка. Достаточно упомянуть его небольшую, но по своей концепции новаторскую работу «Строй турецкого языка» (М., 1939), в которой он изложил свою оригинальную схему структуры турецкого языка, его «Граматику кумыкского языка» (М., 1940), написанную на основании личных наблюдений автора, и, наконец, его знаменитую «Граматику башкирского языка» (М., 1948), содержащую, помимо тщательного описания строя этого тогда еще мало изученного языка, также много имеющих важное научное значение общетюркологических суждений автора. Эти и целый ряд других значительных исследований создали Н. К. Дмитриеву славу крупного тюрколога-грамматиста.

¹ А. Н. Кононов. Развитие тюркского языкознания в СССР. — «Советская тюркология», 1977, № 6, стр. 27.

Однако круг научных интересов ученого был настолько широк, его знания в области тюркологии настолько глубоки и многогранны, что ему оказалось под силу также и изучение различных проблем тюркской лексикологии, делавшей в то время, можно сказать, только первые шаги.

Ранней фундаментальной работой молодого Н. К. Дмитриева, за которую ему была присуждена ученая степень, явилось именно лексикологическое исследование — «Элементы турецкого языка в сербском фольклоре», публиковавшееся на страницах научной периодики под более скромным названием «Этюды»².

В те годы лексикология как отдельная языковая дисциплина еще только начинала определять свою проблематику и круг тех вопросов, которые ей предстояло исследовать. Не были, естественно, разработаны еще и какие-либо теоретические основы, на которые она могла бы опираться.

Углубляясь все более и более в проблемы лексикологии тюркских языков, Н. К. Дмитриев обратил внимание на такую совершенно еще не разработанную тогда область лексики, как подражательные слова-мимемы, составляющие в тюркских языках достаточно плотный пласт. Толчком к их изучению в тюркских языках огузской группы послужила опубликованная в 1918 году работа известного знатока и исследователя чувашского языка Н. Н. Ашмарина (1870—1933) о подражательных словах в чувашском языке³.

Просматривая немногочисленные, но достаточно полные словари турецкого языка, Н. К. Дмитриев обнаружил, что в турецком языке, так же как и в чувашском, существует значительный пласт подражательной лексики — мимем. Анализ турецких мимем позволил ему выделить несколько групп, аналогичных отмеченным и Н. Н. Ашмариным: 1) звуко-подражательные слова (наиболее обширная группа по количеству входящих в нее слов); 2) слова-подражания световым и двигательным явлениям; 3) слова-подражания процессам, протекающим в живом организме; 4) слова-подражания действиям детей или детской речи⁴.

Анализируя морфологическое развитие глагольных мимем, Н. К. Дмитриев установил ступени этого развития: первая ступень — употребление глагольных мимем со вспомогательным глаголом *etmek*, широко используемым в турецком языке преимущественно с арабскими масдарами для образования глаголов, а также употребление их с глаголом *söylemek* и другими глаголами речи и движения.

Второй ступенью образования мимологических глаголов оказался способ образования их с помощью аффиксов *-la/-le* и *-da/-de*, наращиваемых к мимеме как к основе глагола.

Расширяя круг исследуемых языков, Н. К. Дмитриев изучил мимологию в гагаузском, крымско-татарском, азербайджанском и туркменском языках, охватив таким образом языки всей южнотюркской группы⁵.

² Н. К. Дмитриев. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию, I—V. — «Доклады АН СССР», серия В, 1928, № 2, стр. 17—22; № 12, стр. 268—275; 1929, № 5, стр. 89—95; № 6, стр. 103—108.

³ Н. Н. Ашмарин. Основы чувашской мимологии (о подражательных словах в чувашском языке). Казань, 1918.

⁴ Н. К. Dmitrijev. Beiträge zur osmanischen Mimologie. — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. XXXIV, H. 1—2, Wien, 1927, стр. 105—122. Перепечатано под названием: «К изучению турецкой мимологии» в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 59—84.

⁵ Н. К. Dmitrijev. Skizze der südtürkischen Mimologie. — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. XXXIV, H. 1—2, Wien, 1928, стр. 18—47. Перепечатано под названием: «Очерк южнотюркской мимологии» в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 85—108.

Обнаруженные Н. К. Дмитриевым закономерности образования мимем в названных языках дали ему ключ к установлению этимологии одиноко стоящего в турецком языке, несколько загадочного по своему происхождению, существительного *lakırdı* 'речь, разговор, слово', которое, по его мнению, восходит к арабскому *lak-lak*, представляющему собой подражание хлопанию клюва аиста⁶.

К этому же разделу лексикологии относится интересное исследование Н. К. Дмитриева «О парных словосочетаниях в башкирском языке»⁷.

Критически оценивая немногие существовавшие тогда работы, преимущественно освещающие факты турецкого языка, Н. К. Дмитриев установил наличие в башкирском языке двух основных типов парных словосочетаний, имеющих аналогии в турецком и татарском языках. Для первого типа характерна модель $a+b$, то есть это такое парное словосочетание, в котором компоненты представляют собой слова реального значения, употребляющиеся самостоятельно. Взятые в сочетании, они образуют новое значение; ср.: *алтын-көмөш* 'драгоценности' (*алтын* 'золото'; *көмөш* 'серебро'). Для второго подтипа характерна модель $a+a$, где второй компонент не существует как самостоятельная лексическая единица языка, представляя по своему звуковому составу осколок первого компонента *a*; ср.: *һалкын-һөлкөн* 'холодный-прехолодный'. По своей семантике сочетания первого типа состоят из слов-синонимов, как, например, *мал-тууар* 'имущество'; слов-контрастов, как, например, *алыш-береш* 'торговля' (букв. 'купля-продажа'); слов с различными по своему объему значениями, например, *тау-таш* 'горы' (букв. 'горы-камни').

Семантика сочетаний второго типа со структурой $a+a$ представляет собой некоторое расширенное значение основного слова: неопределенное множество, элемент презрения и т. д.

Кроме этих двух типов парных сочетаний, Н. К. Дмитриев выделил еще два: третий и четвертый. Третий тип со структурой $a+b=ab$, в котором оба компонента, взятые в отдельности, по своей семантике категорически не исключают друг друга, а в сочетании — приобретают обобщающее значение: *катын* 'женщины' + *кыз* 'девушки'; значение сочетания — *катын-кыз* 'женщины вообще'.

Четвертый тип со структурой $x=y+a$, характеризующийся тем, что оба компонента в отдельности «не имеют никакого значения», то есть практически не являются лексическими единицами данного языка, ср. *шөрт-мөрт* 'рвань'.

Наряду с изучением словообразования Н. К. Дмитриев занимался и другим важным разделом тюркской лексикологии — проблемой заимствований, причем его работы в этой области можно подразделить на две группы: 1) исследования иноязычных пластов в тюркских языках; 2) исследования тюркских лексических пластов в славянских языках. *Turco-Slavica* — одно из основных направлений научной деятельности ученого, что подчеркивалось им самим.

Как известно, изучение иноязычных пластов в тюркских языках, главным образом в турецком, началось со второй половины XIX века. Вспомним хотя бы этимологический словарь основоположника грамма-

⁶ Н. К. Дмитриев. Этимология слова *lakırdı*. — «Доклады АН СССР», серия В, 1926, стр. 117—120. Перепечатано в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 55—58.

⁷ Н. К. Дмитриев. О парных словосочетаниях в башкирском языке. — «Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук», серия VII, 1930, стр. 501—502. Перепечатано под тем же заглавием в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков.

тики славянских языков Фр. Миклошича (1813—1891)⁸ и работу Г. Майера о заимствованных элементах в турецком языке⁹.

Исследования иноязычных пластов в других тюркских языках ведутся лишь с 20-х годов нашего столетия, и одним из зачинателей этого большого раздела лексикологии является Н. К. Дмитриев. Ему принадлежит одно из первых исследований русского лексического пласта в башкирском языке¹⁰. Характерно, что ученым изучались варваризмы в живой речи башкир различных социальных слоев. Это лишний раз характеризует автора не как кабинетного ученого, а как специалиста, черпающего интересный лингвистический материал из живой языковой среды. Очень поучительны наблюдения Н. К. Дмитриева, связанные с моделью русско-башкирских глагольных образований, сложившейся в башкирском языке. Как оказалось, эти образования возникли по той же модели, что и в турецком языке, то есть **N+etmek** 'делать'. Только в турецком языке **N** — большей частью арабские масдары + глагол **etmek**, а в башкирском — это русские существительные + тот же глагол **etü** 'делать'. Данная модель действует и в том случае, когда в указанном процессе участвуют арабские лексические элементы, усвоенные башкирским языком¹¹.

Аналогию этой словообразовательной модели можно обнаружить и в других тюркских языках с той только разницей, что вместо глаголов тур. **etmek**, башк. **etü** и т. д. используется глагол **кылмак** 'делать', как, например, в узбекском языке.

Тот факт, что упомянутая модель **N+делать** представлена в подавляющем большинстве тюркских языков, дает основание признать ее одной из универсалий тюркских языков, которая может рассматриваться как одна из типологических черт их словообразовательной системы.

В процессе исследования русского и арабского пластов в башкирском языке Н. К. Дмитриев открыл так называемый «закон дифференциации варваризмов», согласно которому варваризмы подразделяются на: 1) активные варваризмы, ставшие органической частью словарного состава языка, характеризующиеся соответствием языковым нормам, закономерностью и малоподвижностью, и 2) пассивные варваризмы, для которых характерны субъективный подбор, индивидуальный вкус и начитанность автора, значительная текучесть.

Отдельно следует сказать об исследовании Н. К. Дмитриевым словарного состава гагаузского языка, которому некоторые зарубежные тюркологи отказывают в праве называться самостоятельным языком, считая его диалектом турецкого¹², а самих гагаузов — отуреченными болгарами. Все это заставило Н. К. Дмитриева по-новому подойти к исследованию словарного состава гагаузского языка, тогда еще малоизученного.

⁸ Fr. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

⁹ G. Mayer. Türkische Studien. 1. Die griechischen und romanischen Bestandteile im Wortschatz des Osmanisch Türkischen. Sitzungsberichte d. Wiener Akademie d. Wissenschaften, Bd. 128, N 1, Wien, 1893.

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Варваризмы в башкирской речи. — «Записки Коллегии Востоковедов», т. IV. Л., 1929, стр. 73—105; перепечатано в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 433—464.

¹¹ См.: Н. К. Дмитриев. Арабские элементы в башкирском языке. — «Записки Коллегии Востоковедов», т. V, 1930, стр. 119—135; перепечатано в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 187—201.

¹² T. Kowalski. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du nord-est. — «Prace Komisji Orientalistycznej», 1933, № 5.

Вместо того, чтобы начать с исследования основного ядра словарного состава, как это обычно делается при изучении лексики, Н. К. Дмитриев приступил прежде всего к исследованию бытующих в современном гагаузском языке многовековых иноязычных напластований. Подобно искусному художнику-реставратору, снимающему один за другим слои позднейших напластований с древних фресок, ученый выделял в гагаузском языке иноязычные пласты — греческий, романский, славянский — пока ему не удалось полностью высвободить его исконный словарный состав. Анализ этого материала дал ему достаточные основания «считать гагаузский язык особым языком тюркской группы»¹³. Так, с помощью новой методики исследования была решена ученым важная тюркологическая проблема.

Изучение тюркских элементов в славянских языках занимает значительное место в научном наследии Н. К. Дмитриева. Как уже упоминалось выше, первое фундаментальное исследование Н. К. Дмитриева было посвящено изучению туркизмов в сербском языке, на материале сербских сказок¹⁴. Материал этот был выбран не случайно: как раз в произведениях народного творчества и рассчитывал ученый найти надежные данные о туркизмах, поскольку, как он совершенно справедливо полагал, именно в произведениях фольклора фиксируются слова, вошедшие в плоть и кровь живого языка.

Работа над выявлением тюркских лексических элементов в южнославянском языке, каким является сербский, не могла не привести Н. К. Дмитриева к мысли о необходимости исследовать туркизмы в своем родном языке — русском, который имел длительные активные контакты с различными тюркскими языками, особенно с болгарским, половецким и сложившимися на их основе чувашским, с одной стороны, и языками кыпчакской группы — татарским, башкирским и т. д. — с другой.

Первым опытом в этом плане было определение тюркского происхождения русских наименований соколов и охотничьих доспехов, которые Н. К. Дмитриев обнаружил в уставе по организации царской соколиной охоты под заглавием «Урядник сокольничьего пути», относящемся к XVII веку¹⁵. Уже в этой ранней работе тогда еще молодого ученого проявились его глубокие знания фактического материала, умение использовать данные многочисленных тюркских языков, бытовавших тогда на огромной территории от Саянских гор до Волги.

Данная работа Н. К. Дмитриева способствовала оживлению интереса к проблеме туркизмов в русском языке, возникшего еще в первой половине XIX века и вызвавшего в начале XX века знаменитую острую полемику «Мелиоранский — Корш». Проблема *Turco—Rossica* была непосредственно связана с общими научными интересами ученого, и к ней он неоднократно возвращался.

Исторические условия, в которых развивались контакты русского языка с языками тюркскими, и, в частности, наличие различных, но достаточно сходных друг с другом в фонетическом и грамматическом отношении тюркских языков, контактировавших на обширных степных пространствах Южной России, послужили причиной возникновения мно-

¹³ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1968, стр. 272.

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию, I—V. — «Доклады АН СССР», серия В; 1928, № 2, стр. 17—23; № 12, стр. 268—275; 1929, № 5, стр. 89—95; № 6, стр. 103—108.

¹⁵ Н. К. Дмитриев. Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича. — «Доклады АН СССР», серия В, 1926, январь—февраль, стр. 13—16.

гих трудностей. Молодому тюркологу предстояло доказать со всей очевидностью необходимость разработки ряда теоретических вопросов, без чего невозможно было дать убедительный ответ на вопрос об источниках тюркизмов и путях их проникновения в русский язык.

С этими трудностями Н. К. Дмитриев столкнулся еще тогда, когда работал над статьей о тюркских элементах в русском арго¹⁶. Как определить тюркский язык, послуживший источником заимствования, если многие тюркские языки, а иногда и все реагируют на определенный языковой факт совершенно одинаково (например, используют протетическое *i* в словах, начинающихся с двух согласных: ср. тур. *iskele* < ит. *scala* 'пристань', тат. *istäkän* < русск. 'стакан'¹⁷).

Задача осложняется тем еще, что остаются неисследованными многие письменные памятники, относящиеся к различным векам. При сложившихся обстоятельствах единственным выходом, по мнению ученого, является учет сравнительно-фонетических данных тюркских языков.

Более полно теория заимствования тюркизмов была развита Н. К. Дмитриевым в процессе изучения им тюркских элементов в русской лексике в связи с подготовкой к изданию «Словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

Умудренный большим опытом исследования тюркизмов, Н. К. Дмитриев считал этимологизацию основным методом научной обработки словарных тюркизмов, понимая под ним прослеживание того исторического пути, который проделало то или иное исследуемое слово до проникновения в другой язык. Он рекомендует ряд приемов, с помощью которых следует проводить анализ тюркизмов: 1) рассмотрение тюркизмов, извлеченных из текста памятников, не только в фонетическом, но и в семантическом, морфологическом, а по возможности, и в синтаксическом плане. Это положение он иллюстрирует такими заимствованиями, как *балык*, *башибузук*; 2) учет семантики заимствованных слов путем введения их в историко-культурный контакт, что позволяет прослеживать пути их проникновения в данный язык. Он приводит тюркизмы *балык*, *изюм*, *айва*, *тюбетейка* и т. д. и на их примере показывает методику анализа путей их проникновения в русский язык; 3) локализация тюркизмов, то есть установление, к какой части тюркоязычной территории относится данный тюркизм. В качестве иллюстрации упоминаются такие тюркизмы, как *алый*, *башка*, *казак*, *карга*, *ни бель-меса* и т. д.¹⁸

В зависимости от степени достоверности предлагаемой этимологии, которую Н. К. Дмитриев считает основным критерием, им выделяются три группы этимологических разысканий: а) сопоставление вполне допустимое, требующее, однако, исторической документации. К этой группе он относит такие слова, как *айран*, *арба*, *арбуз*, *барыш*, *башлык*, *башмак*, *бугай*, *буланный* и много других; б) сопоставление, требующее дополнительных материалов по существу, например: *ураган*, *бирюк*, *битюг*, *войлок*, *кавардак* и т. д.; в) сопоставление, имеющее предположительный характер, например: *лебеда*, *мизгирь*, *юла* и т. д.¹⁹

¹⁶ Н. К. Дмитриев. Турецкие элементы в русском арго. — «Язык и литература», т. VI, 1931, стр. 159—179.

¹⁷ Там же, стр. 159.

¹⁸ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, М., 1960, стр. 503 и сл.

¹⁹ Там же, стр. 515—516.

Большая теоретическая и практическая работа Н. К. Дмитриева по определению и исследованию тюркизмов в русском языке имеет в настоящее время своих продолжателей. Советскими тюркологами проведены три специальные конференции, посвященные исследованию тюркизмов в восточно- и западнославянских языках. Они были организованы Научным советом по проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» и Институтом языкознания Академии наук СССР. Организацию и проведение этих конференций возглавил профессор Н. А. Баскаков, сотрудник Сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР. Материалы конференций были опубликованы в специальном сборнике «Тюркизмы в восточнославянских языках»²⁰, а также частично в журнале «Советская тюркология» (№ 3, 1973; № 2 и № 4, 1974; № 3 и № 4, 1975 и др.).

Проблема тюркских элементов в русском и других славянских языках древнего периода получила новое освещение в интересных исследованиях И. Г. Добродомова, широко использующего данные болгарского, чувашского и некоторых других тюркских языков, а также отдельные словарные материалы венгерского языка²¹.

Известным обобщением большой работы по изучению тюркизмов в русском языке явился «Словарь тюркизмов в русском языке», составленный Е. Н. Шиповой²² при участии сотрудников Института языкознания Академии наук Казахской ССР. Создание такого словаря в свое время было мечтой Николая Константиновича.

Много внимания уделял Н. К. Дмитриев и такому важному и слабо разработанному разделу лексикологии, как семантика и сочетаемость слов (в первую очередь глаголов). В изучении этой проблемы проявилась большая проницательность ученого, обнаружившего глубокое понимание самой сути вопроса. Для своего исследования Н. К. Дмитриев избрал четыре группы наиболее употребительных и значительных по своей семантике и сочетаемости глаголов. Этот выбор свидетельствовал о верном понимании ученым основных свойств словарного состава языка, представлявшегося ему, так же как и грамматический строй, единой системой, каждое звено которой функционирует в строгом взаимодействии со всеми своими компонентами. Н. К. Дмитриев в своем исследовании рассматривает не отдельно взятые глаголы, а все глаголы, входящие в соответствующую лексическую группу.

К сожалению, он при этом не располагал материалами, извлеченными из большого числа текстов, как это делается в настоящее время. Разработанный ныне контекстологический метод исследований, заключающийся в сплошной выборке примеров с изучаемыми словами и учетом их сочетаемости, оказался весьма точным как для установления смысловой структуры слова, так и определения его сочетаемости справа и слева.

Н. К. Дмитриев не пользовался этим методом, но его прекрасное знание лексики тюркских языков обеспечило ему достаточно квалифицированное решение поставленной им задачи.

²⁰ «Тюркизмы в восточнославянских языках». Ответственный редактор Н. А. Баскаков. М., 1974.

²¹ И. Г. Добродомов. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1966; *его же*. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках. Автореф. докт. дисс. М., 1974.

²² Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

Ученым последовательно исследовались отдельные лексические группы глаголов: сначала глаголов движения²³, далее глаголов действия²⁴, затем глаголов речи²⁵ и, наконец, глаголов мышления²⁶.

Хотя опубликованные Н. К. Дмитриевым статьи и носят конспективный характер, поскольку каждая из названных лексических групп может представить собой тему специальной монографии, тем не менее эти статьи заслуживают особого внимания, так как содержат весьма полезные данные и о методе изучения лексических групп, и о сочетаемости входящих в них глаголов не только в масштабе одного тюркского языка, но и в масштабе целой группы языков. Это дает все основания утверждать, что Н. К. Дмитриев заложил основы сопоставительной лексикологии тюркских языков.

Жизненность семантических исследований Н. К. Дмитриева и актуальность изучения им сочетаемости лексики подтверждается тем, что в Секторе тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР еще при жизни Н. К. Дмитриева был запланирован сборник работ сотрудников сектора «Историческое развитие лексики тюркских языков», посвященный подробному изучению семантики тех групп глаголов, которые кратко описал Н. К. Дмитриев. В своих интересных статьях, богато иллюстрированных фактическим материалом тюркских языков, авторы этого сборника выступили продолжателями традиций, созданных их учителем и руководителем, и дали науке глубокие по содержанию и широкие по охвату материала исследования, приближающиеся по многим научным показателям к отдельным монографиям²⁷.

К сожалению, Н. К. Дмитриеву — вдохновителю и руководителю этих исследований — не довелось увидеть этот сборник, вышедший в свет уже после смерти ученого.

Н. К. Дмитриев благодаря своей неиссякаемой энергии, огромной лингвистической эрудиции и широкому культурно-историческому кругозору внес большой вклад в исследование средств и способов словопроизводства во многих тюркских языках. Он разработал и использовал в своих трудах теорию определения заимствований на материале тюркских языков и тюркизмов в славянских языках, методику исследования семантики лексических групп слов в ряде тюркских языков.

По всеобщему признанию, Н. К. Дмитриев заложил прочные основы сравнительной и сопоставительной лексикологии тюркских языков, которая ныне привлекает к себе внимание многих молодых тюркологов.

²³ Н. К. Дмитриев. Глаголы движения (*verbamovendi*). — В кн.: «Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе». М., 1952, стр. 161—169.

²⁴ Н. К. Дмитриев. Глаголы действия (*verba operandi*). — Там же, стр. 181—188.

²⁵ Н. К. Дмитриев. Глаголы речи (*verba dicendi*) в языках татарской группы. — Там же, стр. 203—209.

²⁶ Н. К. Дмитриев. Глаголы мышления (*verba sentiendi*). — Там же, стр. 230—234. Все последние четыре статьи перепечатаны в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 590—598; 582—589; 570—576; 577—581 соответственно.

²⁷ Э. Р. Тенишев. Глаголы движения в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 232—294; А. А. Юлдашев. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*). — Там же, стр. 294—321; Н. З. Гаджиева, А. А. Коклянова. Глаголы речи в тюркских языках. — Там же, стр. 323—461.

Б. В. ЛУНИН

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФАЛЕВ

(К ДЕВЯНОСТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

На тридцать четвертом году оборвалась жизнь талантливого, многообещающего востоковеда-тюрколога Павла Александровича Фалева (1888—1922).

Выходец из крестьянской семьи, он окончил в Петербурге в 1907 году реальное училище и сдал в Особом испытательном комитете при Петербургском учебном округе экзамен по латинскому языку, что дало ему право поступления на восточный факультет Петербургского университета. П. А. Фалев специализировался в области арабско-персидско-турецко-татарской словесности. Его ближайшими учителями в те годы были В. Д. Смирнов и А. Н. Самойлович. По окончании в 1912 году восточного факультета он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, в нем видели «по османской словесности ближайшего преемника В. Д. Смирнова»¹ (В. В. Бартольд).

В 1913 году П. А. Фалев направляется в заграничную поездку для работы в библиотеках Готы, Дрездена и Лейпцига. Выдержав магистерский экзамен по турецко-татарской словесности, он в 1914 году совершил научную поездку к татарам Крыма и ногайцам Ставрополя.

В 1916 году П. А. Фалев был командирован в составе специальной экспедиции на Кавказский фронт с целью «регистрации и охраны памятников восточной древности». Воспользовавшись пребыванием в Закавказье, он изучил азербайджанский язык². Ему принадлежала работа «Османские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук с Кавказского фронта» (1918).

Уже в студенческие годы явственно обнаружилась тяга П. А. Фалева к изучению фольклора тюркских народов. Его студенческое сочинение (с заданием: «Сравнить известные версии сказания об Едигее и Тохтамыше со стороны языка, поэтической формы и содержания и дать сводный текст сказания на русском языке») по представлению А. Н. Самой-

ловича было удостоено золотой медали³. В отзыве на эту работу А. Н. Самойлович указывал, что «честь пионера в сводке воедино различных версий сказания о Едигее и Тохтамыше...» принадлежит П. А. Фалеву, «даровитому питомцу факультета восточных языков»⁴.

Принимая живейшее участие в радловском кружке алтаистов, П. А. Фалев все сильнее увлекался изучением фольклора тюркских народов России.

В 1915 году в Симферополе были опубликованы под редакцией А. Н. Самойловича и П. А. Фалева (с обширным предисловием последнего и библиографией вопроса) «Пословицы, поговорки и приметы... крымских татар, собранные А. А. Боданинским, Э. Л. Мартино и О. Мурасовым».

Большое место в научных изысканиях П. А. Фалева принадлежало изучению ногайского фольклора. Его публикации «Арабская новелла в ногайском эпосе» (1915), «Копланды-батыр» (1917), «Ногайская сказка об Ак-Кёбёке» (1918) и другие составили лишь часть записанных им на Кавказе материалов устно-поэтического творчества ногайцев.

С сентября 1918 года П. А. Фалев — доцент кафедры османской словесности, с 1919 года — профессор Петроградского университета. В 1918—1920 годах он преподает турецкий, киргизский и другие восточные языки в высших учебных заведениях Петрограда.

В 1921 году П. А. Фалев возглавил направленную в Туркестан студенческую экспедицию Петроградского института живых восточных языков. В Ташкенте его ожидали благоприятные условия для работы на любимом поприще изучения языков и фольклора тюркских народов. Он принимает приглашение вести курсы введения в тюркскую филологию и киргизского языка в открывшемся в 1918 году Туркестанском восточном институте.

Прочитанные им осенью 1921 года лекции по истории тюркских литератур и наречий (часть курса «Введение в тюркскую филологию»)⁵ тогда же были изданы (ныне это библиографическая редкость) и стали первым «пособием по введению в тюркологию». Этот курс базировался в основном на материалах произведений народной словесности (особенно эпических) и научных данных об историческом прошлом тюркского населения нашей страны, а также сведениях географического характера («распространение тюрков»).

За относительно короткое время пребывания в Ташкенте П. А. Фалев напечатал также и ряд статей, посвященных тюркской истории и филологии: «Как строится кара-киргизская былина», «О кара-киргизском эпосе», «К истории кочевого жилища», «Татарский революционный роман [о творчестве Галимджана Ибрагимова]» (1922). Остались в рукописях его работы «Ногайский эпос как исторический источник», «Классовая борьба у кочевников Средней Азии и ее отражение в эпосе», «Очерк истории киргизов» и др. По сведениям В. А. Гордлевского, «остались (ненапечатанными) и переводы из современных турецких писателей (из Абдул Хакка Хамид-бея и др.), но они недоделаны»⁶.

Известно также, что П. А. Фалевым был осуществлен частичный перевод эпоса «Манас», рекомендованный к изданию В. В. Бартольдом, оставшийся ненапечатанным, и ныне утерянный.

Деятельность П. А. Фалева в Ташкенте протекала настолько успешно и плодотворно, что Совнарком Туркменской АССР обратился к нему в феврале 1922 года с предложением остаться на постоянную работу, что соответствовало желаниям и планам самого ученого, перед которым открывались широкие перспективы изучения филологических проблем Советского Востока.

С целью оформления переезда в Ташкент П. А. Фалев отправился в Петроград, чтобы возвратиться оттуда вместе с семьей. В пути он заболел сыпным тифом и 3 июля 1922 года скончался в Петрограде⁷.

В своевременно неопубликованном некрологе, написанном В. А. Гордлевским под впечатлением неожиданной кончины П. А. Фалева, автор с большой горечью подчеркивал, что П. А. Фалев лишь «недавно вступил на научное поприще, „книга живота” (его) не дописана... и расценивать его приходится больше по тем контурам, по которым намечалась у него работа»⁸.

Осталось ненапечатанным большое исследование П. А. Фалева об эпосе «Едигей», по словам А. Н. Самойловича, «ценное (студенческое) сочинение, разработанное впоследствии в обширный труд»⁹.

В наши дни подробное описание рукописи П. А. Фалева «Ногайское сказание об Едигее» осуществлено Л. В. Дмитриевой, отметившей, что это «очень интересная и ценная работа»¹⁰. Однако с появлением в печати исследований В. М. Жирмунского и А. Н. Самойловича содержание ее устарело.

Как ни коротка была жизнь Павла Александровича Фалева, то, что он успел сделать на поприще отечественной тюркологии, заслуживает глубокого уважения и доброй признательной памяти.

В разное время плодотворную деятельность П. А. Фалева высоко оценивали такие видные востоковеды, как В. В. Бартольд¹¹, И. Ю. Крачковский, А. Э. Шмидт, А. Н. Кононов и другие. «Выдающимся молодым тюркологом» назвал его В. М. Жирмунский¹².

¹ Центральный государственный архив Узбекской ССР, ф. 1009, оп. 1, папка 1, пакет № 20 (из письма Бартольда Остроумову).

² Это позволило ему осуществить (изданный посмертно) перевод на русский язык одного из произведений Мирзы Фатали Ахундова. («Обманутые звезды». Рассказ Фет-Али Ахундова. Перевел с турецкого и снабдил вступительной заметкой П. Фалев. — «Восток». Книга вторая, М.—Пгр., 1923, стр. 58—76). После авторского перевода повести, опубликованной в 1864 году в газете «Кавказ» (№ 25, 27, 30, 31), и перевода Фридулбека Кочарли (без указания на авторство М. Ф. Ахундова) в «Кавказском вестнике» (1901, № 5), это был первый перевод «Обманутых звезд», выполненный ученым-востоковедом и появившийся на страницах такого авторитетного издания, как сборник «Восток». Перевод П. А. Фалева был опубликован также в журнале «На рубеже Востока» (1928, № 3—4, стр. 90—108). Ср.: А. И. Лерман. Мирза Фатали Ахундов в русской печати 1837—1962 гг. Библиография. Баку, 1962, стр. 35—36.

³ В университете он занимался также древнеуйгурскими текстами, их толкованием и переводом.

⁴ Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского университета за 1911 год. — СПб., 1912, стр. 280.

⁵ П. А. Фалев. Введение в изучение тюркских литератур в наречий. Ташкент, 1922.

⁶ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, стр. 416.

⁷ «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922. Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук». Пгр., 1923, стр. 88—89.

⁸ Некролог увидел свет лишь в 1968 году. (В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, стр. 415).

⁹ А. Н. Самойлович. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым. — «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, стр. 187.

¹⁰ Л. В. Дмитриева. Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР. — Там же, стр. 213—217.

¹¹ «Смерть Фалева, — писал Бартольд, — большой удар для нас... на него возлагались особенные надежды» (ЦГА Узбекской ССР, ф. 1009, оп. 1, папка 1, пакет № 20).

¹² В. М. Жирмунский. П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей». — «Тюркологический сборник. 1972», стр. 146.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

С. А. СОКОЛОВ

О СООТНОШЕНИИ «АСИНДЕТОНА» И «БЕССОЮЗИЯ»

(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Общелингвистическое понятие «асиндетон» (или его соответствия: «асиндетизм», «асиндетический») может трактоваться по меньшей мере в двух смыслах. Во многих лингвистических работах, а также в словарях лингвистических терминов слово «асиндетон» (англ. *asyndeton*, фр. *asyndète*, нем. *Asyndeton*, *Asyndese*, исп. *asindeton*) употребляется как синоним термина «бессоюзие» или терминологического сочетания «бессоюзная связь»¹.

Существует, правда, и другая трактовка понятия, обозначаемого греческим словом «асиндетон». В «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо «асиндетон» трактуется как «отсутствие внешней связанности между двумя элементами и группами, находящимися в тесной внутренней связи друг с другом»².

В тюркологической литературе (на русском и западноевропейских языках) термин, выражающий указанное понятие, употребляется обычно в двух значениях: в качестве синонима термина «бессоюзие»³, а также в более широком смысле, означая отсутствие внешних формальных показателей синтаксической связи.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным более четко определить значение асиндетона как общего понятия и термина, а также уточнить наиболее рациональное и корректное приложение его к синтаксису тюркских языков, в частности турецкого языка.

В тюркологической литературе на русском и западноевропейских языках термин «асиндетон» (как и соответствующие его эквиваленты в других языках) употребляется в обоих указанных выше значениях. Иногда в одном труде можно встретить параллельное употребление этого термина в обоих смыслах. Г. Л. Люис в своей «Грамматике турецкого языка» в главе «Асиндетическое подчинение» (*Asyndetic subordination*) пишет: «Just as coordination can be expressed asyndetically, i. e. with no conjunction (cf. XIII, I) so subordination may be expressed with no visible subordinating link»⁴ [«Подобно тому, как сочинение может быть выражено асиндетически, т. е. без союзов, подчинение тоже может быть выражено без внешнего показателя подчинения» (разрядка наша. — С. С.)].

¹ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 56—57.

² Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, стр. 40.

³ Следует сделать здесь оговорку, что и бессоюзие может быть истолковано также в двух смыслах: 1) отсутствие союза там, где его употребление исключено и 2) отсутствие союза там, где он мог бы быть, то есть, по существу, опущен.

⁴ G. L. Lewis. Turkish grammar. Oxford, 1967, стр. 274.

Иногда же значение термина «асиндетический», наоборот, суживается. Так, И. П. Распопов выделяет «бессоюзную асиндетическую связь», указывая в примечании, что употребляет термин «асиндетический» в «узком смысле для обозначения одной из разновидностей бессоюзия, характерной именно для сложноподчиненных предложений»⁵.

А. А. Реформатский — редактор русского перевода «Словаря лингвистических терминов» Ж. Марузо, в примечании к приведенному выше широкому определению асиндетона отмечает, что «термин асиндетон» в русской грамматической традиции употребляется в значении «бессоюзной связи», например: «Сказано — сделано» и т. п.⁶

В трудах по лингвистике довольно распространено определение асиндетона как стилистической фигуры, заключающейся в опущении союзов (для оживления и усиления речи)⁷.

В турецком языке в целом ряде случаев бессоюзие не соответствует асиндетону. С другой стороны, наличие в конструкции союза исключает, естественно, возможность асиндетического построения. Характерным случаем несовпадения асиндетона и бессоюзия являются сложноподчиненные предложения с придаточным условным. В предложении: *Eğer hava güzel olursa gezmeye çıkarız* (Т. С., стр. 257)⁸ 'Если будет хорошая погода, мы выйдем погулять' союз не обязателен и может быть опущен. Общеизвестным является тот факт, что придаточное условное может образовываться посредством одной условной формы в сказуемом в сочетании с порядком слов и интонацией. Предложение *Gelirse söylerim* (Т. С., стр. 744) 'Если он придет, я скажу' является бессоюзным, но оно не может считаться асиндетическим, так как в первом компоненте — придаточном условном — имеется эксплицитный показатель подчинения в форме условности — специализированная условная форма с аффиксом *-sa, -se*⁹.

Аналогичное несовпадение асиндетона и бессоюзия можно наблюдать в сочетаниях деепричастий, особенно деепричастия *-ıp* с финитной глагольной формой. Если глагольное сочетание *aldı götürdü* 'унесло' является асиндетическим, то сочетание, в котором в качестве первого компонента используется деепричастие *-alıp götürdü* и которое передает тот же или почти тот же смысл, уже не может считаться асиндетическим, поскольку первый компонент имеет открытый признак подчинения его второму компоненту. Аналогично этому асиндетическим следует признавать сочетание *oldum bittim* 'с самого начала', *olan biten* 'происходящее, происшедшее', например: *olan biten, bu kadar* (Т. С., 6. baskı, стр. 613) 'Вот все, что произошло', но сочетания: *olup biten(ler)* 'происшедшие (события)', *bir olup bitti* 'факт' не могут интерпретироваться как асиндетические¹⁰.

⁵ И. П. Распопов. Коммуникативно-синтаксический аспект структуры сложноподчиненных предложений. — «Вопросы лексикологии и синтаксиса». — «Ученые записки Башкирского государственного университета, т. XVIII. Серия филологических наук», № 8 (12). Уфа, 1964, стр. 139.

⁶ Ж. Марузо. Указ. словарь, стр. 40.

⁷ См., например: И. В. Арнольд. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Л., 1973, стр. 228.

⁸ Т. С. — «Türkçe sözlük». Türk dil kurumu yayınları — Sayı: 403. Ankara, 1974.

⁹ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 1060.

¹⁰ О характере отношений между деепричастием *-ıp* и последующей глагольной формой см.: С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Часть 2. Грамматические категории глагола. Л., 1977, стр. 74—75; ср.: Lars Johanson. Sprachbau und Inhaltssyntax am Beispiel des Türkischen. Orientalia Suecana, vol. XXII (1973). Uppsala, 1974, стр. 103—104.

Существующие различия можно выразить следующим образом:

	Бессоюзие	Асиндетон
aldı ve götürdü	—	—
alıp götürdü	+	--
aldı götürdü	+	+

Считается, что необходимым условием наличия асиндетона является примыкание — непосредственное соположение соединяемых компонентов. Однако это условие не является единственным, так как специфика соединяемых компонентов может быть различной: в одном случае предшествующий компонент по своему морфолого-синтаксическому статусу предполагает его детерминативное отношение к последующему компоненту (сочетания прилагательных и причастий с существительными), в другом случае предшествующий компонент сам по себе не является маркированным как детерминант или как подчиняемое по отношению к последующему компоненту. Один из компонентов, если он представляет собой целое словосочетание, может содержать показатель связи с другим компонентом, обозначенный не на стыке компонентов, а в одной из предшествующих словоформ.

При асиндетоне сочетаемые компоненты непосредственно сопологаются, однако наличие этого соположения не является еще достаточным условием для существования асиндетона. Для асиндетона характерно отсутствие морфолого-синтаксических показателей синтаксической связи не только на стыке компонентов, но и вообще во всей конструкции в целом. Так, в предложении: *Izmire gittim sandı* 'Он подумал, что я уехал в Измир' имеет место асиндетическая конструкция. В предложении: *Onu (или kendisini) Izmire gitti sandım* 'Я подумал, что он уехал в Измир' формально выраженная посредством прямого дополнения — объекта мысли — синтаксическая связь и способ ее выражения не являются собственно асиндетическими. Точно так же в словосочетаниях *kolı yok bir adam* 'человек без руки', *çıkığı yok bir kuyu* 'колодезь без ворота' (оборот, встречающийся в фольклоре) при наличии простого соположения компонентов не удается констатировать наличие асиндетона, так как аффикс принадлежности, относящийся по смыслу к определяемому конструкцией, является эксплицитным морфолого-синтаксическим показателем связи.

Асиндетон является не столько стилистическим приемом или стилистической фигурой, сколько принципиальным способом грамматического построения, релевантно отличным от других способов морфолого-синтаксического конструирования. Являясь синтаксическим способом соединения компонентов словосочетаний и предложений, он получает соответствующее отражение на различных уровнях языковой системы.

Распространенными в турецком языке асиндетическими построениями являются сочетания именных компонентов — так называемые «парные словосочетания» или «парные сочетания»¹¹:

- а) **имен существительных:**
eş dost 'друзья, приятели',
hısım akraba '(вся) родня',

¹¹ Р. А. Аганин. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959, стр. 7—8.

ev bark 'семейный очаг',
 karı kosa 'супруги, муж и жена',
 soy sop 'родственники',
 üst baş 'платье, костюм',
 mal mülk 'имущество (движимость и недвижимость)',
 bet beniz 'цвет лица'.

Большинство таких бинарных асиндетических сочетаний являются устойчивыми и отражают большую или меньшую степень метафоризации. Однако при аудитивном дополнении иногда возможны и свободные комбинации, являющиеся продуктом творчества данного автора или импровизации говорящего. Аналогичные сочетания образуются и с использованием отглагольных имен:

alış veriş 'торговля',
 sıkış tepiş 'толчая, сутолока',
 değiş tokuş 'обмен'.

Асиндетические бинарные парные сочетания могут употребляться в качестве смысловой части составных глаголов со вспомогательным глаголом *ol-* и с некоторыми другими глаголами:

göz kulak olmak 'застыть в напряженном внимании',
 hal hatır sormak 'осведомиться о самочувствии',
 dere tepe (düz) gitmek 'идти по долинам и холмам' (ср. русск.: «идти по лесам и долам»),
 kıt kanaat geçinmek 'жить впроголодь, едва сводить концы с концами'.

При употреблении, в зависимости от управляющего глагола, оба компонента сочетания параллельно присоединяют одинаковые аффиксы: Bu seste, köylüyü yoksul düşürenler, onun topraksızlığını sürdürüp gidenler, onu anadan ocaktan ayrılmak zorunda bırakanlar yeriliyor yerin dibine batırılıyordu (F. Baykurt. Efkâr tepesi) 'В этом голосе (в этой песне) поносились и проклинались те, которые делали крестьянина нищим, обрекали его на безземелье, заставляли его разлучиться с матерью и родным домом'; Çağırıp eve eşi dostu, «Bizim tarafların yemeği» deriz, sunarız (F. Baykurt. Efkâr tepesi) 'Пригласив к себе друзей, мы скажем: «Вот кушанье нашего края!» и угостим'; ...malından mülkünden olan bu adam (T. S., стр. 613) 'человек, лишенный имущества';

б) имен прилагательных или причастий:

derli toplu 'собранный воедино, компактный',
 artsız arasız 'непрерывный',
 olan biten 'происшедший';

в) компонентов, принадлежащих к различным разрядам слов и имеющих адвербиальное значение:

aşağı yukarı 'примерно, приблизительно',
 yaz kış 'круглый год',
 gece gündüz 'днем и ночью',
 az çok 'более или менее'.

Возможны также асиндетические сочетания с повторяющимися компонентами, принадлежащими к различным разрядам слов:

çok çok 'более всего',
 haydi haydi '1) вполне, 2) самое большее; не больше, чем...',
 olsa olsa 'самое большее' и др.

Среди типов гендиадиса К. Фой выделяет бессоюзный гендиадис (ana baba), союзный гендиадис (apa ve baba, apa ile baba и др.)¹², а так-

¹² Karl Foy. Studien zur osmanischen Syntax. I. Das Hendiadyoin und die Wortfolge ana baba. — «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen». Berlin, 1899, стр. 105.

же гендиадис с деепричастием на *-ip* (*bağır çağırmak* и т. п.), который также рассматривается исследователем как «*asyndetisch*»¹³, то есть, по-видимому, как «бессоюзный». Однако при двузначном использовании термина «асиндетон» всякий раз может возникнуть сомнение по поводу того, в каком смысле употреблен этот термин в данном случае.

Отношение безаффиксного изафета к асиндетону, в широком толковании этого термина, представляет собой особую проблему, заслуживающую отдельного рассмотрения¹⁴.

Асиндетон находит определенное отражение и в сфере словообразования¹⁵. В этом случае асиндетическое сочетание слов и словоформ как именных, так и глагольных образует сложные слова, выражающие определенное понятие. Приведем соответственно примеры именных и глагольных образований:

а) *anneanne* (= *annenin annesi*. — Т. С., стр. 47) 'бабка, бабушка', *çevriyazı* (Т. С., стр. 180) 'транскрипция', *aydemir* (Т. С., стр. 73) 'топорик с лезвием в форме полукруга', *beyefendi* (Т. С., стр. 112) 'уважаемый господин (вежливое обращение, добавляемое к мужским именам или непосредственно при обращении к мужчинам)';

б) *gelgit* (Т. С., стр. 314) '1) безрезультатный приход, напрасное хождение; 2) прилив-отлив (морской)', *gelgel* (Т. С., стр. 314) 'привлекательность, притягательная сила', *gelgeç* (Т. С., стр. 314) '1) несерьезный (о человеке), например, *gelgeç bir insan* 'несерьезный человек'; 2) 'непостоянный; нетерпеливый'.

Очевидно, в приведенных в пункте «б» образованиях имеет место не сложение основ, а сложение глагольных словоформ. Для сравнения можно привести такие парные сочетания глагольных словоформ, превратившихся в сложные слова, как *kaptıkaçtı* 'джип'; ср.: *dedikodu* 'сплетни'.

Асиндетическими по своему характеру следует признать и сочетания финитных глагольных словоформ, состоящие в большинстве случаев также из двух компонентов. Среди них имеются двухкомпонентные комбинации таких финитных глагольных форм, которые являются фразеологизированными или клишированными: *Aldı götürdü* 'унесло (о наводнении)' (Д. А. Магазаник. Турецко-русский словарь. М., 1945, стр. 29); *Aldı yürüdü* (Т. С., стр. 37) 'быстро распространился'. Возможны также более свободные комбинации с такими глаголами, как *kal-*, *git-* и другими в качестве второго компонента: *Biz de kapandık kaldık* (F. Baykurt. *Efkâr tepesi*) 'Мы тоже оказались запертыми'; *Bu sözlerden sonra hastanın gözlerini karaııp başını öteye çevirdiğini gören doktor sesini çıkarmadan odadan çıktı gitti* (Sabahattin Ali. *Böbrek*) 'Доктор, заметивший, что после этих слов больной закрыл глаза и отвернулся в сторону, не сказав ни слова, вышел из комнаты (и удался)'; *Hikâyelerinden birini bıraktı, çıktı* (N. Hikmet. *Mücahit ve muharrir Sabahattin Ali*) 'Он оставил (на столе) один из своих рассказов и вышел'. Употребительны также такие сочетания, ставшие фразеологизмами, как *ister istemez* (Т. С., стр. 419) 'неприменно' (ср.: *volens nolens*); *olur olmaz* (Т. С., стр. 613) 'первый по-

¹³ Karl Foy. Указ. раб., стр. 106; см. также: С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 75.

¹⁴ С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, стр. 43—51; П. И. Кузнецов. К вопросу об имени прилагательном в турецком языке. — «Советская тюркология», 1976, № 6, стр. 3—14.

¹⁵ Ср.: Р. А. Аганин. Указ. раб., стр. 127—128.

павшийся; по любому незначительному поводу'; oldum bittim (Т. С., стр. 613) 'с самого начала'.

Асиндетон может являться также средством глагольного формообразования, что особенно характерно для деепричастий *-a*, *-e*: *уапа уапа* 'горя', *düçe kalka* 'падая и вставая'. Некоторые из этих парных сочетаний фразеологизировались: *güle güle* 'до свидания'; *kala kala* 'не более, чем'.

Исключительно широко используется асиндетон при конструировании сложных предложений. В асиндетических сложных предложениях отношения между компонентами — подчинительные и сочинительные — устанавливаются, главным образом, по семантическим признакам. В предложении: *Yel üfürdü, sel götürdü* (Т. С., стр. 860) 'Ветром сдуло, потоком унесло' легко можно констатировать наличие сочинительных отношений между компонентами. В предложении: *Yorgan gitti, kavga bitti* (Т. С., стр. 873) 'Одеяло исчезло, ссора кончилась (то есть повод для ссоры исчез, и ссора кончилась)', очевидно, можно говорить о наличии имплицитных причинно-следственных отношений, то есть подчинительной связи. Асиндетические (и, разумеется, бессоюзные) сложные предложения обладают гибкой и открытой структурой. Они могут содержать в своем составе два и более компонентов. При наличии двух компонентов последовательность вводящего и результирующего компонентов является свободной, возможна интерпозиция одного из компонентов с разрывом структуры второго: *Biliyorsunuz Türkiye birinci dünya savaşından sonra emperyalizme karşı millî kurtuluş hareketine girişen, bunu zaierle sona erdiren ilk memleketidir* [N. Hikmet. *Asya, Afrika yazarları* (Taşkent, 1960) toplantısında yaptığı konuşma — *Bütün eserleri*, 8. cilt. Sofya, 1972, стр. 429—438] 'Вы знаете, Турция — первая страна, которая после первой мировой войны вступила на путь национально-освободительной борьбы против империализма и завершила ее победой'; *Koca vagon, bir köşesinde bir evin ufak tefeği, hemen hemen bomboş, yayanır gider* (F. Baykurt. *Efkâr tepesi*) 'Огромный вагон, в одном углу которого сложены домашние вещи, почти совсем пустой, двигается, плавно покачиваясь'; *Asya, Afrika kültürünün batı kültürüyle münasebetini, ana çizgisyle üç devreye ayırabiliriz sanıyorum* (N. Hikmet. *Asya, Afrika yazarları toplantısında yaptığı konuşma*) 'Я полагаю, соотношение культуры стран Азии и Африки с культурой западных стран мы можем в основных чертах разделить на три периода'.

Предложения с прямой речью также могут строиться асиндетически: *Fakat, umut fakirin aşî. demişlei* (F. Baykurt. *Efkâr tepesi*) 'Но, как говорят, надежда питает бедняка'; *Rızman usta: «Bu saatte bir şey olmaz ki!» diyor* (F. Baykurt. *Efkâr tepesi*) 'Рызман-уста говорит: «В такое время ничего не получится!»'.

В ряде случаев асиндетизм сцепления компонентов подкрепляется интонационными средствами («союзная пауза» и т. п.) или средствами синтаксической композиции (параллелизм строения компонентов, наличие общего члена компонентов сложного предложения, «сокращение» аффикса во всех компонентах, кроме заключающего, и т. п.).

Посредством асиндетона образуются многокомпонентные (многочленные) сложные предложения. Они представляют собой иногда длинные цепочки соединяемых асиндетически компонентов: *Sanatın sosyal işlere karışmamasını Türk edebiyatının kendi deyimlerince, politika ile uğraşmamasını isteyenler, bir daha tekrar edeyim bunlar azınlıktır, ötekilerini sosrealizmi bile savunmağa kadar giden komünistler diye suçlandırıyor...* (N. Hikmet. *Asya, Afrika yazarları Taşkent toplantısında yaptığı konuşma*) 'Те, кто не желает, чтобы искусство вторгалось в общественную жизнь, чтобы турецкая литература, по их выражению, занималась политикой,

еще раз повторяю, они составляют меньшинство, обвиняют других в том, что они коммунисты, позволяющие себе защищать социалистический реализм...

В других случаях при построении многокомпонентных сложных предложений асиндетон комбинируется с союзными средствами связи, анафорическими и антиципирующими элементами и т. п. Так, в предложении: *Ben bir kere ana çizgisiyle onları tekrarlıyayım, sonra bir iki yeni şey söyleyeyim belki söyleyeceklerim yeni değildir, onları da söylemişlerdir de gözümden kaçmıştır, olabilir* (N. Hikmet. *Asya, Afrika yazarları toplantısında yaptığı konuşma*) 'Я еще раз повторяю их (эти положения) в основных чертах, затем выскажу несколько новых мыслей, может быть, то, что я скажу, не является новым, возможно, об этом говорили, а я пропустил' — асиндетическое построение дополняется лишь в одном случае употреблением союза-частицы *de*.

Можно заметить, что во всех приведенных выше конкретных проявлениях асиндетона сохраняются основные конституирующие признаки (отсутствие морфолого-синтаксических показателей связи при соположении компонентов), которые отличают асиндетическое построение от аффиксального, послеложного и союзного способов сцепления компонентов словосочетаний и предложений. Известно, что в конструкции словосочетаний и предложений в турецком языке можно установить следующие наиболее типичные способы «включения» или «сцепления» компонентов: а) аффиксальный, б) посредством служебных слов — послелогов, в) союзный, г) асиндетический. Асиндетический способ конструирования словосочетаний и предложений является весьма распространенным и создает значительное многообразие их типов.

Говоря об общей интерпретации понятия «асиндетон», можно привести следующие дополнительные аргументы в пользу однозначного использования соответствующего термина в том смысле, который был рассмотрен выше:

а) однозначность терминов и более строгая системность и упорядоченность в их ряду (асиндетон — бессоюзие) имеют несомненные преимущества;

б) этимон самого слова «асиндетон» дает достаточные основания для его употребления в широком смысле, о котором говорилось выше.

Возвращаясь к постановке вопроса о содержании и объеме понятия «асиндетон», можно заключить, что в понятийном аппарате синтаксических исследований турецких языков, а также, очевидно, и синтаксических исследований вообще предпочтительной является однозначная трактовка понятия «асиндетон» в широком смысле, приведенном выше.

Итак, асиндетон — это синтаксический способ соединения компонентов словосочетаний и предложений, характеризующийся отсутствием эксплицитных морфолого-синтаксических показателей связи сопологаемых компонентов.

Г. К. КУЛИЕВ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГЛАГОЛОВ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ

Глаголы слухового восприятия составляют одну из подгрупп глаголов чувственного восприятия¹. Количество их в тюркских языках, в том числе и в юго-западной группе, невелико. Сюда относятся: азерб. *eşit-*, *dinlā-* (*dinlā-*), *dinšā-* (*dinšā-*); туркм. *eşit-*, *dinle-*; тур. *işit-*, *dinle-*; гаг. *işit-*. В данной статье мы рассматриваем более древние глаголы слухового восприятия.

Как мы видим, глагол *eşit-* употребляется во всех тюркских языках юго-западной группы с небольшими фонетическими отклонениями, легко объясняющимися фонетическими законами каждого из этих языков. Начальный гласный звук данного глагола в азербайджанском и туркменском языках [e], а в турецком и гагаузском языках [i]. Звукосоответствие /e/ ~ /i/ встречается как в каждом из языков юго-западной группы, так и между этими языками².

Глагол *eşit-* зафиксирован в нижеследующих древнетюркских письменных памятниках:

а) в памятнике в честь Кюль-Тегина: (1) *Сабымын тўкәтi әсiд-гiр*³ 'Речь мою полностью выслушайте (вы)...'. Глагол *eşit-* несколько раз встречается и в других строчках того же памятника и имеет ту же самую форму, что и в приведенном примере, то есть *әсiд-*, как, например, во второй и десятой строчках малой надписи, а также в двенадцатой строчке большой надписи;

б) в памятнике в честь Тоньюкука (15) *Qaγanum, bān özüm bilgä Toñuquq ötüntük ötünčümin ä s i d ü bārti*⁴ 'Мой каган соизволил выслушать от меня самого, мудрого Тоньюкука, изложенную просьбу'. Такое написание глагола *eşit-*, то есть форма *әсiд-* встречается и в других местах этого памятника (в семнадцатой, двадцать второй, тридцатой и т. д. строках);

в) памятнике на скале Кемчик-кая Бажы: (4) *Kiñi arasy isid Kara cāñir älci*⁵ 'Слушайте, все люди, посла (из) Кара сэнгирь'.

¹ См.: Г. К. Кулиев. Семантические группы глаголов (на материале юго-западной группы тюркских языков). — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 7—16.

² Э. В. Севортян. Материалы по сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков. — «Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. I. Фонетика». М., 1955, стр. 45; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 31.

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 27.

⁴ Там же, стр. 62.

⁵ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 44.

В отличие от памятников в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука глагол *ešit-* имеет здесь форму *isid-*, то есть в анлауте вместо [e] предыдущих примеров — [i];

г) в памятнике с Кара-юса: (6) *Анчаб ācitiñ baī Anam āl jara-ju āl анчаб ākūš алпау...*⁶ 'Только что услышав мой Бай Апа (богатый Апа), организую племенной союз, народ так много алпау...'. В этом примере глагол *ešit-* имеет форму *ācit-*, то есть форму с [t] в ауслaute. Повидимому, в деепричастной форме *ācitiñ* звук [d] под влиянием глухого [p] принял глухую форму [t].

Еще один пример из последнего памятника: (4) *ācid mākinčā барап (барын?) іч ара* 'до этого слуха я пошел (и) внутри самого центра (народа)...'.

В уйгурском переводе сутры «Золотой блеск» (перевод сделан с китайского языка в X веке жителем города Биш-Балыка Сынгку Сели Тудунгом)⁷ глагол *ešit-* транскрибирован С. Е. Маловым в форме *āšid-//āšit-*. Форму с конечным [t] С. Е. Малов приводит в скобках: (8) *Bi savuū āšidip* (чит. *āšitip*), *m(ā)p ötrü olarqa unča tip titim...* 'Услышав эти слова, я затем им так сказал...'⁸. Как видно, сам С. Е. Малов сомневался в правильности прочтения глагола *ešit-* в этом памятнике, поэтому привел в скобках и форму с конечным [t], то есть *ešit+ip*.

Говоря о глаголе *ešit-*, А. А. Юлдашев пишет: «Вариант с вместо *ш* (*есит-*), представленный в казахском и каракалпакском языках, объясняется чередованием в указанных языках др.-тюрк. *ш* с *с* и едва ли непосредственно восходит к встречающемуся в памятниках Тоньюкука и Кюль-Тегина варианту *ācit-* с вместо *ш*. Во всяком случае, здесь мы имеем дело со вторичным *с*»⁹.

Глагол *ešit-* в казахском (*есит-*)¹⁰, каракалпакском (*есит-*)¹¹, якутском (*иһит-*, но: *мин кини куолаһын истэбин* 'я слышу его голос')¹², хакасском (*ис-*)¹³ языках имеет в основе не [š], а [s]. В связи с тем, что этот глагол в древнетюркских письменных памятниках имеет в основе [s], сохранившийся и в ряде современных тюркских языков, можно заключить, что звук [s] данного глагола первичен, а [š] вторичен.

Глагол *ešit-* можно разложить на *eš-* (основа) и *-it* — ныне аффикс понудительности (исторически он, по-видимому, не обладал этой функцией и был нейтрален). Ср. *ajt-//ajit* 'говорить, сказать'. Следует отметить, что основа *iš-//es-* данного глагола сохранилась в хакасском языке¹⁴, койбалском и сагайском диалектах (*es-*)¹⁵.

Итак, эволюцию глагола *ešit-* можно представить следующим образом: *es-* → *esid-* → *esit-//ešit-//isit-//išit-*.

Касаясь этимологии глагола *ešit-*, Э. В. Севортян отмечал, что Г. Вамбери искусственно объединял в однородный ряд следующие формы: др.-уйг. *us* 'мастерство', чаг. *us, is, es* 'разум, сознание', *islemek, eslemek* 'выслушивать', *išitmek* от *is itmek* 'слушать'¹⁶. Очевидно, Г. Вам-

⁶ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 69.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 140.

⁸ Там же, стр. 155.

⁹ А. А. Юлдашев. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 298.

¹⁰ «Русско-казахский словарь». М., 1954, стр. 752.

¹¹ «Русско-каракалпакский словарь». М., 1967, стр. 943.

¹² «Русско-якутский словарь». М., 1968, стр. 586.

¹³ «Хакасско-русский словарь». М., 1953, стр. 63.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, ч. I. СПб., 1893, стр. 872.

¹⁶ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 319.

Бери представлял себе развитие данного глагола следующим образом: *us//is//es* → *islemek//eslemek* → *išit* от *is itmek*. По Г. Вамбери, корнем данного глагола является чаг. *us, is, es* 'разум, сознание'. Э. В. Севортян отмечает, что данный глагол в якутском языке имеет и значение «разуметь», «понимать»¹⁷, что в свою очередь, как видно, близко по значению чагатайскому *us, is, es* 'разум, сознание'.

Э. В. Севортян связывает этимологию глагола *ešit-* с позднеавестийским *uš* 'ухо', а также с хеттским корнем *iš-* в словах *ištamaṇa (ištamiṇa)* 'ухо', *ištamaš* 'слышать', 'узнать'¹⁸. По нашему мнению, этимология, предложенная Э. В. Севортяном, не исключает этимологии Г. Вамбери. Следует отметить, что окончательная и полная этимологизация глагола *ešit-* станет возможной после составления исторических словарей по отдельным тюркским языкам.

Значения глагола *ešit-* в тюркских языках юго-западной группы в основном совпадают: азерб. *ešit-* 'слышать', 'услышать', 'слыхать'¹⁹; тур. *išit-* 1) 'слышать'; 2) 'слушать', 'выслушивать'²⁰; гаг. *išit-* 'услышать', 'слышать', 'послышаться'²¹; туркм. *ešit-* 'слышать', 'слушать'²².

В азербайджанском языке глагол *ešit-* приобрел и значение «слушаться» (*О, мəним сəzumу ешидир* 'Он слушается меня'). Значение «слушаться» глагола *ešit-* отмечено и в «Турецко-русском словаре»²³.

В туркменском языке глагол *ešit-* имеет еще значение «заслушивать (доклад, сообщение и т. п.)»²⁴, передаваемое в азербайджанском языке глаголом *dinlä-*: *Mə'ruzəni dinlədik* 'Мы слушали доклад'. Сравнивая данные древнетюркских письменных памятников с данными современных тюркских языков юго-западной группы, можно сделать вывод, что глагол *ešit-* меньше других поддался метафоризации и не претерпел семантических изменений.

Глагол *ešit-* как в письменных памятниках, так и в современных тюркских языках — переходный²⁵, управляет прямым объектом: (42) *Ol sabuñ äsidir*²⁶ 'Услышав эти слова...' (Памятник в честь Тоньюкука, 42-я строка); (625i) *Бу савың илик бəgli катунлы äcitiñ...* (сутра «Золотой блеск») 'Эти слова правитель-князь и жена его услышали...'²⁷; *Eštir ata ananğning sawlarını kadırma* (МК I, 508) 'Слушая слова матери и отца, не отвергай их увещаний...'; *Säni körsü, bilsü, äšit s ü sözüñ, Tiläğin nä ärsä, tilin aı özüñ!* («Кутадгу билиг», наманганская рукопись) 'Пусть он увидит тебя, узнает и услышит твои слова. Все, что ты желаешь, выскажи ты сам своим языком!'²⁸. В письменном памятнике «Китаби-Дəдə Горгуд»: *Боју узун Бурла буну ешитди* (Баки, 1962, стр. 35) 'Высокорослая Бурла слышала это'.

Приведем несколько примеров из письменных памятников тюркских языков юго-западной группы: *Пəнчшəнба куну јарə дедим, пəндим ешит-*

¹⁷ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков, стр. 318.

¹⁸ Там же, стр. 319.

¹⁹ «Азербайджанско-русский словарь». Баку, 1965, стр. 147.

²⁰ «Турецко-русский словарь». М., 1977, стр. 479.

²¹ «Гагаузско-русско-молдавский словарь». М., 1973, стр. 206.

²² «Туркменско-русский словарь». М., 1968, стр. 796.

²³ «Турецко-русский словарь». М., 1945, стр. 145.

²⁴ «Туркменско-русский словарь», стр. 797.

²⁵ Термин «переходный — непереходный» употребляется нами применительно к глаголам чувственного восприятия лишь условно, для того, чтобы передать, управляет или не управляет данный глагол винительным падежом. Действие глаголов чувственного восприятия фактически не переходит на объект. Этот вопрос будет рассмотрен отдельно.

²⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 63.

²⁷ Там же, стр. 178.

²⁸ Там же, стр. 251.

қил (Насими, XIV век) 'В пятницу сказал (я) любимой, слушай поучение (мое)'; *Бизарам малу-мүлкден, гер эшитсем сөзүни* (Махтумкули, XVIII век) 'Опротивеет мне имущество (мое), если я слышу слово (ее)'; ...*Довсепит Балахуснуң адыны эшитгеч...* (Шабенде, XVIII век) '...Довсепит, услышав имя Балахусна...'

Имеются случаи слабой связи глагола *eşit-* с прямым объектом, то есть для раскрытия семантики этого глагола не требуется прямого объекта: *Kulak eşitse köngül bilir* (МК I, 212) 'Если услышит ухо, сердце узнает'; ср. азерб.: *О ешитмир* 'Он не слышит'.

В повелительном залоге глагол *eşit-* в «Диване» Махмуда Кашгари имеет форму *eştür-*: *Ol manğa edhgü söz eştürdi* (МК I, 221) 'Он сообщил мне хорошую весть (букв. слова)'. Здесь можно было ожидать форму *eştittür-*. По-видимому, Махмуд Кашгари учитывал значение аффикса *-(i)t* во вторичном корне глагола *eşit-* и поэтому, во избежание повтора двух аффиксов с одним и тем же грамматическим значением повелительности, отбросил от вторичного корня глагола аффикс *-(i)t*. В тексте манихейского содержания глагол *eşit-* в повелительном залоге имеет форму *eştittür-*²⁹. Такую же форму глагол *eşit-* имеет в современных турецких языках: азерб. *eşitdir*, тур. *işittir-* и т. д.

Глагол *eşit-* в страдательном залоге в «Диване» Махмуда Кашгари отмечен в форме *eştıl-*: *Bu söz eştildi* (МК I, 246) 'Это слово было услышано'. В орхоно-енисейских памятниках из долины реки Таласс он приведен в страдательном залоге *eşitıl-*: *Jel ijin eşitılür küzki jıyaş jañıusı* 'При порывах ветра слышится шум осенних деревьев' (ТТ I, 133)³⁰.

В той же форме страдательного залога используется этот глагол и в современных турецких языках юго-западной группы.

Глагол *dinlā-* также принадлежит к числу глаголов слухового восприятия. Кроме гагаузского, он встречается во всех турецких языках юго-западной группы. Глагол *dinlā-* в западной группе диалектов азербайджанского языка и в туркменском языке содержит заднеязычный носовой согласный [ŋ], в турецком литературном языке — [n]. Можно предположить, что глагол *dinlā-* в ряде восточных диалектов турецкого языка произносится с заднеязычным носовым согласным, ибо Э. В. Севортян тоже отмечает, что реликты заднеязычного носового согласного звука [ŋ] представлены в восточном диалекте турецкого языка³¹. Конечный гласный этого глагола в азербайджанском языке — более открытый вариант фонемы [e] (в написании *e*).

Глагол *dinlā-* имеется в памятнике рунического письма в честь Кюль-Тегина: (2) *Токуз огуз баглапи будуны бу сабымын адегүти асид катынды тыңла* (*тиңла!*) '(Вы) начальники и народ «девяти огузов», эту мою речь хорошенько слушайте и (ей) внимайте»³². Конечный гласный глагола *dinlā-* читается в данном памятнике двояко, в форме *tuŋla-// tuŋlā-*, то есть и как [a], и как [ä]. Данный глагол в такой же форме (*тыңла*) отмечен также и В. В. Радловым³³. Глагол *тыңла-* в казахском языке имеет форму *тыңда-*³⁴.

²⁹ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 185.

³⁰ Там же.

³¹ Э. В. Севортян. Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков, стр. 33.

³² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 27.

³³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 3, ч. 2. СПб., 1905, стр. 1309.

³⁴ «Русско-казахский словарь», стр. 752.

Глагол *tyŋla-* встречается в известной поэме «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского в значении «слушать, прислушиваться»: *Elig tīŋlaŋ ersä anī sözläjin* 'Если выслушает меня правитель, я скажу' (QBN 217₁₂); *Biliglig böğülär sözün tīŋlaŋu* 'Нужно прислушиваться к словам сведущих мудрецов' (QBN 262₁₄)³⁵.

Глагол *tyŋla-* расчленяется на *tyŋ-* — корень и *-la* — аффикс.

Корень *tyŋ-//tin-//din-* встречается в тюркских языках со значениями: «спокойствие», «тишина», «безмолвие», «спокойный», «тихий», «безмолвный». Во многих тюркских языках наряду с этим именем встречается и генетически общий с ним глагол *tyŋ-//tin-//din-*: узб. *тин-*: 1) 'отстаиваться' (о жидкости); 2) 'прекращаться, переставать', 'стихать'; 'умолкать': *ёмғир тинди* 'дождь прекратился'; *шамол тинди* 'ветер утих'; 3) 'отдыхать', 'быть в покое': *Эшак минганнинг оёғи тинмас, икки, хотинликнинг қулоғи тинмас* (погов.) 'У того, кто едет на осле, ноги не знают покоя, а у имеющего двух жен — уши не знают покоя'; 4) 'успокаиваться': *қўнғли тинди* 'его сердце успокоилось', 'он успокоился'³⁶; тат. *тын-*: 1) 'затихать, стихать, притихать, утихать, замолкать, умолкать', 'затихание, стихание, утихание, умолкание'; 2) 'успокаиваться, успокоение'; 3) 'делать (сделать) паузу (при чтении)'; 4) 'прекращаться, переставать'³⁷; кирг. *тын-*: 1) 'дышать'; 'отдыхать, делать остановку'; 'успокаиваться': *Күйөөгө жетпей, кыз тынбайт* (погов.) 'Девушка не успокоится, пока не выйдет замуж'³⁸.

В турецком, гагаузском языках и в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка употребляется глагол *din-* со значением «прекращаться, переставать, проходить» (о дожде) и т. п.: тур. *din-*: 1) 'прекращаться, переставать, проходить' (о дожде) и т. п.: *fırtına din me ge başladı* 'буря стала утихать'; *gözyaşları dindi* 'слезы перестали литься'; 2) 'успокаиваться, униматься, ослабляться, проходить' (о боли) и т. п.; 3) уст. 'отдыхать'³⁹; гаг. *din-*: 1) 'уставать, утомляться; обессилеть': *гезмектән динмәй* 'утомиться от ходьбы'; 2) 'переставать, прекращаться': *йаамур динди* 'дождь прекратился'⁴⁰; азерб. *күләк динди* 'ветер утих'. К этому глаголу восходит имя *din* со значениями «покой, отдых». В тюркских языках употребляется имя *tyŋ-//tin-* (омонимичное глаголу *tyŋ-//tin-//din-*, о чем говорилось выше) со значениями «дыхание, дух, вздох»: кирг. *тын* 'дыхание, вздох'⁴¹; узб. *тин* 'дыхание', *тин олмак*: 1) 'дышать; вздыхать'; 2) 'переводить дух, передохнуть, отдыхать'⁴²; тат. *тын* 'дыхание', *тын алу*: а) 'дышать; вздыхать'; б) 'дыхание, вздох'; в) 'дыхательный'; *тын алу органнары* 'дыхательные органы'⁴³. Это имя встречается и в «Дивану лугат-ит-турк» Махмуда Кашгари: *Anıñ tını kesildi* (МК I, 339) 'Он запыхался'; *Ajun tını yıldı Tütü çeçek çerkeşür* (МК II, 283) 'Дыхание земли согрелось. Разные цветы взошли'.

В «Древнетюркском словаре» это имя отмечено как компонент многих составных глаголов и выражений: *tın boşa-* 'ослабевать (о дыхании)'; *tın buzıaq* 'расстройство дыхания', *tın ozkâ qodı al* 'задерживать дыха-

³⁵ «Древнетюркский словарь», стр. 568.

³⁶ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 433.

³⁷ «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 562.

³⁸ «Киргизско-русский словарь». М., 1965, стр. 791.

³⁹ «Турецко-русский словарь». М., 1977, стр. 233.

⁴⁰ «Гагаузско-русско-молдавский словарь», стр. 146.

⁴¹ «Киргизско-русский словарь», стр. 791.

⁴² «Узбекско-русский словарь», стр. 432.

⁴³ «Татарско-русский словарь», стр. 562.

ние'; *tīn* уѣ- 'прекращаться (о дыхании)' и т. д.⁴⁴ Синкретичен с этим именем киргизский глагол *тын-* 'дышать'⁴⁵. Этот глагол отмечен также в «Древнетюркском словаре»: *tīn-* 'дышать'⁴⁶.

Мнение Э. В. Севортяна о том, что весьма возможна генетическая тождественность обоих рассмотренных выше корней *tyñ//tin*⁴⁷, нельзя не признать справедливым. От первых двух корней отличается третий с конечным согласным *η*: *tyñ//tiñ//diñ*.

В «Древнетюркском словаре» зарегистрирован корень *tīñ* со значением «слушание»: *Ol eliglär qanlar ordusınta ol nom jıylar nomlayuluq orunta nom tīñ qa jıylayajlar* 'В резиденции этих правителей и ханов, там, где будет проповедоваться учение, они соберутся, чтобы слушать сутру (?)' [... для слушания сутры. — Г. К.] (*Suv* 432₆). От этого корня образовано существительное *tīñčī* 'шпион': *eltin elkä tīñčī raħuajčī bolup joridim ersär* 'если я ходил из страны в страну в качестве шпиона и вредителя (лазутчика?)' (*Uig* II, 78₃₇)⁴⁸.

Слово *tīñčī* встречается в гадательной книге из Яр-Хото в паре со словом *savčī* в форме *tīñčī savčī* в значении «доносчик (?)»: *balıqdın balıqqa uluśdın uluśqa eldin elkä tīñčī savčī bolup joridimız ersär emti anı barča ökünür biz* 'если мы ходили из города в город, из селения в селение, из страны в страну в качестве доносчиков, теперь мы во всем этом раскаиваемся' (*TT* IV, В₂₁)⁴⁹. Это имя сохранилось и в казахском языке в форме *тыңшы*⁵⁰ с тем же значением. Его отмечал и В. В. Радлов⁵¹.

Этот корень фонетически совпадает с корнем общетюркского глагола *tyñla-//tynda-//tingla-//diñle-//dinlä-//(diñlä-)*: каз. *тыңда-* 'кого, что (воспринимать на слух)'; концерт *тын дау* 'слушать концерт'⁵²; узб. *тингла-* 'слушать, внимать'; лекция *тингламоқ* 'слушать лекцию'; оз *сўзла, кўп тингла* (послов.) 'говори меньше, а слушай больше'⁵³; туркм. *диңле-* 'слушать, выслушать, заслушивать'⁵⁴; тур. *dinle*⁵⁵, азерб. *динлә-* (в диалекте *диңлә-*).

Таким образом, в тюркских языках имеются три омонимичных корни и соответственно образованные от них глаголы: 1) *tīn* 'дыхание, дух' — *tīn-* 'дышать'; 2) *tīn* 'покой, отдых' — *tīn-* 'успокаиваться, отдыхать'; 3) *tīñ* 'слушание'. Последний третий корень, в отличие от двух первых, имеет в конце *η*. Фонетическое соответствие *η > n* закономерно в тюркских языках: ср. туркм. *диңле*, тур. *dinle-* или же азерб. лит. *динлә-*, диал. *диңлә-*. Путем прибавления аффикса *-la//le* к данному корню образуется глагол *diñle-*.

В «Дивану лугат-ит-турк» Махмуда Кашгари употреблена форма *tiñlaş-*: *Ol mening birle söz tiñlaşdı* (*МК* III, 398). Бесим Аталай следующим образом переводит эту фразу на турецкий язык: *O, benimle söz dinlemekle yarış etti* досл.: 'Он соревновался со мной в слушании слов'. Этот пример переведен в «Древнетюркском словаре» так:

⁴⁴ «Древнетюркский словарь», стр. 567.

⁴⁵ «Киргизско-русский словарь», стр. 791.

⁴⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 567.

⁴⁷ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 25.

⁴⁸ «Древнетюркский словарь», стр. 568.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ «Русско-казахский словарь», стр. 907.

⁵¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 3, ч. 2, стр. 1311.

⁵² «Русско-казахский словарь», стр. 752.

⁵³ «Узбекско-русский словарь», стр. 452.

⁵⁴ «Туркменско-русский словарь», стр. 271.

⁵⁵ «Турецко-русский словарь». М., 1977, стр. 232.

«Он слушал со мной»⁵⁶. Отдать предпочтение какому-либо из этих переводов здесь трудно. По словам Э. В. Севортяна, «... грамматическая эволюция этого аффикса (аффикса -š-. — Г. К.) выразилась в том, что от него постепенно отпали более конкретные значения (помощи, соревнования) и получили развитие более общие значения взаимности и совместности, а в некоторых других тюркских языках — и множественности действующих лиц»⁵⁷. В современном туркменском языке имеется форма взаимно-совместного залога данного глагола *диңлеш-*.

В «Диване» Махмуда Кашгари встречается форма повелительного залога данного глагола: *Ol maṅṅa söz tینگلاtti* (МК II, 359) 'Он заставлял меня слушать'. В современном азербайджанском и туркменском языках форма повелительного залога, так же как и в «Диване» Махмуда Кашгари, остается неизменной: азерб. *динлэт-* 'заставить слушать'; туркм. *диңлет-*: 1) *гулак асдырмак, айдылян зады эшитдирип отуртмак, диңлемеге мүмкинлик бермек* 'заставить слушать, заставить продолжать слушать, дать возможность слушать'; 2) *гизлин гулак салдырмак, диң салдырмак* 'заставить прислушиваться тайком, заставить подслушивать'⁵⁸.

Страдательный залог данного глагола в азербайджанском языке имеет две формы: *динлэн-* и *динлэнил-* 'быть выслушанным, быть заслушанным'. В туркменском языке этот глагол имеет одну форму страдательного залога: *диңлен-* со следующими значениями: 1) «быть выслушанным, выслушиваться; быть заслушанным, заслушиваться»: *Алымлар советинде директорың хасабаты диңленди* 'На ученом совете был заслушан отчет директора'; 2) «быть подслушанным, подслушиваться»: *диңленен гүррүң* 'подслушанный разговор'; 3) «слушаться, быть покорным»⁵⁹.

Глагол *tingla-* встречается также в «Диване» Махмуда Кашгари: *Eṅ söz tینگladı* (МК III, 403) 'Человек слушал слово (то есть слушался)'.

В тюркских языках юго-западной группы начальный [t] данного глагола озвончается, переходя в [d] ($t > d$), что вполне закономерно для тюркских языков данной группы⁶⁰.

Развитие формы глагола *diṅlā-*, по Э. В. Севортяну, происходило следующим образом: *тыңла- ~ диңле- ~ динле-* и т. д.⁶¹ Глагол *dinle-* в туркменском и турецком языках имеет также значение 'слушаться, быть покорным'; туркм. *улуллариң айданыны диңлемек* 'слушаться старших'⁶²; тур. *ölu diṅlämäjün hār nolursa олсун бән аны öldüräcä:jim!* 'его сын не слушался, а говорил: пусть со мной будет, что будет, я хочу его убить'⁶³. Такое значение в азербайджанском языке передается глаголом *eşit-*.

Глагол *diṅlā-* в тюркских языках юго-западной группы выражает также значение «слушать»: туркм. *саз диңлемек*⁶⁴, тур. *muzik dinlemek*⁶⁵ 'слушать музыку'.

⁵⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 568.

⁵⁷ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 535.

⁵⁸ «Туркмен дилиниң сөзлүги». Ашгабат, 1962, стр. 257.

⁵⁹ «Туркменско-русский словарь», стр. 271.

⁶⁰ Н. К. Дмитриев. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 268.

⁶¹ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков, стр. 318.

⁶² «Туркменско-русский словарь», стр. 271.

⁶³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 3, ч. 2, стр. 1759.

⁶⁴ «Русско-туркменский словарь», стр. 271.

⁶⁵ «Русско-турецкий словарь». М., 1972, стр. 844.

Глагол *diñlā-* является одним из грамматически наиболее устойчивых. И в древнетюркских письменных памятниках, и в современных тюркских языках он выступает как переходный: *Сөзүм динлә Байбура бәј* («Китаби-Дәдә Горгуд», стр. 46) 'Слушай мое слово, Байбура бек'; *Дердими диңлемез, дийсем сөз биле* (Махтумкули, т. I, стр. 164) 'Не внемлет моему горю, если скажу (я) словами'; *Несихат диңлесен, әриң әри сен* (Махтумкули, т. I, стр. 217) 'Если ты внимаешь поучению, (то) ты мужчина (среди) мужей'.

В западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка употребляется еще глагол *diñšā-* со значениями «слушать, подслушивать, подслушать». *Гапынын далыннан диңшә қөр биздән гыјват гырылармы?* (Тауз)⁶⁶ 'Подслушай за дверью, не сплетничают ли (они) о нас?'. Этот глагол можно расчленить на *diñ-* — корень и *-šā-* — аффикс. Он, как видно, образован от того же корня, что и глагол *diñlā-*. Глаголообразующий аффикс *-ša/-šā* сохранился в азербайджанском языке в нескольких глаголах: *гуриша-* 'надевать пояс на кого-либо', 'опоясывать'; *қөвишә-* 'жевать, пережевывать (о скоте)'; *охиша-* 'быть похожим, схожим, подобным' и т. д. Этот аффикс встречается и в ряде тюркских языков, в которых он малопродуктивен, за исключением киргизского и, быть может, туркменского⁶⁷. В уйгурском литературном языке глагол *тиңши-* имеет значение «слушать»⁶⁸. Глагол *тингша-* в узбекском языке является областным словом и имеет то же значение, что и глагол *тингла-*⁶⁹. Глагол *тынша-* отмечался также В. В. Радловым со значениями «слушать, подслушивать, слышать» со ссылкой на кара-киргизский диалект⁷⁰.

Значение «подслушивать» передается в туркменском языке сложным глаголом *дин сал-*: *бир зада диң салып дурмак* 'внимательно слушать что-либо'; *әпишгеден диң салмак* 'подслушивать у окна'⁷¹. Кроме того, в отличие от азербайджанского, глагол *диңле-* в туркменском языке имеет еще значение «подслушивать»: *бириниң огрын гүррүңини диңлемек* 'подслушать чей-либо разговор'⁷².

В современном туркменском литературном языке глагол *диңше-* не употребляется, а слово *диңшир* выражает значение «слух»: *онуң диңшири говы* 'у него хороший слух'⁷³, значения же «прислушиваться», «настораживаться» передаются глаголом *диңширге-*: *ит сесине диңширгемек* 'прислушиваться к лаю собаки'; *диңширгәп дурмак* 'прислушаться; насторожиться'⁷⁴.

В турецком языке значение «подслушать, подслушивать» передается глаголом *işitmek*: *bizim konuştuğlarımızı işitmiş* 'он подслушал наш разговор'⁷⁵ и описательной формой *kulak misafiri olmak* 'подслушивать'⁷⁶.

По значению к глаголу *diñšā-* в азербайджанском языке близок и глагол *пус-*, имеющий следующие значения: «подсидживать, подслушивать, подслушать, подсматривать, подсмотреть» и другие⁷⁷ (*биринин га-*

⁶⁶ «Азәрбајҹан дилинин диалектолоҹи лүғәти». Бақы, 1964, стр. 191.

⁶⁷ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 331.

⁶⁸ «Русско-уйгурский словарь». М., 1956, стр. 1187.

⁶⁹ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 432.

⁷⁰ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 3, ч. 2, стр. 1311.

⁷¹ «Туркменско-русский словарь», стр. 270.

⁷² Там же, стр. 271.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ «Русско-турецкий словарь», стр. 642.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ «Азербайджанско-русский словарь», стр. 288.

пысыны пусмаг 'подслушивать у чьей-то двери'). С этим глаголом связаны в азербайджанском языке имена: *пусу* 'засада', 'слежка, выслеживание' и *пусма* 'подсиживание', 'подслушивание'⁷⁸.

Таким образом, прослеживая лексико-семантическое развитие глаголов слухового восприятия в тюркских языках юго-западной группы, можно заключить, что слово *eşit* относится к числу древнейших. Употребление его во всех тюркских языках, в том числе и в юго-западной группе, позволяет предположить, что глагол *eşit* входил и в пратюркский язык.

Другим глаголом слухового восприятия является *tiñlä-* (также производный). Он встречается с небольшими фонетическими различиями во многих тюркских языках.

Оба древних глагола слухового восприятия на протяжении веков остались грамматически неизменными и не подверглись метафоризации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

<i>МК</i>	— Mahmud Kâşgari. <i>Divanü lûgat-it-türk tercümesi</i> . Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939—1941. (Римская цифра обозначает том, арабская — страницу).
<i>QB (QBH, QBK, QBN)</i>	— <i>Qutadû bilig</i> — «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского; списки: гератский — <i>QBH</i> , каирский — <i>QBK</i> , наманганский — <i>QBN</i> . (Строчные арабские цифры — номера страниц соответствующего списка, подстрочные — номера строк).
<i>Suv</i>	— <i>Suvarparabhāṣa</i> — <i>Altun jaruq</i> (сутра «Золотой блеск»). (Строчные арабские цифры — номера страниц издания, подстрочные — номера строк на странице).
<i>ТТ I</i>	— Гадательная книга из Яр-Хото, близкая по языку к памятникам рунического письма. (Подстрочные цифры — номера строк по всему памятнику).
<i>ТТ IV</i>	— Два сводных текста ряда фрагментов с буддийским покаянием в грехах, уйгурским письмом; текст А — 76 строк и текст В — 69 строк. (Подстрочные цифры — номера строк по каждому тексту).
<i>Uig II</i>	— Фрагменты буддийского содержания уйгурским письмом. (Строчные арабские цифры — номера страниц по изданию, подстрочные цифры — номера строк по странице издания).

⁷⁸ «Азербайджанско-русский словарь», стр. 288.

Т. Д. ПОТАПОВА

ОБ УДАРЕНИИ В ТУРЕЦКИХ ТОПОНИМАХ

(ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Внимание исследователей к проблеме ударения в турецком языке было привлечено еще во второй половине прошлого века. И все же до сих пор остаются до конца не выясненными как физическая природа турецкого словесного ударения, так и его локализация. Мнения тюркологов в этом вопросе часто резко расходятся. Одни считают, что турецкое словесное ударение экспираторное и локализуется на первом (Кунош, Винце)¹ или последнем слоге (Прёле, Немет, Эргин и др.)², иногда при этом выделяя одну из особенностей (например, Эдискун³ подчеркивает квантитативный компонент, Бангуоглу⁴ — динамический, наряду с повышением тона на ударном слоге). Другие придерживаются мнения, что турецкое словесное ударение в основе своей музыкальное и падает на последний слог слова (Дени)⁵; причем некоторые из этих исследователей полагают, что в турецком языке имеется и динамическое, и музыкальное ударения, рассматривая либо и то, и другое как основные (Ракетт)⁶, либо же отдавая приоритет одному из них; например, Коллиндер⁷ и Нильсен⁸ признают наличие на одном из слогов слова (в основном на последнем) и музыкального, и силового ударения, но главным считают музыкальное ударение. Третьи исследователи называют турецкое ударение музыкально-силовым, указывая при этом, что динамическое ударение обычно локализуется на последнем слоге слова, а музыкальное — на начальном (Севортян, Диличар)⁹, или же оба ударения падают на последний слог (Кононов, Коллиндер)¹⁰. Сторонники послед-

¹ J. Kúnos. Oszmán-török nyelvkönyv. Janua linguae ottomanicae. Budapest, 1905, стр. 207—208; Fr. Vincze. Beiträge zur Kenntnis des Anatolisch-Türkischen. Kéleti Szemle, IX, 1908.

² W. Pröhle. Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen. Kéleti Szemle, XII, Budapest, 1911—1912, стр. 199—216; G. Nemeth. Türkische Grammatik, Berlin, 1916, стр. 23; M. Ergin. Türk dilbilgisi. Istanbul, 1962, стр. 98.

³ H. Ediskun. Yeni türk dilbilgisi. Istanbul, 1963, стр. 96.

⁴ T. Banguoğlu. Türk grameri. I. Sesbilgisi. Ankara, 1959, стр. 180.

⁵ J. Denny. Türk dili Grameri. Istanbul, 1941, стр. 142—143.

⁶ G. Raquette. The accent problem in Turkish. Lund-Leipzig, 1927, стр. 38.

⁷ B. Collinder. Reichstürkische Lautstudien. Uppsala-Leipzig, 1939.

⁸ K. Nielsen. Druck und Tonbewegung im Reichstürkischen. Oslo, 1945.

⁹ Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 130—131; А. Диличар. Ek II. Nece — ton ve tonem-vurgu-entonasyon. — В кн.: Tansu M. Durgun genel sesbilgisi ve türkçe. Ankara, 1963, стр. 91.

¹⁰ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 51; B. Collinder. Указ. раб., стр. 26; его же. Gibt es im Türkischen keinen Akzent? ZDMG, Bd. 95, 1941, стр. 305—310.

ней точки зрения считают, что музыкальное и силовое ударения могут падать на разные слоги одного и того же слова. Многие исследователи признают наличие в турецком языке главного и второстепенного ударения, некоторые (Нильсен, Эрем и Севин)¹¹ различают до шести степеней словесного ударения. Ряд тюркологов считает, что ударение не является фонологически значимым (Радлов, Грэнбек)¹², другие (Нильсен, Поппе)¹³ признают фонологически значимым лишь музыкальное ударение. Многие лингвисты обращают внимание на то, что словесное ударение находится под сильным воздействием фразового ударения. Признание факта влияния фразового ударения на словесное заставляет некоторых тюркологов сомневаться в самом наличии словесного ударения в турецком языке (Старостов)¹⁴.

Даже такой беглый обзор существующих точек зрения различных авторов на турецкое ударение указывает на то, что проблема словесного ударения в турецком языке является одной из сложнейших в тюркском языкознании.

В настоящей статье мы исходим из следующих положений: 1) слово в турецком языке имеет свою ритмическую структуру, в которой слоги различаются по степени выделенности; 2) турецкую ритмику можно описывать, пользуясь терминами словесного ударения.

Какими акустическими средствами достигается выделенность слога в слове? Чтобы ответить на этот вопрос, следует сопоставить пары слов с одинаковым набором фонем, но различающихся местом ударения. Мы учли указание многих лингвистов на то, что ударение в топонимах приходится не на последний слог, при общей тенденции турецкого словесного ударения локализоваться на последнем слоге слова¹⁵.

Из топонимов мы свой выбор остановили на тех, к которым можно подобрать эквиваленты среди значимых слов, например, *Kârtal* (название города), *kartâl* 'орел'. Топонимы были включены в контекст и начитаны носителем турецкого литературного языка. Аудитивный анализ начитанного материала показал, что многие топонимы произносятся с ударением на конечном, а не на начальном слоге, как, казалось, следовало бы ожидать. Такой результат дает основание предположить, что в контексте, где семантика высказывания не допускает разночтений, турецкое словесное ударение, само по себе слабое, становится избыточным для понимания смысла высказывания.

В следующем эксперименте двух-, трех- и четырехсложные топонимы и соответствующие им по набору фонем имена нарицательные¹⁶ бы-

¹¹ K. Nielsen. Указ. раб.; T. Erem, N. Sevin. Milletlerarası fonetik işaretiyle konuşma dilimiz. İstanbul, 1947, стр. 196.

¹² W. Radloff. Phonetik der Nordlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, стр. 97; K. Grönbech. Der Akzent im Türkischen und Mongolischen. ZDMG, Bd. 94, H. 3, Leipzig, 1940, стр. 378—379.

¹³ K. Nielsen. Указ. раб.; N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960, стр. 144.

¹⁴ Л. Н. Старостов. Об ударении в турецком языке. — «Труды военного института иностранных языков». М., 1953, № 2, стр. 116.

¹⁵ О том, что в топонимах ударение локализуется на начальных слогах слова, см.: Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 15—16; С. К. Solok. Türk dilinde vurgu üzerinde bir taslak. Varlık. Cilt 7, 1939, sayı 136, стр. 131; T. Banguoğlu. Türkçenin grameri. İstanbul, 1974, стр. 118; Ö. Demircan. Türkiye yer adlarında vurgu. — «Türk dili», 1976, sayı 300, стр. 402—411; K. Demiray. Temeldilbilgisi. İstanbul, 1967, стр. 70—72; T. N. Gencan. Dilbilgisi. İstanbul, 1973, стр. 60; М. Ergin. Указ. раб., стр. 98—99; А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 52.

¹⁶ Большинство топонимов и соответствующих им имен нарицательных взяты из упомянутой выше статьи турецкого лингвиста О. Демирджана.

ли расположены попарно; топоним, затем соответствующее имя нарицательное начитаны диктором изолированно, с утвердительной интонацией.

Думается, что при произнесении пар слов, различающихся лишь местом ударения, «в одном ключе», с одинаковой интонацией, любые различия акустических данных соответствующих звуков или слогов в этих парах можно целиком отнести за счет ударения.

С магнитной пленки материал был переписан на интонограф. Интонограммы расшифрованы, проанализированы по трем показателям: частоте основного тона, длительности звучания и интенсивности¹⁷.

Нами было исследовано 56 топонимов (из них 14 двусложных, 29 трехсложных и 13 четырехсложных) и 53 имени нарицательных, соответствующих топонимам по набору фонем (численное несоответствие топонимов и имен нарицательных объясняется тем, что три из трехсложных топонимов встречаются с ударением как на первом, так и на втором слоге).

Таким образом, сравнивались соответствующие слоги и звуки в парах слов; ударный слог топонима сравнивался с соответствующим неударным слогом имени нарицательного и наоборот; ударный конечный слог имени нарицательного с неударным конечным слогом топонима, то есть сравнивались акустические параметры компонентов слов, идентичных по характеру слога, позиции в слове, окружению гласных или согласных звуков, природным особенностям.

Кроме сравнения соответствующих гласных или слогов в парах слов, было проведено также традиционное сравнение акустических характеристик ударных и неударных гласных внутри каждого из исследуемых топонимов и имен нарицательных. При этом учитывалось то важное обстоятельство, что на акустические параметры гласных влияют также позиция гласного в слове, характер слога, собственные природные характеристики гласного, окружающие согласные.

В качестве единицы измерения интенсивности нами вместо децибела условно был взят миллиметр, поскольку для нас представляли важность не абсолютные величины интенсивности звуков, а соотношение их. Интенсивность сравнивалась по наивысшим точкам (пикам) огибающей интенсивности, а при их равенстве — по площади под огибающей интенсивности. Длительность измерялась в миллисекундах по отметкам времени, фиксированным на киноплёнке. Разница по частоте основного тона была дана как соотношение высших точек частоты основного тона ударного и неударного гласных или слогов.

Результаты сравнения сводились в группы в зависимости от количества слогов сравниваемых слов. Внутри каждого раздела данные сравнения компонентов топонимов и имен нарицательных приводятся под цифрой 1, данные сравнения гласных внутри слова — под цифрой 2.

Двусложные слова

Топонимы.

1. Первый ударный гласный топонима при сравнении с первым неударным гласным имени нарицательного выше по всем трем исследуемым показателям во всех 14 топонимах: длительности звучания, частоте

¹⁷ В данном случае мы ограничились проведением интонографического анализа лишь гласных звуков. Что же касается согласных, то по интонограммам можно судить лишь об их длительности (кроме начальных). Другие параметры согласных не рассматривались.

основного тона и интенсивности. В среднем превышение по длительности составляет 39%, по частоте основного тона — 88% (септима), по интенсивности — 28%.

2. В восьми из исследуемых четырнадцати двусложных топонимов все три показателя ударного первого гласного превышают показатели неударного гласного второго слога. Постоянно проявляющимся показателем ударенности гласного в наших примерах выступает частота основного тона (100% реализаций). Среднее соотношение частоты основного тона ударного и неударного гласных топонима составляет 1,348 (более кварты). Длительность ударного первого гласного больше длительности неударного гласного второго слога в 9-ти из 14-ти топонимов (64%), превышение по длительности в среднем — 15%. В некоторых реализациях топонимов ударный гласный по длительности уступает неударному гласному второго слога, особенно, если это неударный гласный абсолютного конца слова (например, *Taşlı, Çeşme, Kumla*, но также и *Tokat*). Интенсивность ударного гласного первого слога выше интенсивности неударного гласного второго слога в 12-ти топонимах (86%), а в двух — ниже. В среднем превышение по интенсивности составляет 21%.

Таким образом, в двусложных топонимах постоянным показателем ударения является частота основного тона ударного начального гласного, затем — интенсивность и на третьем месте — длительность. Следует отметить, что по показаниям интонограммы длительность звучания топонимов в исследованных нами двусложных парах слов в большинстве случаев больше длительности звучания соответствующих имен нарицательных в среднем на 12%.

Имена нарицательные.

1. В двусложных именах нарицательных с ударением на конечном слоге при сравнении с топонимами все три показателя ударного гласного оказались выше показателей соответствующего неударного гласного топонима лишь в четырех реализациях (29%).

Результаты сравнения по каждому показателю таковы: длительность ударного конечного гласного имени нарицательного больше длительности соответствующего неударного гласного топонима в 9-ти из 14-ти пар реализаций (64%), в четырех — равная, в одном — меньшая. Частота основного тона выше в девяти случаях, интервал в среднем равен 1,1 (секунда), равная — в четырех, меньшая — в одном случае. Интенсивность — большая в семи случаях, равная — в шести, меньшая — в одном случае. В среднем превышение по интенсивности — 10%, по длительности — 15%.

2. Сравнение гласных внутри имен нарицательных показало, что в пяти реализациях и длительность, и частота основного тона, и интенсивность ударного конечного гласного больше, чем у неударного гласного первого слога (36%).

По длительности ударный конечный гласный превышает неударный гласный в 13-ти из 14-ти реализаций и уступает ему лишь в одной реализации. Среднее превышение длительности ударного гласного над неударным составляет 32%. Частота основного тона ударного гласного выше частоты основного тона неударного гласного в девяти и равная в пяти реализациях. Интервал в среднем равен 1,056 (малая секунда). Интенсивность ударного гласного большая в восьми реализациях (56%), равная — в трех и меньшая — в трех реализациях. В среднем превышение по интенсивности равно 15%.

Таким образом, ударенность конечного гласного в двусложных словах сопровождается увеличением длительности ударного гласного, более высокой или равной частотой основного тона и большей интенсивно-

стью. Хотя по пику интенсивность ударного гласного больше интенсивности неударного гласного только в половине реализаций, увеличение длительности ударного гласного приводит к увеличению площади под огибающей интенсивности и дает основание считать интенсивность ударного гласного большей если не по пику, то по площади. Именно незначительное увеличение этих показателей обуславливает слабый характер турецкого словесного ударения.

Анализ акустических характеристик двусложных слов, различающихся местом ударения, показывает, что словесное ударение, локализующееся на начальном слоге, более сильное, ибо оно сопровождается значительным увеличением частоты основного тона и увеличением интенсивности и длительности; причем увеличивается длительность не только ударного слога, но и всего слова.

Трехсложные слова

Среди исследуемых трех- и четырехсложных топонимов имеются топонимы с ударением на первом слоге и топонимы с ударением на втором слоге. Три трехсложных топонима встречаются с ударениями как на первом, так и на втором слоге.

Топонимы с ударным первым слогом.

Было исследовано 18 топонимов с ударением на первом слоге.

1. При сравнении этих топонимов с соответствующими именами нарицательными, точнее, при сравнении их начальных гласных выяснилось, что ударный гласный топонима имеет большую длительность, большую частоту основного тона при интервале 1,39 и большую интенсивность в шестнадцати реализациях (89%), а в остальных двух топонимах при большей длительности и частоте основного тона интенсивность ударного гласного топонима в одном случае равна и в одном случае меньше интенсивности соответствующего гласного имени нарицательного. В среднем длительность ударного гласного топонима больше длительности соответствующего неударного гласного имени нарицательно-го на 38%, интенсивность — на 45%.

2. По отношению к гласным последующих слогов гласный первого ударного слога топонима имеет преимущество по всем трем показателям в 6-ти из 18-ти топонимов (33,3%).

По частоте основного тона ударный первый гласный топонима превосходит другие гласные топонима во всех восемнадцати реализациях. Интервал в среднем равен 1,186 (II слог) — 1,52 (III слог). Интенсивность первого ударного гласного — наивысшая в слове в 11-ти из 18-ти топонимов (61%). Интенсивность среднего гласного ниже и самая меньшая интенсивность — у конечного гласного. В трех топонимах интенсивность первого и второго гласных — равная, в двух других средний неударный гласный несколько превосходит по интенсивности ударный первый гласный (*Kayalar* и *Düğünlük*). По длительности ударный первый гласный топонима наибольший в слове в восьми топонимах, равен конечному — в двух и меньше конечного — в семи топонимах (из них шесть топонимов имеют гласный в абсолютном конце слова). В одном топониме длительность всех трех гласных одинаковая. Средний гласный в большинстве случаев по длительности меньше начального и конечного.

Следовательно, по частотности выражения в трехсложных топонимах с ударным первым слогом постоянным показателем ударенности является частота основного тона, затем — интенсивность и на третьем месте — длительность. Позиционная длительность гласного абсолютного

конца превосходит длительность ударного первого гласного во всех топонимах, оканчивающихся на гласный.

Топонимы с ударным средним слогом.

Было исследовано 11 трехсложных топонимов с ударным средним гласным.

1. Во всех исследованных топонимах с ударением на среднем гласном ударный гласный превосходит неударный средний гласный соответствующего имени нарицательного по всем трем показателям. Интервал частоты основного тона равен 1,442 (около квинты). По длительности ударный средний гласный топонима больше неударного среднего гласного имени нарицательного в среднем на 50%, по интенсивности — на 46%.

2. Сравнение ударного среднего гласного топонима с его заударным и предударным гласными дает следующие результаты: всеми тремя показателями отмечен ударный средний гласный в трех топонимах (27%). Во всех пяти топонимах этой группы, оканчивающихся на гласный, ударный средний гласный при наивысшей в слове частоте основного тона и интенсивности уступает конечному гласному в длительности. В остальных трех топонимах, оканчивающихся на согласный, ударный средний гласный при двух наивысших показателях имеет равную с начальным гласным частоту основного тона (в топониме *Osmáncík*), равную интенсивность (в *Avúnduk*) и меньшую интенсивность (в *Zeytincík*). Интервал частоты основного тона 1,4 (I слог) — 1,53 (III слог).

Среди шести топонимов, оканчивающихся на согласный, одинаковая длительность начального и конечного неударных гласных отмечена в трех, большая по сравнению с заударным длительность предударного гласного — в двух и меньшая — в одном случае. В топонимах с гласным в абсолютном конце предударный гласный, как правило, наименьший по длительности. Интенсивность предударного гласного обычно больше интенсивности заударного гласного. По частоте основного тона после ударного среднего гласного в убывающем порядке идет предударный гласный (7 из 11) или же предударный и заударный гласные имеют равную частоту основного тона.

Таким образом, локализация ударения на среднем слоге трехсложного топонима сопровождается увеличением всех трех исследуемых показателей ударения при сравнении топонима с соответствующим именем нарицательным. Сравнение же гласных внутри топонима показывает, что длительность ударного гласного нейтрализуется позиционной длительностью гласного абсолютного конца слова. Частота основного тона выступает показателем ударенности гласного в большинстве реализаций топонимов (91%), так же как и интенсивность (82%).

Имена нарицательные.

1. При сравнении ударного конечного гласного имени нарицательного с неударным конечным гласным топонима в 11-ти из 26-ти слов зарегистрирована более высокая частота основного тона, большая длительность и большая интенсивность ударного конечного гласного (42%).

Более высокая частота основного тона ударного конечного гласного имени нарицательного по сравнению с неударным конечным гласным топонима отмечена в 22 словах (85%). Интервал равен 1,064. Большая длительность ударного конечного гласного в 18 словах, большая интенсивность — в 18 словах (по 69%). Превышение по длительности в среднем — 14%, по интенсивности — 17%. В остальных случаях показатели равные. Иными словами, частота основного тона, длительность и интен-

сивность ударного конечного гласного превышают соответствующие показатели неударного конечного гласного топонима или равны им.

2. Сравнение конечного ударного гласного имени нарицательного с предшествующими неударными гласными показывает, что в 10-ти случаях ударный гласный отличается и большей длительностью, и более высокой частотой основного тона, и большей интенсивностью (38%).

Конечный ударный гласный обладает наивысшей частотой основного тона в слове в 21-м случае (81%). Движение тона либо восходящее с небольшим интервалом (1,07—1,08 на каждом слоге), либо восходяще-ровное (второй и третий гласные имеют одинаковую частоту основного тона, а первый — на 0,07 ниже). В одном случае движение тона восходяще-нисходящее, в пяти — частота основного тона всех трех гласных одинаковая.

Конечный ударный гласный имеет наибольшую в слове длительность в 24-х реализациях слов (92%), в двух — длительность конечного ударного гласного равна длительности одного из неударных гласных. В словах с гласным в абсолютном конце (их девять) разница в длительности конечного ударного гласного и неударных гласных того же слова в наших примерах составляет от 63% до 140%. В словах с конечным закрытым слогом — соответственно от 17% до 75%. Каких-либо закономерностей в отношении длительности первого и второго неударных слогов установить не удалось.

Интенсивность ударного конечного гласного является наибольшей в слове в 14-ти случаях (54%), в семи — она равна интенсивности одного из неударных гласных — первого или второго, или того и другого, в пяти — меньше.

Следовательно, из трех показателей ударения в конечном слоге трехсложного слова чаще всего встречается большая длительность (92%), затем — более высокая частота основного тона (81%) и на третьем месте — большая интенсивность (54% по пику). Интервал частоты основного тона небольшой — 1,08—1,12.

Четырехсложные слова

Было проанализировано 13 пар четырехсложных слов. Среди топонимов шесть — с ударением на первом слоге и семь — с ударением на втором слоге. Семь пар слов оканчиваются на гласный.

Топонимы с ударным первым слогом.

1. При сравнении первого ударного гласного топонима с соответствующим неударным гласным имени нарицательного в пяти из шести топонимов первый ударный гласный отмечен преобладанием всех трех показателей ударения. В одном топониме при двух высших показателях частота основного тона равная. Интервал частоты основного тона в пяти топонимах 1,44. Длительность ударного гласного топонима больше длительности первого неударного гласного имени нарицательного в среднем на 43%, интенсивность — на 25%.

2. Ни в одном из топонимов ударный гласный не обладает преимуществом по всем трем показателям в сравнении с неударными гласными топонима. По длительности начальный ударный гласный обычно больше, чем средние гласные, но бывает также равен конечному гласному или уступает ему, особенно если это гласный абсолютного конца слова. Ударный начальный гласный имеет более высокую частоту основного тона, нежели неударные гласные слова, однако второй гласный иногда равен по частоте основного тона ударному первому гласному.

Что касается интенсивности, то наивысшей интенсивностью ударный гласный обладает в трех топонимах этой группы, в двух топонимах интенсивность гласного второго слога выше интенсивности ударного гласного, а в одном интенсивность первого и второго гласных одинаковая (в наших примерах, возможно, под воздействием соседних согласных *r, l, y*). Интенсивность третьего и четвертого гласных бывает равной, но значительно уступает интенсивности первого ударного гласного.

Топонимы с ударным вторым слогом.

1. Сравнение ударного гласного топонима с соответствующим гласным имени нарицательного в четырехсложных топонимах с ударением на втором слоге показало, что ударный гласный топонима выше соответствующего неударного гласного имени нарицательного по частоте основного тона, по длительности и интенсивности во всех семи топонимах этой группы. Интервал частоты основного тона равен 1,394, разница в длительности — в среднем 47%, интенсивности — 36%.

2. Сравнение гласных внутри топонима дало следующие результаты: ни в одном из топонимов ударный гласный не обладает всеми тремя наивысшими показателями, поскольку длительность конечного гласного превышает длительность ударного второго гласного. Лишь в одном топониме из наших примеров (*Karácılık*) длительность второго гласного оказалась больше длительности конечного гласного, возможно, в силу большей природной длительности широкого *a* по сравнению с узким *i*.

По частоте основного тона ударный второй гласный превосходит неударные гласные во всех топонимах. Движение тона — восходящее от первого гласного к ударному второму и нисходящее к концу слова. Первый и третий слоги топонима примерно равны по частоте основного тона. Интервал в частотах основного тона ударного гласного и соседних неударных гласных — 1,33 (кварта).

Интенсивность ударного второго гласного во всех топонимах этой группы выше интенсивности неударных гласных.

Таким образом, в четырехсложных топонимах локализация ударения на начальных слогах (первом или втором) приводит, как правило, к повышению и частоты основного тона, и длительности, и интенсивности ударного гласного. Это выявляется только при сравнении соответствующих, ударного и неударного, гласных в парах слов. Обычное же сравнение ударного и неударных гласных внутри слова показывает, что как в топонимах с ударением на первом слоге, так и в топонимах с ударением на втором слоге длительность ударного гласного в большинстве случаев уступает позиционной длительности гласного конечного слога. В топонимах с ударением на втором слоге частота основного тона и интенсивность ударного гласного в исследованных топонимах являются наивысшими в слове, а в топонимах с ударением на первом слоге частота основного тона и интенсивность неударного гласного второго слога могут быть равными частоте основного тона и интенсивности гласного ударного первого слога.

Имена нарицательные.

1. В шести из тринадцати имен нарицательных ударный конечный гласный имеет более высокую, чем соответствующий неударный гласный топонима, частоту основного тона, большую интенсивность и большую длительность. Все эти шесть слов оканчиваются на гласный. В пяти именах нарицательных, оканчивающихся на согласный, конечный гласный имени по длительности равен соответствующему неударному гласному топонима. В двух случаях, в именах с открытым и закрытым конечным слогом, ударный гласный имени нарицательного уступает по длительности соответствующему неударному гласному топонима. Дли-

тельность звучания имени нарицательного в большинстве случаев меньше длительности звучания топонима. В именах нарицательных, оканчивающихся на согласный, длительность звучания ударного гласного конечного слога в среднем на 7% меньше длительности соответствующего неударного гласного топонима, а в именах нарицательных с конечным открытым слогом длительность ударного гласного превышает длительность соответствующего неударного гласного топонима на 14%. Частота основного тона ударного конечного гласного имени нарицательного выше частоты основного тона неударного конечного гласного топонима. Интервал равен 1,225 (терция). Интенсивность ударного конечного гласного имени нарицательного во всех 13 реализациях четырехсложных имен больше интенсивности неударного конечного гласного топонима в среднем на 35%.

2. Сравнение ударного конечного гласного имени нарицательного с его неударными гласными дает следующие результаты: длительность ударного гласного наибольшая в слове во всех 13-ти именах нарицательных. Соотношение длительности ударного конечного гласного, например, с гласным первого слога в именах нарицательных с открытым ударным слогом равно 2,25, в именах нарицательных с закрытым ударным слогом — 1,55. Наивысшую в слове частоту основного тона ударный конечный гласный имеет в десяти именах нарицательных. В одном случае частота основного тона всех гласных слова одинаковая, а в другом — ударный конечный гласный уступает по частоте основного тона неударному гласному предпоследнего слога. Интервал частоты основного тона ударного конечного гласного и неударного гласного первого слога в среднем равен 1,142. Интенсивность конечного ударного гласного по пику: большая в шести словах, равная интенсивности одного из неударных гласных в одном слове и уступает по пику интенсивности какого-либо из неударных гласных в шести словах. Однако, поскольку конечный ударный гласный имеет наибольшую длительность в слове, то и по площади интенсивности он превышает другие гласные слова.

Итак, в четырехсложных именах нарицательных постоянными показателями ударенности конечного гласного выступают: при сравнении соответствующих ударного и неударного гласных имени нарицательного и топонима — более высокая частота основного тона (интервал в среднем — 1,225) и большая по пику интенсивность, а при сравнении ударного конечного гласного с неударными гласными имени нарицательного — большая длительность ударного конечного гласного.

На прилагаемых фотоснимках видны интонограммы трех топонимов и трех имен нарицательных.

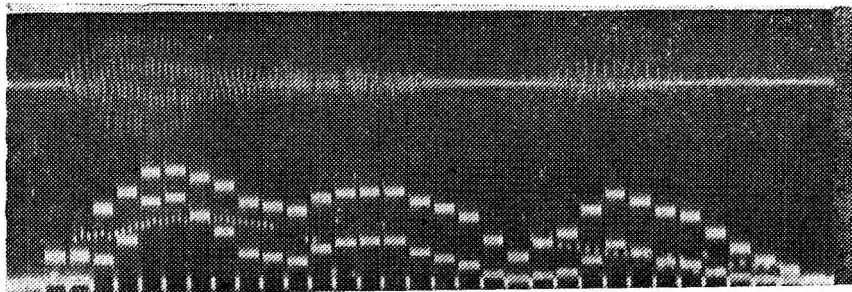

Рис. 1. Интонограмма топонима *Taşlı*

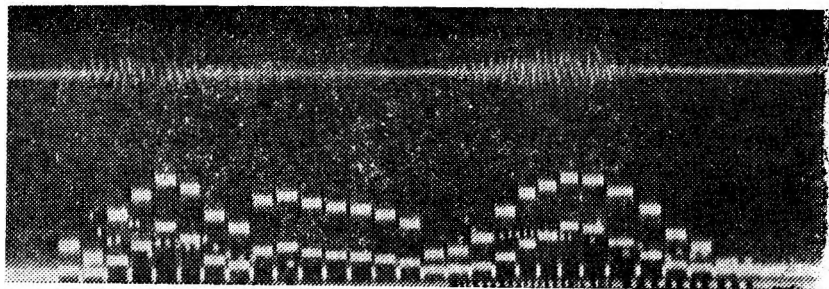

Рис. 2. Интонограмма имени нарицательного *taşlı*

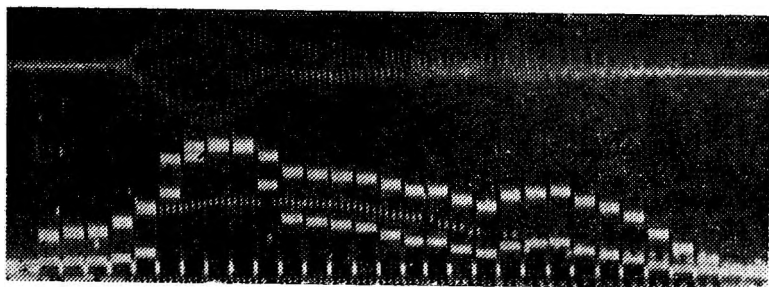

Рис. 3. Интонограмма топонима *Kumlu*

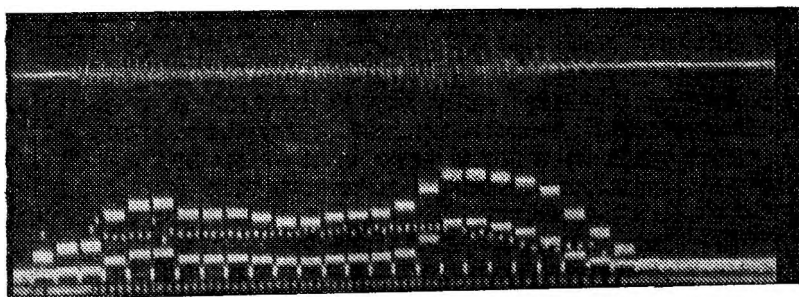

Рис. 4. Интонограмма имени нарицательного *kumlâ*

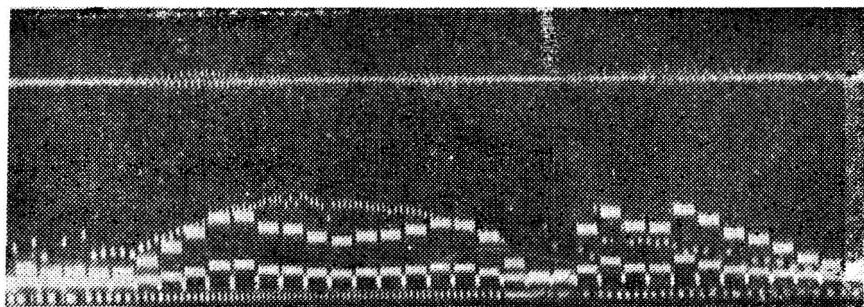
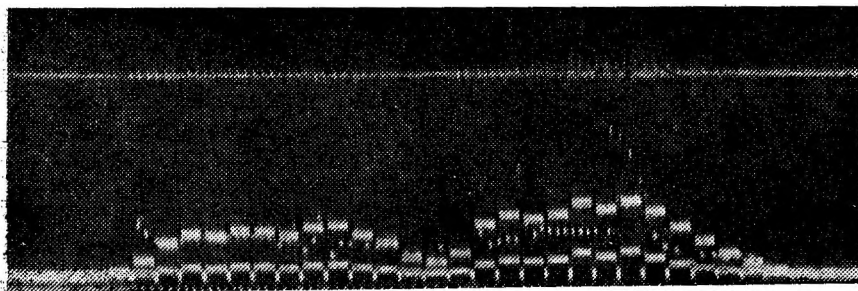

Рис. 5. Интонограмма топонима *Düzce*

Рис. 6. Интонограмма имени нарицательного *düzce*

Закключение

Сопоставление соответствующих, одинаковых по набору фонем пар слов — топонима с ударным первым или вторым гласным и имени нарицательного с ударным конечным гласным — дало нижеследующие результаты.

Локализация ударения на начальных (первом или втором) слогах топонима сопровождается увеличением всех трех исследуемых показателей ударения — частоты основного тона, длительности и интенсивности — в большинстве анализируемых топонимов, а именно: в 93% реализаций двусложных топонимов, в 86% реализаций топонимов трех- и четырехсложных с ударным первым слогом, в 100% реализаций топонимов трех- и четырехсложных с ударным вторым слогом.

По частоте основного тона ударный гласный топонима превышает соответствующий неударный гласный имени нарицательного во всех 56-ти реализациях топонимов. Интервал частоты основного тона в среднем равен 1,395 (более кварты).

По длительности ударный гласный топонима больше неударного гласного имени нарицательного в 56-ти случаях или в 100% реализаций топонимов. В среднем превышение по длительности составляет 43%. Как правило, локализация ударения на первом или втором слоге слова ведет к увеличению длительности звучания не только ударного слога, но и всего слова в целом.

Интенсивность ударного гласного топонима по пику больше интенсивности соответствующего неударного гласного имени нарицательного в 54-х из 56-ти топонимов. В топониме *Kayalar* пик интенсивности первого ударного гласного равен пику интенсивности первого неударного гласного соответствующего имени нарицательного, а в топониме *Yörükler* пик интенсивности первого ударного гласного на 0,5 мм ниже пика интенсивности соответствующего неударного гласного имени нарицательного. Однако площадь под огибающей интенсивности ударного гласного больше, поскольку длительность звучания ударного гласного больше длительности звучания неударного гласного.

Сравнение 53 имен прилагательных с соответствующими топонимами свидетельствует о том, что ударный конечный гласный имени нарицательного не так резко отличается от неударного конечного гласного топонима, как ударные начальные гласные топонима от соответствующих неударных гласных имени нарицательного. Так, все три основных показателя ударения выше у конечного ударного гласного имени нарицательного по сравнению с неударным конечным гласным топонимом лишь в 29% двусложных, в 42% трехсложных и в 46% четырехсложных

имен нарицательных. И в цифровом выражении разница этих показателей меньшая. Например, интервал частоты основного тона ударного конечного гласного имени нарицательного и неударного конечного гласного соответствующего топонима равен в среднем 1,18 (малая терция) против кварты при сравнении ударного и неударного начальных слогов. Частота основного тона ударного конечного гласного выше частоты основного тона неударного конечного гласного соответствующего топонима в 83% имен нарицательных. Ударный конечный гласный имени нарицательного превышает неударный конечный гласный соответствующего топонима по пику интенсивности в 74% реализаций слов. В среднем превышение по интенсивности составляет 21% против 36% при локализации ударения на начальном слоге.

Длительность звучания конечного ударного слога имени нарицательного увеличивается по сравнению с неударной позицией конечного слога, однако не всегда превышает длительность звучания конечного неударного слога соответствующего топонима, возможно, потому, что при локализации ударения на начальных слогах возрастает длительность звучания не только ударного начального слога, но и, в большинстве случаев, всего слова. Так, среди исследуемых слов большая длительность ударного конечного слога имени нарицательного по сравнению с неударным конечным слогом соответствующего топонима отмечена в 77% реализаций слов, равная длительность конечных слогов — в 14% и меньшая длительность ударного конечного слога имени нарицательного — в 9%. Среднее превышение длительности ударного гласного имени нарицательного по сравнению с длительностью неударного конечного гласного соответствующего топонима составляет 11% (против 43% при сопоставлении ударного и неударного гласных начальных слогов).

Длительность звучания конечного ударного гласного имени нарицательного больше длительности звучания любого неударного гласного того же слова в 95% реализаций имен нарицательных. С увеличением количества слогов в слове разница в длительности ударного и неударных гласных возрастает. Так, в двусложных именах нарицательных ударный гласный больше неударного в среднем на 32%, в трехсложных — на 75%, в четырехсложных — на 155%. Если ударный гласный находится в абсолютном конце слова, разница в длительности еще больше.

Таким образом, на основании сравнения соответствующих ударного и неударного гласных топонимов и одинаковых с ними по набору фонем имен нарицательных можно сделать вывод, что в создании эффекта словесного ударения в турецком языке принимают участие частота основного тона, интенсивность и длительность. Словесное ударение, локализующееся на начальном слоге слова, сильнее ударения на конечном слоге слова.

Сравнение ударного гласного с неударными гласными того же слова подтверждает эти выводы.

Ударный гласный топонима наиболее часто отмечен более высокой в слове частотой основного тона, в большинстве топонимов с закрытым конечным слогом ударный гласный имеет наибольшую в слове длительность. Если же конечный слог топонима открытый, то позиционная длительность конечного неударного гласного нейтрализует длительность ударного гласного. Первый заударный гласный в большинстве случаев обладает наименьшей в слове длительностью. Интенсивность ударного начального гласного топонима в большинстве случаев наивысшая в слове по пику или по площади под огибающей интенсивности.

При локализации ударения на конечном слоге наиболее часто показателем ударенности гласного выступает его длительность, ибо она подкрепляется и позицией гласного в слове. Показателями ударенности гласного являются также более высокая частота основного тона с небольшим интервалом (в среднем 1,1 — около секунды) и большая интенсивность ударного гласного по пику или по площади под огибающей интенсивности.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ПАМЯТНИКИ ТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ АЗИАТСКОГО АРЕАЛА (II)

В опубликованном ранее в журнале «Советская тюркология»¹ сводном указателе памятников тюркской руноподобной письменности из (I) Прибайкалья и бассейна Верхней Лены, (II) бассейна Енисея, (III) Монголии, (IV) Алтая, (V) Восточного Туркестана, (VI) Северной Киргизии и Казахстана, (VII) Ферганы, Алая и Таджикистана были перечислены и кратко аннотированы известные эпиграфические и рукописные тексты и находки последних лет.

Ниже приводятся дополнения, продолжающие в порядковом отношении предложенный каталог. Сохранен прежний принцип подачи материала: памятники распределены по условным географическим регионам, обозначенным римскими цифрами с востока на запад; названия памятников, принадлежность которых к тюркской рунике, по мнению некоторых специалистов, сомнительна, заключены в скобки; в библиографических справках указаны опубликованные и находящиеся в печати работы.

II. Памятники бассейна Енисея

В опубликованном указателе учтены памятники, обозначенные №№ 1—122; нами продолжен перечень памятников, известных специалистам, но не публиковавшихся ранее, а также включены и новые открытия. Некоторые источниковедческие уточнения вносятся в аннотации памятников Е 94, Е 102 — Е 103, Е 106, Е 108, Е 120, Е 122.

Е 94. Йур-Сайыр II. В 1977 году памятник доставлен в Тувинский республиканский краеведческий музей сотрудниками Эпиграфической экспедиции Института востоковедения Академии наук СССР и Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Е 102 — Е 103. Псалий и бляшка из кургана Аржан II. Предметы находятся в Государственном Эрмитаже на временном хранении среди находок Красноярской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР.

Е 106. Стела из окрестностей Черби. В 1977 году памятник доставлен в Тувинский музей.

¹ См.: Д. Д. Васильев. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 71—81.

Е 108. Уюк-Оорзак I. Предварительный вариант чтения текста памятника был предложен З. Б. Чадамба в ее докладе на Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате: «Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР» (Тезисы докладов и сообщений) Алма-Ата, 1976, стр. 107—108.

Е 120. Стела, установленная в экспозиции Красноярского музея в зале «Древнейшее прошлое края», была определена нами как памятник, найденный в 1904 году Б. Н. Туровым в местности Тургутюн, близ деревни Яновой (Хакасская АО). Расколота на две части, стела была доставлена тогда же автором находки в Красноярский музей, где в настоящее время сохранился только нижний фрагмент плиты. Памятник не опубликован.

Е 122. Надпись на оградке изваяния близ Ийме. Наименование местности, где установлен памятник, — Кёжээ-Шолу.

Е 123 — Е 125. Тепсей VIII—X. Не публиковавшиеся ранее надписи из комплекса горы Тепсей (на нижней части склона, обращенного к устью реки Тубы) изданы. См.: Д. Д. Васильев. Еще о древнетюркской эпиграфике Тепсея. — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 79—81.

Е 126. Тепсей XI. Надпись в одну строку, расположенная в верхней части склона горы Тепсей, обращенного к устью реки Тубы, в небольшой естественной нише. Была обнаружена и скопирована в 1967 году Я. А. Шером. Публикация надписи находится в печати.

Е 127. Металлическое зеркало V. Среди списанных фотографий Минусинского музея в 1974 году найдена старинная фотография (сепия) зеркала белой бронзы с этикеткой на обороте «Минусинск. 1905 г.». На краю зеркала надпись из пяти рунических знаков. В старой инвентарной книге эта фотография записана под инвентарными №№ 214, 215 как «Снимок Федорова из коллекции Кузнецова-Красноярского»². Копия фотографии была выполнена нами в 1977 году, публикация готовится к печати.

Е 128. Металлическое зеркало VI. Фрагмент зеркала, хранящийся в Минусинском музее под инвентарным № 5147. Надпись состоит из двух знаков на свободном поле у бортика. Фрагмент зеркала публиковался, но рунический текст при издании памятника не был упомянут³.

Е 129. Металлическое зеркало VII. Фрагмент зеркала трапециевидной формы, составленный из двух обломков, был найден в конце прошлого века у деревни Монок на территории Минусинской котловины. Фрагмент хранится в фондах Минусинского музея под инвентарным № 5148. Надпись состоит из одной строки, расположенной по бортику зеркала. Достаточно отчетливо просматриваются только шесть знаков, остальные изгладились и трудно различимы. Фрагмент зеркала публиковался, но рунический текст в издании памятника не упоминался⁴.

Е 130. Металлическое зеркало VIII. Квадратное зеркало с отбитым уголком хранится в Минусинском музее под инвентарным № 5195. Надпись состоит: из трех знаков, нанесенных тонкими царапинами на свободном поле угловой части у бортика; одного знака, нацарапанного между иероглифами около скола; и пяти знаков, расположенных строкой по бортику. Надпись на бортике более сглажена, чем остальные. В издании

² Сведения о памятнике любезно сообщены нам сотрудником Минусинского музея Н. В. Леонтьевым.

³ Е. И. Лубо-Лесниченко. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975, № 86.

⁴ Там же, № 89.

памятника надпись на бортике не отмечена, а надпись на свободном поле в углке зеркала зафиксирована не полностью⁵.

Е 131. Бронзовый наличник, являющийся деталью сруи, был найден в большом комплекте аналогов в погребении у деревни Черемушка, в 15 км к юго-западу от поселка Каратуз (Хакасская АО), и в 1904 году поступил в Минусинский музей, где хранится в фондах (инвентарный № 6144). Надпись состоит из одной строки (3—4 знака), занимающей почти всю свободную поверхность плоскости. Текст нанесен тонкими царапинами, восстанавливается полностью, не опубликован.

Е 132. Уйбат VII. Каменный столб из песчаника с фрагментом надписи был впервые обнаружен М. Х. Кастреном на территории Уйбатского чаа-таса. В 1938 году во время обследования и раскопок чаа-таса Саяно-Алтайской экспедицией фрагмент надписи был отмечен на каменном столбе, вкопанном у середины северной стороны кургана № 1⁶. Памятник был осмотрен и скопирован нами в 1977 году.

Е 133. Камень с надписью из Копенского чаа-таса. Плита из песчаника с фрагментом надписи была обнаружена на территории чаа-таса, в северо-западном углу кургана № 10⁷. Поверхность, на которую была нанесена надпись, разрушена выветриванием, и реконструировать текст в настоящее время невозможно.

Е 134. Усть-Сос. Песчаниковая плита, установленная на территории поселка Усть-Сос (Хакасская АО), зафиксирована в 1963 году. Копия текста была выполнена Я. А. Шером и любезно передана им автору для прочтения. Надпись состоит из одной строки, длиной 52 см, некоторые знаки в начальной части текста значительно пострадали от выветривания. Памятник подготовлен к изданию.

Е 135. Усть-Кулог. Наскальная надпись была обнаружена в начале века И. Т. Савенковым на обрывистом утесе у впадения в Енисей его правобережного притока реки Кулог (в местности, названной И. Т. Савенковым «щель Тесь»)⁸, близ впадения в Енисей более крупной реки Тесь, напротив и несколько севернее поселка Новоселово. Надпись была вторично обнаружена в 1966 году Я. А. Шером, скопирована им и отснята на пленку. Текст состоит из двух строк, расположенных вертикально; памятник подготовлен к печати.

Е 136. Мугур-Саргол. Наскальная надпись была найдена в 1973 году Б. Н. Пяткиным в урочище Мугур-Саргол, на левом берегу Енисея, в 7 км выше устья реки Хемчик⁹. В 1976 году она была заново обнаружена сотрудниками одного из отрядов Саяно-Тувинской археологической экспедиции Академии наук СССР (начальник отряда М. А. Дэвлет). Надпись состоит из двух строк, выполнена тонкими глубокими линиями. Памятник опубликован; см.: Н. А. Баскаков. Наскальная руническая надпись в Терезеннике-бююк урочища Мугур-Саргол Тувинской АССР. — «Советская этнография», 1978, № 3, стр. 152—154.

Е 137. Крес-Хая. Наскальная надпись была известна с 1959 года А. Н. Липскому. Памятник фиксировался также Л. Р. Кызласовым, ско-

⁵ Э. Р. Рыгдылон. Китайские знаки и надписи на археологических предметах. — «Эпиграфика Востока», V, 1951, стр. 118—119, рис. 8; в издании Е. И. Лубо-Лесниченко — № 21 (библиография памятника дана ошибочно).

⁶ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 25.

⁷ Там же, стр. 33.

⁸ И. Т. Савенков. О древнейших памятниках изобразительного искусства Енисея. М., 1910, стр. 101.

⁹ Б. Н. Пяткин тогда же продемонстрировал находку С. Г. Кляшторному и автору.

пирован им и передан для расшифровки А. М. Щербаку, которому принадлежит первое упоминание памятника в печати¹⁰. Надпись высечена на скале Крес-Хая, в Ширинском районе Хакасской АО, в окрестностях озера Фыркал. Памятник не опубликован.

Е 138. Кара-Юс II. Наскальная надпись на холме Озерская-гора, расположение которого, близ известной Сулекской писаницы, показано еще в альбоме Я. Аппельгрена-Кивало¹¹. Найдена в 1975 году Н. В. Леонтьевым; состоит из двух строк, расположенных на северном склоне горы. Памятник подготовлен к изданию.

Е 139. Чаптыковский камень. Стела из бурого песчаника была обнаружена в 1906 году М. И. Райковым, который сообщил о находке сотрудникам Минусинского музея. В архиве Минусинского музея в переписке И. Т. Савенкова (д. 22) имеется упоминание об этой находке. Дополнительные сведения по исследованию памятника остались нам не известны¹². Памятник был обнаружен на территории чаа-таса на правом берегу реки Абакан, в 2 км от устья речки Беи, плита повалена и по краям заплывла дерном. В 1973 году камень был осмотрен автором, текст скопирован им на доступной для осмотра поверхности. Надпись высечена широкими бороздками в одну строку и значительно разрушена выветриванием. Памятник подготовлен к изданию.

IV. Памятники Алтая

В опубликованном указателе учтены памятники, обозначенные №№ 1—14.

15. Сосуд из долины реки Юстыд. Серебряный сосуд найден в 1976 году при раскопках курганного погребения. Надпись состоит из одной строки, процарапанной на донышке сосуда. Памятник упоминался в печати, подготовка текста к изданию ведется В. М. Надеяевым¹³.

VII. Фрагменты из Ферганы, Алая и Таджикистана

В опубликованном указателе учтены памятники, обозначенные А. №№ 1—16; Б. № 1.

А

17. (Калаи-Кафирниган II). Надпись на венчике хума найдена в 1976 году Б. А. Литвинским, текст состоит из двух графем и имеет ряд черт, сближающих его с памятником № 16 (Калаи-Кафирниган I). Памятник не опубликован.

¹⁰ А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — «Тюркологический сборник. 1970», М., 1970, стр. 117.

¹¹ Н. Appelgren-Kivalo. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reisen in Siberien und der Mongolei, 1887—1889. Helsingfors, 1931, стр. 65.

¹² Упоминание памятника в печати см.: А. М. Щербак. Указ. раб.

¹³ См.: В. Сапов. Загадки древних курганов. — Газ. «Правда», 9.1.77 года.

РЕЦЕНЗИИ

И. ҚУЧҚОРТОВ. СУЗНИНГ МАЪНОСИ ВА УНИНГ ВАЛЕНТЛИГИ (ЎЗБЕК ТИЛИДАГИ НУТҚ ФЕЪЛЛАРИ АСОСИДА)

ТОШКЕНТ, 1977, 167 стр.

Системно-структурный метод исследования различных языковых единиц, прочно утвердившийся в русской и европейской лингвистике, ныне приобретает все большее распространение и в узбекском языкознании. За последние десять лет в работах Ш. У. Рахматуллаева, С. Усманова, М. Миртаджиева и других неоднократно рассматривались такие фундаментальные вопросы системного подхода к изучению языка, как дифференциация языка и речи, разграничение языковых и речевых единиц, понятие о системе в применении к фактам узбекской грамматики, лексические и грамматические оппозиции и т. д. Эти работы свидетельствуют о качественно новом этапе в развитии узбекского языкознания, ставящем в настоящее время своей целью уже не сбор и упорядочение фактического языкового материала, а выявление взаимоотношений языковых единиц, обуславливающих разнообразие, нередко взаимоисключающие по своему характеру, случаи их конкретных речевых манифестаций.

Однако существенным недостатком некоторых системно-структурных работ узбекских языковедов является отсутствие всесторонне осознанной, единой методологической основы и последовательно проводимой методики интерпретации языковых и речевых явлений. Статьи И. Кучкартаева, опубликованные после 1970 года, обобщением которых является рецензируемая монография, счастливо избежали этого недостатка.

И. Кучкартаев подходит к изучению лексики как системы, а значение слова рассматривает как сложное единство, состоящее из определенным образом структурно организованных сем (элементов значения, дифференциальных признаков), последовательно применяя при описании лексических значений метод компонентного анализа.

Рецензируемая монография состоит из краткого предисловия, двух глав, принципиально отличающихся друг от друга как

по материалу, так и по характеру, подробной библиографии, охватывающей 332 наименования.

Первая глава («Лексическое значение и его валентность») посвящена анализу существующих точек зрения по ряду важнейших проблем современной системной семасиологии. Во второй главе («Семантическая система глаголов речи») рассматриваются интегральные (идентифицирующие) и дифференциальные (различительные) семы, релевантные и иррелевантные признаки каждого глагола речи в узбекском языке в его отношениях к другим элементам (словам) в пределах своей под- и подподгруппы.

Первая глава состоит из следующих четырех разделов, каждый из которых завершается выводами: 1) «Лексическая единица языка» (стр. 4—20), 2) «Семантика слова» (стр. 21—37), 3) «Лексическое значение (семена) и его сущность» (стр. 37—56), 4) «Структура лексического значения (семемы)» (стр. 56—74).

Первый раздел посвящен определению слова, анализу существующих точек зрения по данному вопросу в лингвистике. Автор scrupulously и критически рассматривает данные многими языковедами определения слова (А. Мейе, П. С. Кузнецовым, А. И. Смирницким, В. В. Виноградовым и др.), на материале узбекского языка иллюстрирует пределы применимости комплексных, фонетических, морфологических определений слова, показывает противоречия, порождаемые каждым определением. Остановившись на взглядах Ф. де Соссюра, Ж. Вандриеса, Л. В. Щербы, И. Кучкартаев критикует высказанное ими мнение о невозможности разработки единого определения слова, охватывающего все его стороны и пригодного для всех языков (так называемого универсального определения). Сам автор выделяет в качестве основного признака номинативную функцию слова и, в целях разграничения его от других номинативных единиц, определяет сло-

во как «минимальную номинативную единицу языка» (стр. 18). Однако это определение нельзя считать универсальным. Когда речь идет о сложных словах типа *белбог*, *Каттақұрған*, не говоря уже о фразеологизмах типа *оқ билек* (рассматриваемых и И. Кучкартаевым) и аналитических формах типа *қилиб қуйди*, данное определение непригодно, так как их компоненты могут выступать в качестве самостоятельных «минимальных номинативных единиц», то есть самостоятельных слов. Для разграничения сложных слов, фразеологизмов от словосочетаний и предложений необходимы уже другие критерии (в частности, фонетические, морфолого-синтаксические, семантические и пр.). В таких случаях И. Кучкартаев опирается на семантический признак (стр. 20). Таким образом, решение вопроса о том, является ли та или иная единица словом, основывается фактически на интуиции исследователя. Отметим, что номинативную функцию выполняют не только слова (это признает и автор монографии и поэтому вводит определение «минимальная единица»), но даже и не все слова. Как известно, различные типы местоимений, вспомогательных слов (включая вспомогательные глаголы), междометий и т. д. номинативную функцию не выполняют. Если же номинативную функцию понимать слишком широко как информативную способность элементов, включая и значение служебных слов (которое само по себе является грамматическим), то такой «минимальной единицей» становится уже морфема.

Предпринятая в рецензируемой книге и поддержанная ее рецензентами (см.: журнал «Шарк юлдузи», 1978, № 2, стр. 230) попытка создания универсального определения слова еще раз свидетельствует о невозможности такого универсального определения. Это связано с двумя обстоятельствами: во-первых, с соотношением морфемы и слова с языковыми и речевыми единицами; во-вторых, с внутренними семантико-функционально-структурными особенностями самого слова как основной единицы лексики и грамматики. Остановимся на втором из них.

Не только язык в целом, но и все его единицы, в том числе и слова, являются многоаспектными (многоликими, много-сторонними). Языковые единицы (и слова) обладают различными сторонами (свойствами, признаками), каждая из которых, сближая одну единицу с другой, отличает сравниваемую единицу от третьей. Именно таким образом образуется непрерывная взаимосвязь и взаимопереход языковых элементов, обеспечивается единство единиц каждого уровня и разных уровней, достигается целостность языка. Поэтому всякая единица выступает как единство различных, нередко совершенно противоположных сторон, и единицы одного и того же уровня

могут существенно отличаться друг от друга той или иной стороной. Из этого вытекает, что не только для всех слов всех языков, но даже для всех слов одного и того же языка теоретически невозможно дать универсальное определение. Определения слова должны быть конкретны (в зависимости от цели исследования, той стороны объекта, которая изучается, методологической базы исследователя) и должны отражать различные его стороны (свойства, качества, признаки), релевантные только при таком подходе к объекту изучения, ибо то, что является определяющим при одном подходе, может быть совершенно несущественным (нередко даже вводящим исследователя в заблуждение) при исследовании данного объекта в ином аспекте и с иной установкой. Например, при машинном подсчете слов текста как единственно верное определение (только для такого подхода) может быть принято следующее: «слово — это цепочка букв от пробела до пробела».

Существование различных дефиниций (определений) одного и того же объекта, с точки зрения диалектики, не противоречие, а отражение объективной многогранности, внутренней противоречивости данного объекта. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах»¹ и приводил цитату из «Науки логики» Гегеля: «Чем богаче определяемый предмет, т. е. чем больше различных сторон представляет он для рассмотрения, тем более различными могут быть выставляемые на основе их определения»². Именно поэтому ряд выдающихся лингвистов, в том числе и академик Л. В. Щерба, отказывается от универсального определения слова, и именно поэтому И. Кучкартаев в своем исследовании за основу определения слова берет функционально-семантический критерий. Для системной семасиологии — для исследования значения слова как элемента определенной микросистемы — семантико-функциональное определение является единственно верным, оно позволяет глубже изучать взаимоотношения структурно различных, семантически общих элементов одного семантического поля. Однако это не может служить основанием ни для отрицания других существующих определений (которые отражают другие стороны слова), ни для выдачи семантико-функционального определения за универсальное.

Второй раздел данной главы посвящен анализу природы семантики слова в современном языкознании. И. Кучкартаев на основании ныне уже утвердившегося поло-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое, т. 29, 1963, стр. 216.

² Там же.

жения об асимметрическом дуализме лингвистического знака показывает недостаточную обоснованность рассмотрения слова как моносемантической единицы, а также отрыва разных значений одного и того же слова друг от друга, сведения различных оттенков значений слова исключительно к его синтагматическим связям (стр. 21—27). Здесь автор уделяет большое внимание выявлению сети взаимосвязи разных типов значений одного и того же слова. Для выявления взаимосвязи основного (прямого) и производного значений он пользуется методом компонентного анализа, рассматривающего семантику слова как целостную систему, состоящую из определенных образом структурно организованных сем — элементов (компонентов, множителей) значения. Прямые и переносные значения одного и того же слова непременно связываются общими семами (стр. 28—29). Автор показывает, что в разных типах значения слова одна и та же сема занимает разное место. Например, в основном значении слова *бўта* «верблюжонок» (<«верблюд + маленький») сема «верблюд» выполняет идентифицирующую функцию, а вторая сема («маленький») — дифференцирующую; в переносном значении слова *бўта* «дита (ласкательное)» сема «маленький» выполняет уже идентифицирующую функцию (стр. 29).

И. Кучкартаев выделяет три типа полисемии в зависимости от взаимосвязи производного и основного типов значения слова: 1) радиальную [когда производное значение слова основывается на семях слова в его прямом (основном) значении], 2) цепную (когда одно производное значение основано на семях другого производного значения слова), 3) смешанную — радиально-цепную. Он дает практически ценные советы относительно порядка передачи значений полнсемантического слова в толковых и двуязычных словарях (стр. 32), выявляет дихотомические и синхронистические элементы в соотношении разных типов значений слова.

Третий раздел главы посвящен анализу лексического значения слова, именуемого автором «семема» (стр. 39) и толкуемого им как основная функциональная единица содержательного плана языка. Здесь автор резко и справедливо критикует сторонников тех направлений языкознания (отчасти и философии), которые идентифицируют значение слова с обозначаемой им реальей (стр. 39 и далее), подробно останавливается на младограмматической и знаковой концепциях значения слова (стр. 43—47) и дает психологическое определение семемы (лексического значения): «Семема — идеальная структура, возникающая в результате объединения свойств элементов объективной действительности, отражаемых человеческим сознанием» (стр. 49). Из этого определения следует, что семема является категорией отражательной (стр. 49) и, собственно говоря, приравнивается к понятию. На страницах 53—54 термины «лексическое значение», «семема», «понятие», «информация, сообщаемая словом» употребляются как полные синонимы. Такое, довольно распространенное, понимание лексического значения спорно, так как последовательное проведение этого понимания приводит к отождествлению содержательной стороны языка с мышлением. Забегая вперед, отметим, что сам автор в практической исследовательской части работы (глава II) руководствуется иным — системным пониманием лексического значения, которое, исходя из способа выявления дифференциальных сем каждого слова в работе, можно сформулировать как «информативная значимость (ценность) слова, в пределах определенного лексико-семантического поля, вытекающая из его взаимоотношений с другими элементами данного поля». Такой подход к пониманию лексического значения очень перспективен для развития системной семасиологии.

Четвертый раздел главы посвящен рассмотрению вопросов структурно-иерархической организации элементов семантических полей и сем отдельной семемы, более подробно изложению методики компонентного анализа. В связи с этим автор останавливается на важном вопросе системной лингвистики — на оппозитивности как способе реализации парадигматических отношений в языке и как средстве выявления дифференциальных сем взаимно противопоставленных единиц. Особо следует подчеркнуть, что семема понимается И. Кучкартаевым не как простая сумма сем, а как структурно сложное целое (стр. 65—71). Вскрывая структурную организацию этого сложного целого, автор выделяет общие (интегральные), дифференциальные и дополнительные семы, показывает диалектический (относительный, конкретный) характер взаимоотношения интегральных и дифференциальных сем (стр. 70).

В заключении этого раздела И. Кучкартаев рассматривает семантико-синтаксическое понятие валентности слова, показывает ее отличия от управления (стр. 72—73), выделяет синтаксически реализующиеся (то есть эксплицитно выражаемые в составе предложения) и не реализующиеся (то есть имплицитные, подразумеваемые) валентности (стр. 74).

Во второй главе работы глаголы речи узбекского языка подразделяются на следующие группы: 1) ядерное слово всех глаголов речи (глагол *де-*), 2) глаголы говорения (ядерное слово *сўзла-||гапир-||сўйла-*), 3) глаголы сообщения (*айт-*), 4) глаголы произношения (*талаффуз қил-*), 5) глаголы речевой оценки и эмоционального отношения, 6) глаголы подражания речи, 7) глаголы взаимной речи, 8) глаголы молчания, которые, в свою очередь, подразделяются на многие под- и подподгруппы.

Выделяются также дифференциальные семы и контексты употребления, семантико-стилистические оттенки, прямые и переносные значения многочисленных глаголов

речи и фразеологизмов узбекского языка, связанных с речевой деятельностью. Охват материала в монографии можно считать исчерпывающим: автор останавливается даже на тех глаголах, которые соприкасаются с глаголами речи только на основе своих переносных значений.

Монография И. Кучкартаева знакомит узбекского читателя с узловыми спорными

положениями современной системной семиологии, применяя ряд ее положений и достижений к исследованию конкретного узбекского материала. Она, несомненно, будет способствовать дальнейшему внедрению системно-структурных методов исследования в узбекское языковедение.

Х. Г. Нигматов, Э. Қиличев

У. ДОСПАНОВ. ҚАРАҚАЛПАК, ТИЛИ ТУСЛИК ДИАЛЕКТИНИҢ ЛЕКСИКАСЫ

«ҚАРАҚАЛПАҚСТАН» БАСПАСЫ, НӨКИС, 1977, 263 стр.

Исследования диалектов и говоров тюркских языков позволяют, как известно, установить историю и закономерности их развития, что в значительной мере способствует правильному решению и ряда теоретических проблем языкознания.

В работе автор поставил задачу — выявить лексические особенности южного диалекта каракалпакского языка в сопоставлении с литературным языком, сформировавшимся на базе общенародной каракалпакской разговорной речи. Объект исследования — разговорная речь каракалпакцев, проживающих на территории Турткульского, Бирунийского и Амударьинского районов Каракалпакской АССР.

Лексика южного диалекта каракалпакского языка по своему составу и характеру существенно отличается от лексики северного диалекта, в котором преобладают слова, исконные для каракалпакского языка. В южном же диалекте каракалпакского языка функционирует большое количество слов, вошедших в обиход в результате общения с местными жителями — узбеками и туркменами. Лексика южного диалекта обнаруживает также четкие изоглоссы соприкосновения с северным диалектом.

В первой главе рассматривается история изучения каракалпакского языка и его южного диалекта. Каракалпакский язык вместе с казахским и ногайским относится к кыпчакско-ногайской подгруппе и содержит в себе черты, присущие печенежскому, половецкому и кыпчакскому языкам. По мнению ряда исследователей, окончательное становление и нормирование каракалпакского литературного языка произошло в 40-е годы XX века.

В первой главе работы У. Доспанова освещается вопрос об этнографическом, генеалогическом и этническом составе жителей южных районов Каракалпакии, дается описание групп, племен, родов, их тамг и боевых кличей, указываются места их исторического переселения и оседания, характеризуются экономика, культура и быт населения ареала южного диалекта.

Вторая глава посвящена рассмотрению тематических групп лексики южного диалекта. Автор отмечает, что значение и функция каждого диалектного слова взаимно обусловлены. Функция слова в контексте или вне его нуждается в сопоставлении и указании границ значения.

Лексика южного диалекта отличается исключительным богатством и своеобразием. В ее составе выделяются следующие наиболее крупные тематические группы: слова, связанные с сельским хозяйством, животноводством, ирригацией, названия птиц, животных, растений, предметов домашнего обихода, тканей и одежды, частей человеческого тела и т. д.

Наряду с этими тематическими группами автором рассматриваются лексические пласты, включающие диалектные омонимы, антонимы, синонимы, эвфемизмы, устаревшую лексику, идиоматические и фразеологические сочетания, слова арабо-иранского происхождения, заимствования из других тюркских языков и т. д.

Третья глава монографии У. Доспанова посвящена терминологии родства. Следует отметить подлинно научный характер толкования слов-терминов родства в каракалпакских диалектах. У. Доспанов обнаруживает хорошее знание теоретических работ

по терминологии родства¹ и освещает широкий круг вопросов, связанных с историей и этнографией носителей каракалпакского языка на территории Каракалпакской АССР.

В работе излагаются цели исследования южной диалектной лексики, основные принципы формирования терминологии каракалпакского литературного языка, дается описание лексико-семантических значений слов-терминов, что имеет практическое значение не только при определении лексической системы каракалпакского языка, но и для составления его многотомного толкового словаря.

Многие слова-термины в лексике южного диалекта, безусловно, образовались на базе каракалпакского народного языка. Однако определенная часть этих терминов является либо общей для многих тюркских языков, либо заимствованной из некоторых

из них, а также русского языка. Как известно, названия орудий производства и отдельных хозяйственных принадлежностей никогда не возникают вне связи с практикой их использования.

Автор касается также вопроса об изменении слов-терминов, указывает на параллельное употребление ряда терминов, дифференциацию значений некоторых родственных слов-терминов.

В четвертой главе монографии анализируется отношение лексики южного диалекта к литературному каракалпакскому языку. Литературный язык складывается на основе того или иного диалекта или говора. В формировании каракалпакского литературного языка значительная роль принадлежит северному и южному диалектам.

В данной главе рассматриваются также дублетные варианты, лексические изоглоссы южного диалекта, противопоставленные и непротивопоставленные семантические диалектизмы и т. д.

Автор делает попытку определения места южного диалекта в ряду диалектов в сопоставлении с литературным языком. К исследованию прилагаются транскрибированные тексты, схемы расположения этнических групп, диалектологический словарь, список информаторов.

Сопоставительное изучение собранных автором материалов с ранее опубликованными позволяет ему сделать вывод об активном процессе нивелировки южного диалекта под воздействием каракалпакского литературного языка. Это воздействие осуществляется по различным каналам — через радио, прессу, телевидение и др.

Работа У. Доспанова «Лексика южного диалекта каракалпакского языка» является ценным исследованием в области изучения каракалпакской диалектологии и истории каракалпакского языка. Она, несомненно, с интересом будет встречена специалистами.

А. Тажмуратов, Т. Бегжанов

«ПАРЕМИОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА»

ВЫПУСК I. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ПАРЕМИОЛОГИИ. СОСТАВИТЕЛИ А. М. БУШУИ, Р. Х. САЛИМОВА,
Р. Т. САТТАРОВА, ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. М. БУШУИ.
САМАРКАНД, 1978, 209 стр.

Самарканд давно уже считается одним из крупных центров изучения фразеологии. Немалая заслуга в этом принадлежит научной деятельности ныне покойного профессора Л. И. Ройзензона. Здесь сложи-

лась собственная фразеологическая школа с определенной научной специализацией. Одной из «монополий» самаркандской школы является кропотливый и чрезвычайно трудоемкий поиск информации об устойчи-

вых словосочетаниях. Результаты этого поиска уже реализовались в издании ряда ценных библиографических указателей¹.

Рецензируемый библиографический указатель литературы по паремиологии, посвященный 100-летию со дня рождения Садриддина-Саид-Мурадзоды Айни и десятилетия Самаркандского университета, продолжает начатую Л. И. Ройзензоном серию. В то же время этот указатель представляет собой уже справочник нового типа, и новизна его прежде всего в «региональной» приуроченности.

Составители указателя стремились с максимальной полнотой отразить работу по узбекской паремиологии за последние годы. В нем содержится: информация об издании сборников пословиц и поговорок, крылатых слов и афоризмов, о публикации исследований фразеологического характера, рецензий на труды, относящиеся к данной проблематике, и т. п. Хронологические рамки не препятствуют включению и важнейших работ по узбекской паремиологии, написанных ранее, таких, например, как сборник энтузиаста-коллекционера прошлого века Н. П. Остроумова. Это, несомненно, повышает информативную ценность издания.

Обобщая достижения узбекских ученых в области паремиологии за тридцать лет, составители привлекают и материалы, выходящие за рамки «узбекской паремиологии». В указатель вошли как общетеоретические работы по данной проблематике, так и паремиологические штудии по многочисленным языкам разных систем: тюркским, славянским, индийским, иранским, германским, романским, кавказским, финно-угорским, алтайским, монгольским и т. д. (всего по семидесяти языкам). Такой аспект паремиологической информации дает составителям возможность наиболее полно отразить успехи узбекских языковедов и придает книге юбилейный характер.

Другой особенностью рецензируемого указателя, выгодно отличающей его от предшествующих, является расширение справочного аппарата. По сути дела его составители выступают авторами весьма подробных аннотаций, включенных в книгу материалов. Особенно детально представлены сведения о сборниках народных узбекских пословиц и поговорок М. Афзалова, С. Иброхимова, С. Худойберганава, Р. Д. Жуманиязова, Э. Сиддикова, М. Фозилова и др. Эти сборники аннотируются в целом, описывается их структура и даже подсчитывается количество паремий, относящихся к тому или иному тематическому ряду. К сожалению, характеризуются далеко не все источники; так, например, отсут-

ствуют аннотации сборников Н. Гребнева, Вл. Кыппа, Г. Пермякова и некоторых других.

Указатель имеет ярко выраженную реферативную направленность и это, несомненно, его достоинство. Весьма содержательна обзорная статья А. М. Бушуй «К вопросу библиографического описания паремиологии Узбекистана», в которой дана развернутая оценка достижений узбекских языковедов в данной области.

Структура сборника хорошо продумана. Она отражает основные аспекты научного исследования паремиологии и в то же время дифференцирует их по языкам и более частным проблемам. В первой главе приводится перечень библиографических источников по узбекской паремиологии; во второй главе систематизируются теоретические работы (например, по общим вопросам паремиологии, сравнительно-сопоставительному изучению паремий, ареальной паремиологии); в третьей — приводятся труды по паремиологической стилистике; в четвертой — описываются работы по переводу паремий; в пятой — систематизируется материал по отдельным языкам (с особым акцентом на тюркские языки); в шестой — нашли отражение исследования, в которых дается семанτικο-тематическая классификация паремий узбекского языка; седьмая глава посвящена афористике (особо выделен раздел «Афористика Алишера Навои»); в восьмой — систематизируются труды по паремиографии, с учетом не только собственно паремиологических материалов, но и таких общих лексикографических источников, как пятитомный «Русско-узбекский словарь», «Каракалпакско-русский словарь» и т. д.

При пользовании указателем ориентацию значительно облегчают индексы: «Паремиологи Узбекистана» (229 имен), «Языки, на материалах которых проводятся в Узбекистане паремиологические исследования» (свыше 70 языков), «Творцы афоризмов» (446 имен) и «Краткий паремиологический словарь». Последний индекс — одно из справочных новшеств данного указателя. Этот словарь дает образцы паремий нескольких языков или языковых групп (узбекского, русского, крымско-татарского, германских и романских языков), изучение которых получило отражение в указателе. Кроме того, особыми подразделами этого словаря-индекса являются «Образцы восточной афористики на узбекском языке» (составила М. А. Разаева), «Пословицы и афоризмы о В. И. Ленине» (составила Т. А. Бушуй), дополняющие этот свод паремиологических образцов.

Отмечая несомненную ценность и полезность подобного индекса, позволим себе сделать следующее замечание. Дело в том, что этот индекс [так же как и индекс в «Библиографическом указателе...» А. М. Бушуй (1976)] не дифференцирован. В нем, можно сказать, на равных правах приводятся как паремии, «промелькнувшие» в

¹ См. последний из них, в котором указаны и предыдущие указатели: А. М. Бушуй. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии, кн. IV. Самарканд, 1976.

одном из учтенных в указателе исследований, так и те, о которых написаны специальные очерки, освещающие их этимологию, историю, функционирование, специфику и т. п. Желательно в будущих изданиях четко дифференцировать эти две группы описаний паремий, что послужит доброй службой историкам языка.

Видимо, требует уточнения и заглавие указателя в индексе «Паремиологи Узбекистана» (стр. 172—175), могущее создать у читателя впечатление, что такие исследователи, как И. Г. Добродомов или Г. Л. Пермяков (работающие в Москве), А. С. Аксаметов (Минск) или А. С. Юрченко (Харьков), являются узбекскими паремиологами. Авторам, видимо, следовало предпослать данному индексу хотя бы соответствующую оговорку.

В целом указатель отличается точностью воспроизведения паремий разных языков. Можно отметить лишь отдельные ошибки, связанные, видимо, и с типографскими возможностями (книга издана на ротапринтере).

Так, в чешских примерах на странице 36 вместо *hotová Sodoma a Gomora, Pandorina skřínka, bloudí jako Ahaster* читаем: *Hotová Sodoma a Gomora, Pandorina skřínka, Blondý jako Ahaster*. Отдельные недочеты, разумеется, не снижают общей научной ценности этого серьезного библиографического справочника. Известно, какое большое значение для современной тюркологии имеет оперативная библиографическая информация².

С выходом рецензируемого издания тюркологи получили еще один ценный справочник, который, несомненно, станет настольной книгой для специалистов в области паремиологии.

В. М. Мокиенко

² См. об. этом: А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, стр. 9.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

5—6 сентября 1978 года в Чебоксарах состоялась научная сессия «Проблемы исторической лексикологии чувашского языка», организованная Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР и историко-филологическим факультетом Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Наряду с чувашскими лингвистами и историками в сессии приняли участие ученые Москвы, Казани, Ижевска, Йошкар-Олы, Элисты, а также Сегедского университета Венгерской Народной Республики.

Организаторы научной сессии рассматривали ее как определенный и необходимый этап в работе над созданием полного «Этимологического словаря чувашского языка», к которой приступил большой научный коллектив, включающий, кроме чувашских лингвистов, и ученых-тюркологов из Москвы и Сегедского университета Венгрии. Эта целенаправленность нашла отражение в работе сессии, где наряду с конкретными вопросами истории чувашской лексики широко обсуждались исходные теоретические установки и методические принципы составления этимологического словаря.

Большой круг теоретических и методологических вопросов нашел отражение в докладе А. Рона-Таша (Сегед, ВНР) «Проблемы хронологизации лингвистических процессов и источники изучения истории лексики чувашского языка».

Исходя из положения, что реконструированный язык никогда не может быть полностью идентичным реально существовавшему, докладчик указал на необходимость четко различать прототюркский язык как результат реконструкции и пратюркский язык как самое древнее состояние тюркской языковой системы. Прото-язык — это всегда проекция фактов различной хронологической и пространственной характеристики на синхронном экране.

А. Рона-Таш предложил схему периодизации истории тюркских языков, особенно

подробно остановившись на этапах развития болгарского языка, являющегося предшественником чувашского. Наиболее древний, праболгарский период, начавшийся в I веке до нашей эры, продолжался до миграции в IV веке нашей эры болгарских племен в юго-западном направлении. В последующем древнеболгарском периоде необходимо различать два подпериода: раннедревнеболгарский — до появления онугур-булгар в Прикавказье (460-е годы нашей эры) и позднедревнеболгарский — с основания древнего онугурско-булгарского племенного союза до нашествия монголов на Волжскую Булгарию. С этого времени начинается среднеболгарский период, продолжавшийся до падения Казанского ханства. Последующий новоболгарский период можно назвать уже собственно чувашским. Докладчик привел подробную историко-лингвистическую аргументацию в пользу указанной периодизации и отметил необходимость выделения более дробных этапов в пределах последних трех периодов.

Большое место в докладе А. Рона-Таша занял анализ источников для изучения истории чувашской лексики и языка в целом.

С докладом «Фонетика общетюркской лексики в чувашском языке» выступил В. И. Котлеев (Чебоксары). Он отметил, что для изучения этимологии крайне необходимо хорошее знание истории фонетических процессов, происходивших в семье родственных языков, и их отражения в данном языке, ибо достоверность той или иной конкретной этимологии зависит прежде всего от правильности фонетической реконструкции. Это особенно важно для чувашского языка, поскольку он фонетически значительно отличается от всех других тюркских языков.

Докладчик подробно остановился на анализе фонетики общетюркской лексики в составе современного чувашского языка. Выявленный с помощью лексикографических и лексикологических источников общетюркский пласт чувашской лексики был

проанализирован докладчиком с точек зрения: общей фонетической характеристики (слоговая структура, узкорядность — широкорядность); состава гласных и согласных фонем, встречающихся в словах; фонотактических свойств (употребляемость фонем и их комбинаций в структуре слова); частотности фонем; проявления установленных для чувашского языка в целом фонетических закономерностей; просодических свойств (место ударения); чувашско-тюркских звуковых соответствий. Выяснение этих вопросов позволяет составить более или менее полную фонетическую характеристику общетюркской лексики в чувашском языке в отличие от других тюркских языков.

В докладе *Л. П. Сергеева* (Чебоксары) были рассмотрены вопросы использования диалектных фактов чувашского языка при разработке вопросов исторической лексикологии и диалектологии. Значительное внимание докладчик уделил проблемам изучения с помощью диалектных материалов языковых контактов и лексических проникновений. Чувашский язык и его говоры в ходе исторического развития контактировали со многими языками. В результате контактов в их лексическую систему проникло много заимствований. Иноязычные элементы часто вытесняли слова исконного лексического фонда, однако часть этих утраченных общенародной лексикой слов сохранилась в говорах чувашского языка, порою как специфические элементы детской речи и семантически затемненные лексические единицы функционально периферийных пластов. Диалектный материал вместе с памятниками старой чувашской письменности в сопоставлении с данными других тюркских языков дает возможность восстановить эти забытые слова.

Вопросу оценки иранского фонда чувашской лексики и проблемам его исследования посвятил свой доклад *М. И. Скворцов* (Чебоксары). Известно немало попыток выявить арабские и иранские элементы чувашской лексики, установить историко-хронологические условия их заимствования и произвести классификацию этих элементов. С наибольшей полнотой иранизмы представлены в «Этимологическом словаре чувашского языка» В. Г. Егорова, содержащем около 150 этимологий на иранской языковой почве. Однако многие иранизмы, особенно диалектные, еще не выявлены; количество таких слов в чувашской лексике, по мнению докладчика, намного больше зафиксированных. В свете новых этимологических штудий вполне реальной представляется цифра в 250—300 непроизводных слов иранского происхождения; количество же словообразовательных дериватов должно быть в несколько раз больше. В докладе были поставлены вопросы, связанные с изучением иранизмов как специфического пласта заимствований. Автор высказался, в отличие от существующей традиции, за раздельное от арабизмов ис-

следование многих иранизмов. Важной проблемой является хронологическая стратификация слов иранского корня в чувашском языке в связи с историей этнических и культурно-языковых контактов предков чувашей с ираноязычными племенами и народами. Необходимо установить критерии разграничения наиболее древних прямых иранских заимствований от последующих проникновений через посредство тюркской языковой среды. Особый интерес представляют древние индо-иранские заимствования в угро-финских языках и их рефлексy в чувашской лексике. Данные иранских языков с их богатой древней письменностью представляют ценный материал для хронологизации фонетических процессов древнейших периодов развития как болгарского, так и других тюркских языков.

В. Д. Димитриев (Чебоксары) в сообщении «Чувашские слова в русских источниках XVI—XVII веков» отметил, что для исследования истории лексики и фонетики чувашского языка и составления его этимологического словаря очень важно выявить ранние письменные фиксации чувашских лексем. Если в словарях и других памятниках письменности XVIII века представлено более 10 тысяч чувашских слов, то лексика памятников более раннего времени пока почти не выявлена. Большой интерес для лингвистов представляет обильный чувашский ономастический материал, в особенности топонимы и антропонимы, содержащиеся в русских документальных и нарративных источниках. Многие топонимы состоят из чувашских слов, сохранившихся в современном словарном составе языка. Приведенный в сообщении алфавитный реестр чувашских слов, извлеченных из источников XVI—XVIII веков, свидетельствует о том, что уже тогда сложились основные черты и особенности лексики и фонетики чувашского языка, а также его диалектов, и развивались низовые говоры с характерным для них уканьем, в противоположность оказавшему верховому наречию.

Ряд сообщений на сессии был посвящен проблемам межъязыковых взаимоотношений и лексическим заимствованиям из чувашского (болгарского) и в чувашский язык.

А. П. Феоктистов (Москва) остановился на вопросе о подаче тюркизмов в «Этимологическом словаре мордовских языков». Этот словарь с 1976 года включен в план научного сотрудничества советских и венгерских лингвистов. Он разрабатывается совместно в двух институтах языкознания — Академии наук СССР и Венгерской Академии наук. В словаре должна найти отражение не только эндогенная, но и заимствованная лексика.

В мордовских языках имеется значительное количество тюркских заимствований, включая древние и относительно древние. В картотеке этимологического словаря мордовских языков зафиксировано более

400 лексем тюркского, в том числе чувашско-булгарского происхождения. Вместе с производными основами число таких слов превышает цифру 600—700. Этот большой лексический пласт будет подвергнут этимологическому анализу, предполагающему установление языка-источника заимствований и времени проникновения последних в словарный состав мордовских языков.

В своем сообщении о булгарских заимствованиях в удмуртском языке *И. В. Тараканов* (Ижевск) отметил, что проблема булгаризмов является одной из слабоизученных в удмуртском языкознании. До сих пор не установлено общее количество булгаризмов в словарном составе удмуртского языка, не разработаны также критерии их распознавания и разграничения от татарских заимствований. Поэтому в исследовании разных авторов указывается различное количество булгаризмов в удмуртском языке. Основываясь на фонетических критериях, докладчик считает возможным включить в число булгаризмов около 200 слов. В тематическом отношении — это бытовая и хозяйственная лексика, социально-экономическая терминология, некоторые разряды абстрактной лексики.

Как отметил докладчик, первая группа булгаризмов была заимствована еще в прапермскую эпоху (VIII—IX века нашей эры), когда коми и удмурты составляли единую языковую общность. Заимствования этой эпохи встречаются во всех пермских языках. Вторая группа более поздних заимствований характерна главным образом для удмуртского и коми-пермяцкого языков. Докладчик подчеркнул, что на основании фонетических особенностей следует выделить в тюркском пласте удмуртской лексики древнетюркский слой: слова, имеющие соответствия в ряде восточных тюркских языков и в древнетюркских памятниках, но отсутствующие в тюркских языках Поволжья.

Р. Ш. Насибуллин (Ижевск) посвятил свое сообщение рефлексам булгарских губных гласных в пермских языках. В диалектах, составивших основу удмуртского литературного языка, на месте булгарских губных гласных *ŭ* (>чув. *ё*) и *у* (>чув. *а*) выступает гласный *у*. Однако в последние годы докладчиком выявлены и другие соответствия этим булгарским губным гласным: в северном, среднем и южном наречиях — *у*, шоншинском, кукморском, бавлинском, татышлинском, ташкичинском, красноуфимском говорах — *ŭ*, бесермянском — *ѳ* (заднеярный вариант гласного *ы*), шагиртском, буйско-таныпском и канлинском — *ы*; в верхнесокольском диалекте коми языка — закрытое *о*, в остальных коми диалектах — *о*. Из исторической фонетики удмуртского языка известно, что пучки изоглосс гласных *у*, *ŭ*, *ѳ* и *ы* дают праудмуртский **ŭ*. Таким образом, можно считать установленным, что булгарские губные гласные **у* и **ŭ* праудмуртским языком были усвоены в виде **ŭ*, а не **у*,

как это считалось раньше на основании материалов литературного языка.

Проблема классификации так называемых «странствующих слов», в связи с их этимологизацией на чувашском языковом фоне, была рассмотрена в сообщении *В. И. Сергеева* (Чебоксары). Основываясь на положении, что заимствование это процесс регулярного использования в одном языке единиц разных уровней структуры другого языка, автор предложил схему классификации «странствующих слов». Она включает следующие их группы: интернационализмы, регионализмы, иррегионализмы, внутренние заимствования. С лексикологической точки зрения, эти слова относятся к единому кругу заимствованных элементов. Однако способы, методика их исследования должны быть дифференцированными в зависимости от конкретных условий функционирования слов каждой из указанных групп. Заимствование слов, с точки зрения современного состояния лексики, — диахроническая проблема. Поэтому при составлении этимологического словаря исследования проводятся в аспекте исторического развития языка. Высказанные положения были проиллюстрированы анализом некоторых чувашских слов, являющихся рефlekсами широко распространенных евразийских культурных терминов. Значительное место в программе научной сессии заняли сообщения об этимологии конкретных чувашских слов и их групп, об отдельных аспектах историко-лексикологических исследований.

Н. И. Егоров (Чебоксары) рассмотрел на алтайском фоне общетюркские корни основы со значением названий времен года: «лето», «весна», «осень», «зима», а также «год». На основе лингвистических и экстралингвистических фактов он проследил развитие современной системы названий времен года в тюркских, алтайских, индоевропейских и картвельских языках.

По мнению автора, первоначально у многих народов в связи с дуалистическим мировоззрением было развито бинарное противопоставление теплого и холодного времени года, в дальнейшем в результате дихотомического подразделения на «лето» и «весну», с одной стороны, и на «зиму» и «осень» — с другой образовалась современная система времен года, состоящая из четырех сезонов. Понятие «год» как единица времени, равная 365 дням, сложилось значительно позже, с возникновением календаря. Общетюркские слова **jāj* 'лето', **jāz* 'весна' и **jāš* 'год, возраст' развились из одного архетипа **lā-*, восходящего к периоду нестратической общности, первоначально означавшего «жар», «огонь», «солнце». Широко распространенное в тюркских и монгольских языках слово **jīl* 'год', по всей вероятности, является заимствованием из древнетюркского языка булгарского типа и восходит в конечном итоге к тому же архетипу **lā-*. Общетюркские слова **qī:š* 'зима' и **kū:z* 'осень' восхо-

дят к архетипу **kü-* с первоначальным значением «холод», «стужа», «мороз».

И. П. Павлов (Чебоксары), выступивший с сообщением «К истории личных местоимений чувашского языка», указал, что при этимологизации личных местоимений необходимо учитывать морфологические изменения в их структуре.

История чувашских местоимений в большинстве случаев насыщена такими изменениями, как чередования, вставки фонем на стыке морфем и др. Личные местоимения до такой степени видоизменяются, что их трудно сопоставлять с аналогичными местоимениями многих родственных языков. Основной падеж местоимения 1-го лица единственного числа *эпе* отличается от форм других падежей: здесь к началу корня присоединен дейктический элемент *э-*, заимствованный, очевидно, из финно-угорских языков; в анлауте корня фонема *п* не чередуется с фонемой *м*, как в других падежах (*ман-ан*, *ман-а*); в ауслауте корня нет ожидаемой фонемы *н* (как во многих тюркских языках); в неосновных падежах, где применяется вставочная фонема *н*, в корневой морфеме фонема *п* чередуется с фонемой *м*.

А. Б. Булатов (Казань) посвятил свое сообщение этимологии чувашских отрицательных частиц *ан* и *мар*, отсутствующих в других тюркских языках. Приведя исторические данные о связях древнебулгарских племен с готами и армянами, он предложил этимологизировать чувашское *ан* 'не' с аналогичными по значению и функции, а также фонетически близкими элементами немецкого и армянского языков. Требуется выяснения, однако, связь чувашского *ан* с зафиксированным в «Диване» Махмуда Кашгарского *анг* 'не'.

Чувашское *мар* 'не', по мнению докладчика, образовано в результате слияния отрицательной частицы *-ма* (*-ме*) и аффикса *-р*, образующего формы 1-го и 2-го лица. Рефлекс генетически того же элемента он склонен усматривать в слове *марулат*, зафиксированном в кыпчакском словаре XV века. Кроме того, он считает общими по происхождению аффиксы отрицания в чувашском и азербайджанском языках: чув. *какй-мар-ам* 'я не пошел', азерб. *ал-мар-ым* 'я не взял'.

Ю. Ф. Ефимов (Чебоксары) в своем сообщении рассмотрел ряд слов чувашского языка с общетюркским корнем *ор-*. Среди дериватов данного корня он прежде всего выделил слово *ёрче* 'плодиться', 'размножаться'. Сопоставление его с тюркскими и монгольскими параллелями позволяет восстановить праформу **riçe* с глагольной семантикой 'плод' ~ 'плодиться'. Можно допустить связь этой формы со словами *ару* 'род, племя' и *вард* 'семя'.

Р. Г. Ахметьянов (Казань) предложил свою этимологию некоторых названий фольклорных жанров в чувашском языке. Он рассмотрел ряд слов [*юрд* 'песня', *халап* 'сказка-притча', *тав* 'благодарение',

савд 'слова песни', *самах* 'слово; художественная речь', *экиет* 'чапушка (сатирическая)', *такмак* 'чапушка', *хайлав*, 'долгое пение' и *хйхлев* 'плач, причитание'] и дал лингвистическое и культурно-историческое обоснование их новых этимологий, широко используя материалы из диалектов и фольклора, в частности, обрядовых песен и других аналогичных текстов.

Этимология чувашского *юмса* 'знахарь, знахарка' послужила темой сообщения Ю. Дмитриевой (Сегед, ВНР). В литературе известны различные трактовки истории этого слова. В частности, широко бытует мнение о связи чувашского *юмса* с тюркским *кам* 'колдун, шаман'. Тщательно проанализировав фонетическое развитие чувашского слова *юмса* и его семантику, автор сообщения приходит к выводу о невозможности такой связи.

Чувашские названия рыб, наряду со значительной близостью к соответствующим словам других тюркских языков, обнаруживают и много специфического. Некоторые из них, в частности, *сарттан* 'щука', *кутан* 'головль', 'пескарь' были проанализированы Е. А. Анисимовой (Москва) в плане установления межъязыковых связей и внутриязыкового развития.

Кроме сообщений о происхождении слов с нарицательным значением, на сессии были представлены и сообщения по чувашской ономастике. На семантическом спектре термина *ор/ур* в топонимии Чувашии подробно остановился В. А. Нестеров (Чебоксары). На территории Чувашии, в междуречье Суры и Кирь и южнее по реке Бездне им выявлено около двух десятков названий с этим элементом. В современном чувашском языке этот термин в качестве самостоятельного слова не существует. Однако он мог быть известен чувашам на каком-то этапе развития их языка. Н. И. Ашмарин записал термин *ур* в значении 'ров' и в конкретной связи с древним городищем около города Тетюши Татарской АССР. Близкие фонетически и сходные по семантике слова имеются во многих тюркских языках. Слово *ор* 'крепость' как тюркское заимствование существовало в марийском языке. Ныне оно считается устаревшим.

Отражению в чувашской ономастике иранской социальной терминологии было посвящено сообщение Н. А. Андреева (Чебоксары). По его мнению, чувашская социальная терминология в прошлом во многих своих элементах, в частности в титулатуре, названиях социально-политических институтов, обнаруживает связь со словами иранского корня. Многие из заимствованных в древности слов, ныне не известных чувашам в нарицательном значении, сохранились в чувашских антропонимах и топонимах. Изучение их представляется актуальным с точки зрения исторической лексикологии чувашского языка и этнической истории чувашей.

М. Ф. Чернов (Чебоксары) в сообщении «Чувашские фразеологизмы с архаизмами» на многочисленных примерах показал, что в составе фразеологизмов современного чувашского языка встречается немало лексических архаизмов, например, *тёмен* 'мир', *сапа* 'сырость'. Их сохранение связано с непреходящей актуальностью и употребительностью фразеологизмов в современном языке. Зафиксированные в них устаревшие слова воспринимаются как органические компоненты. Данные чувашской фразеологии наряду с другими фактами языка могут послужить ценным источником для изучения истории чувашской лексики.

Н. П. Петров (Чебоксары), выступивший с сообщением «Изменение семантической структуры некоторых чувашских слов в советскую эпоху», указал, что чувашский язык непрерывно обогащается новыми лексическими образованиями и заимствованиями. Потребность же в номинации часто удовлетворяется с помощью старых слов, путем расширения их смыслового объема. Так, расширили свои семантические границы общепотребительные слова *сасă* 'звук', 'голос', *сыпăк* 'звено', 'глава', 'слог', 'стадия', *татăк* 'кусок', 'отрезок', 'частица', *сăпат* 'облик', 'лицо', *сăва* 'частьшка', 'стих', 'стихотворение' и многие другие. Сузили свой смысловой объем такие слова, как *кимĕрĕ* 'лодочник', *утарçă* 'пасечник', *пахçаçă* 'садовник' и др. Старые значения заменились новыми у слов *чĕлхерĕ* 'языковед' (старое: 'знаток наговоров и заговоров'), *кӳлĕм* 'период рабочего времени', 'смена' (старое: 'запряжка, упряжка') и др. Важно отметить, что в возникновении новых значений общепотребительных чувашских слов большую роль играет русский язык. Налицо тенденция к корреляции семантической структуры некоторых чувашских слов с семантикой соответствующих слов русского языка. Исторически подобное явление наблюдалось при контактах и с другими языками, что необходимо учитывать при этимологизации и определении прошлой семантики чувашских слов.

Доклады и сообщения, заслушанные на научной сессии, вызвали большой интерес и оживленный обмен мнениями. По ряду положений развернулась дискуссия, было вы-

сказано много замечаний и предложений, которые, несомненно, будут способствовать подъему уровня и расширению размаха исследований по исторической лексикологии чувашского языка.

Участники научной сессии приняли рекомендацию, в которых отмечается успешное развитие историко-этимологических исследований в Чувашии. Особое удовлетворение вызывает плодотворное творческое сотрудничество чувашских и венгерских ученых во главе с профессором Сегедского университета им. Аттилы Йожефа Андрашем Рона-Ташем, научным консультантом, членом редколлегии и одним из составителей «Этимологического словаря чувашского языка».

Сессия признала первоочередной задачей лингвистов Волго-Камского региона координацию усилий в изучении языков проживающих здесь народов, в частности истории их лексики.

В качестве необходимых научно-организационных мер в этом направлении были рекомендованы:

а) организация Отделением литературы и языка Академии наук СССР регионального научно-координационного органа по изучению языков Волго-Камья;

б) публикация научными учреждениями и вузами региона периодических тематических сборников (поочередно в каждой республике), работ по ареальной лингвистике и межъязыковым взаимоотношениям в регионе; более целенаправленное освещение этой проблематики в научных журналах;

в) систематическое проведение научными учреждениями и вузами региона научных сессий и конференций по вопросам истории языков ареала с участием ученых братских республик;

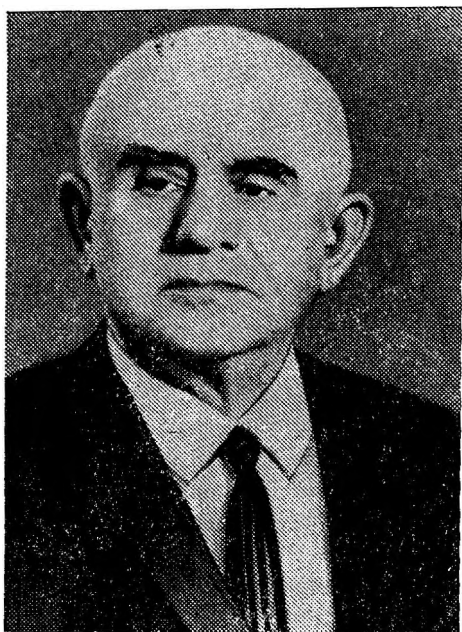
г) налаживание сотрудничества в подготовке кадров — специалистов со знанием смежных языков путем обмена студентами, аспирантами и стажерами, а также вузовскими преподавателями для чтения специальных курсов;

д) усиление сотрудничества и обмена информацией с зарубежными тюркологами и финноугроведами с целью повышения эффективности и теоретического уровня проводимых научных исследований.

М. И. Скворцов

PERSONALIA

СЕРГЕЙ СИМОНОВИЧ ДЖИКИЯ (К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

20 октября 1978 года исполнилось семьдесят лет со дня рождения академика Академии наук Грузинской ССР, доктора филологических наук, профессора Сергея Симоновича Джикия. С именем видного советского ориенталиста С. С. Джикия неразрывно связано становление и развитие тюркологии в Грузии.

С. С. Джикия родился в селе Оногия Гегечкорского района Грузинской ССР в крестьянской семье. В 1924 году он окончил педагогический факультет Тбилисского университета по специальности «грузинское языкознание». В 1926 году С. С. Джикия был принят в аспирантуру названного университета. В 1927—1929 годах молодой ученый был командирован в Стамбульский университет для изучения турецкого языка

и литературы. В 1929—1932 годах С. С. Джикия успешно занимается в аспирантуре Академии наук СССР в Ленинграде и специализируется в области турецкой филологии.

Основными проблемами, которым С. С. Джикия посвятил свои исследования, являются: диалектология тюркских языков (турецкого и азербайджанского), история турецкого языка и публикация турецких документов и письменных исторических источников, касающихся Грузии и Кавказа.

Фундаментальным трудом С. С. Джикия, снискавшим ему широкую известность и всеобщее признание специалистов как в нашей стране, так и за ее рубежами, является его четырехтомная монография, посвященная исследованию «Пространного реестра вилайета Гюрджистан» («DeFTER-i muFassal-i vilâyet-i Gürcüstan»). Этот труд включает публикации турецкого критического текста, его грузинского перевода и два тома исследования, в котором подвергнуты анализу топонимика, ономастика и социально-экономическая терминология, зафиксированные в тексте «Реестра». Эта работа имеет огромное значение как для изучения истории турецкого языка, так и для освещения ряда вопросов социально-экономической и политической истории Грузии и всего Закавказья. Однако значимость этой работы С. С. Джикия не ограничивается лишь локальными рамками социально-экономической истории Грузии и Закавказья. Известный венгерский ученый-тюрколог Л. Фекете отмечал, что теперь уже относящийся к Грузии *tahrîr* можно сопоставлять с аналогичными историческими документами, изданными для других турецких провинций, благодаря чему исследователи истории Турецкой империи и ее отдельных провинций получают в свое распоряжение ценные данные для проведения параллелей и дополнительный материал. По мнению профессора Л. Фекете, замечательного знатока и издателя сложнейших по написанию турецких *tahrîr*ов, выполненных почерком *sîkat*, публикация С. С.

Джикия превосходит многие аналогичные работы, посвященные изучению турецких фискальных документов, касающихся провинций Османской империи (см.: «Acta Orientalia Hungaricae», t. VII, № 1, fasc. 1, Budapest, 1957, стр. 2).

До С. С. Джикия никто не отваживался на прочтение и научное издание «Пространного реестра». Ранее существовали лишь переводы аналогичных документов без публикации критического текста оригиналов. Да и позднее, уже после издания С. С. Джикия «Пространного реестра» вильяета Гюрджистан в 1941 году, появляются лишь переводы «Реестров», без воспроизведения и публикации турецкого текста, писанного почерком *siakat*. Именно этим и объясняется столь высокая оценка работы С. С. Джикия, данная Л. Фекете. Известный английский ориенталист Б. Льюис писал, что лишь публикация С. С. Джикия сделала возможным основательное и детальное ознакомление с таким важнейшим видом турецких исторических документов, каковыми являются *Defter*'ы. Работа С. С. Джикия являет собой редкий образец глубокого исследования и вопросов исторической географии, сравнимый по значимости, как справедливо отмечал академик Г. В. Церетели, с известным трудом В. Минорского «*Hudūd al-'Ālam*» (см.: «*Filologia Orientalis*», III, Тбилиси, 1963, стр. 11).

Велики заслуги С. С. Джикия в подготовке научных кадров. Эти заслуги опреде-

ляются не только тем, что перу ученого принадлежат самостоятельные учебные курсы, используемые в вузах страны, и пособия по различным тюркологическим дисциплинам, но прежде всего тем, что уже более сорока лет С. С. Джикия ведет плодотворную педагогическую работу, начавшуюся в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики и Ленинградском восточном институте и продолжающуюся с 1936 года по сей день в Тбилисском государственном университете.

Хорошо известны также заслуги С. С. Джикия как организатора научной работы. С 1936 по 1945 год ученый заведовал кафедрой восточных языков в Тбилисском университете, с 1945 по 1973 год возглавлял основанную им же университетскую кафедру тюркологии. Со дня организации Института востоковедения Академии наук Грузинской ССР (1960 год) С. С. Джикия бессменно руководит в нем Отделом тюркологии. В 1945 году при активном участии ученого был организован факультет востоковедения Тбилисского университета, которым С. С. Джикия также руководил в течение семи лет.

Свое восьмидесятилетие Сергей Симонович встречает полный творческих сил. Друзья, коллеги и ученики С. С. Джикия желают ему долгих лет жизни и новых успехов в научной работе на благо отечественной тюркологии.

А. Н. Кононов, Т. В. Гамкрелидзе

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Г. Ф. Блжгова (Москва). К теории тюркского склонения 3
К. М. Абдуллаев (Баку). Сложное синтаксическое целое как объект семантико-грамматического анализа 10

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Р. А. Юналсева (Казань). Лексико-семантическое развитие тюркских названий головных уборов в русском языке 20

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- И. Х. Ахматов (Нальчик). Соотношение между формальной структурой и семантикой односоставного предложения в карачаево-балкарском языке . . . 26
В. Л. Гукасян (Баку). О фонемном новообразовании 33

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Е. И. Оконешников (Якутск). Э. К. Пекарский — выдающийся лексикограф . 44
В. Д. Аракин (Москва). Н. К. Дмитриев и тюркская лексикология 52
Б. В. Лукин (Ташкент). Павел Александрович Фалев 60

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- С. А. Соколов (Москва). О соотношении «асиндетона» и «бессоюзия» 63
Г. К. Кулиев (Баку). Лексико-семантическое развитие глаголов слухового восприятия в тюркских языках юго-западной группы 70
Т. Д. Потапова (Москва). Об ударении в турецких топонимах 79
Д. Д. Васильев (Москва). Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала (II) 92

РЕЦЕНЗИИ

- Х. Г. Нигматов, Э. Қиличев (Бухара). И. Қўчқортоев. Сўзнинг маъноси ва унинг валентлиги 96
А. Тажмуратов, Т. Бегжанов (Нукус). У. Доспанов. Қарақалпақ тили туслик диалектиниң лексикасы 99
В. М. Мокиенко (Ленинград). «Паремиология Узбекистана» 100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- М. И. Скворцов (Чебоксары). Научная сессия по проблемам исторической лексикологии чувашского языка 103

PERSONALIA

- А. Н. Кононов (Ленинград), Т. В. Гамкрелидзе (Тбилиси). Сергей Симонович Джикия 108

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- G. F. Blagova* (Moscow). Towards the theory of Turkic declension 3
K. M. Abdullayev (Baku). Composite sentence as object of semantic grammatical analysis 10

LANGUAGES IN CONTACT

- R. A. Yunaleyeva* (Kazan). Lexico-semantic development of the turkic words, denoting head-dresses in the Russian language 20

DISCUSSIONS

- I. Kh. Akhmatov* (Nalchik). The correlation between the formal structure and semantic of mononuclear sentence in the Karachai-Balkar language . . . 26
V. L. Gukasyan (Baku). On the phonemic word-formation 33

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

- E. I. Okoneshnikov* (Yakutsk). E. K. Pekarsky is a prominent lexicographer . . 44
V. D. Arakin (Moscow). N. K. Dmitriyev and the Turkic lexicology 52
B. V. Lunin (Tashkent). Pavel Alexandrovich Falev 60

REPORTS, SURVEYS

- S. A. Sokolov* (Moscow). On the correlation of «asyndeton» and «conjunctionless» 63
G. K. Kuliyeu (Baku). Lexico-semantic development of verba audiendi in the Turkic languages of the South-West group 70
T. D. Potapova (Moscow). On stress in the Turkish toponyms 79
D. D. Vasilyev (Moscow). The Turkic runic inscriptions of the Asian area (II) . 92

REVIEWS

- Kh. G. Nigmatov, E. Kiličev* (Bukhara). И. Қўчқортоев. Сўзнинг маъноси ва унинг валентлиги 96
A. Tazhmuratov, T. Begzhanov (Nukus). У. Доспанов. Қарақалпақ тили туслик диалектининг лексикасы 99
V. M. Mokiyeenko (Leningrad). «Паремнология Узбекистана» 100

SCIENTIFIC LIFE

- M. I. Skvortsov* (Cheboksari). Scientific session on historical lexicology problems of the Chuvash language 103

PERSONALIA

- A. N. Kononov* (Leningrad), *T. V. Gamkrelidze* (Tbilisi). Sergei Simonovich Djikiya 108

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 31/X-1978 г. Подписано к печати 23/II-1979 г. ФГ 11041. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 6428. Тираж 3195. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист» ул. Авакяна, 529 квартал